

ИСТОРИЯ ВЛАСТИ
ОТ ПЕТРА I
ДО НИКОЛАЯ II

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ РОССИИ
ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ

С. Ю. ВИТТЕ

Государственные деятели России глазами современников

Сборник
С. Ю. Витте

ИЦ «Пушкинского фонда»

2018

УДК 94(470+571):929
ББК 63.3(2)6-8ВиттеЗ

Сборник

С. Ю. Витте / Сборник — ИЦ «Пушкинского фонда»,
2018 — (Государственные деятели России глазами современников)

ISBN 978-5-9500595-2-0

Сергей Юльевич Витте сыграл одну из определяющих ролей в судьбе России. Именно ему государство обязано экономическим подъемом конца XIX – начала XX веков. Именно он, обладая прагматическим умом и практическим опытом, стабилизировал российские финансы и обеспечил мощный приток иностранного капитала. Его звездный час наступил, когда в разгар революционного катаклизма он сумел спасти монархию, сломив сопротивление императора и настояв на подписании Манифеста 17 октября, даровавшего гражданам России основные свободы, в том числе право выбирать парламент – Государственную думу. Он был противником войны с Японией, ему не удалось ее предотвратить, но удалось заключить мир на приемлемых условиях. История распорядилась так, что Витте оказался заслонен блестящей и трагической фигурой своего преемника Петра Аркадьевича Столыпина. Между тем и в политическом, и в экономическом плане Столыпин продолжал дело Витте и опирался на его разработки. История Витте – драматическая история человека, чужого для придворной элиты, сделавшего исключительно благодаря своим дарованиям стремительную карьеру, оказавшего огромные услуги своему Отечеству, отторгнутого императором и его окружением и отброшенного в политическое небытие. Предостерегавший из этого небытия от вступления в мировую войну, он умер за два года до катастрофы февраля 1917 года, которую предвидел. Многочисленные свидетельства соратников и противников Витте, вошедшие в эту книгу, представляют нам не только сильную и противоречивую личность, но и не менее противоречивую эпоху двух последних русских императоров, когда решалась судьба страны.

УДК 94(470+571):929

ББК 63.3(2)6-8ВиттеЗ

ISBN 978-5-9500595-2-0

© Сборник, 2018

© ИЦ «Пушкинского фонда», 2018

Содержание

И. В. Лукоянов	7
С. Ю. Витте	25
[С. Ю. Витте]	25
Часть первая	25
Часть вторая	33
В. С. Нарышкина-Витте	38
Часть первая	38
А. Е. Кауфман	42
М. Э. Клейнмихель	49
А. Р. Дезен	53
Н. Е. Врангель	54
Н. А. Байков	55
Н. Н. Изнар	56
А. Ф. Кони	64
В. П. Мещерский	70
И. И. Кольшко	74
Глава XIV. Витте	74
Глава VII. Плеве	82
Глава XIV. Витте	85
С. М. Проппер	89
Н. А. Вельяминов	93
Конец ознакомительного фрагмента.	107

И. В. Лукоянов

Сергей Юльевич Витте

© Байков Н. А. (наследники), 2018
© Лопухин В. Б. (наследники), 2018
© Нарышкина-Витте В. С. (наследники), 2018
© Руманов А. В. (наследники), 2018
© Лукоянов И. В., составление, вступительная статья, примечания, 2018
© Обласов В. Ю., оформление серии, 2018
© ООО «ИЦ Пушкинского фонда», 2018
Издательство «Пушкинского фонда» ®

И. В. Лукьянов

С. Ю. Витте в воспоминаниях современников

Сергей Юльевич Витте (1849–1915), первый премьер-министр Российской империи (1905–1906), а до этого в течение более десяти лет министр финансов (1892–1903), является одним из крупнейших отечественных политических деятелей. По широте замыслов, настойчивости в достижении планов, общему пониманию проблем, с которыми столкнулась Россия, а также осознания ее своеобразия, рядом с ним в начале XX века трудно кого-либо поставить. Даже П. А. Столыпин, в наше время возведенный в ранг национального героя, в этом отношении проигрывает. Иное дело – личные качества. Здесь П. А. Столыпин, без сомнения, превосходит своего талантливейшего, но провалившего все «замеры» на благородство натуры современника. Увы, большая политика, да еще и в исполнении парвеню, никак не связанного со столичным светом, конечно же, не могла делаться в белых перчатках. Но здесь мы несколько забегаем вперед.

Биография С. Ю. Витте сегодня хорошо известна благодаря значительному числу исследований – десятки книг, не одна сотня статей, особое место среди которых занимают работы Б. В. Ананьича и Р. Ш. Ганелина – известных историков, изучавших деятельность Витте на протяжении полувека¹. О С. Ю. Витте начали писать при его жизни, в советское время доминировала негативная оценка политической деятельности министра, особенно во главе правительства, хотя специалисты-историки не могли не признать его деловых качеств и осторожно отдавали ему должное. Юбилей – 150-летие со дня рождения, отмеченный в 1999 году, – подстегнул интерес к персоне С. Ю. Витте. Появились и первые его обстоятельные жизнеописания, склонные, однако, к апологетике героя². Многократно издавались его воспоминания в разном составе³. Существует также собрание сочинений и документальных материалов – 10 книг записок и работ (по титулу – в 5 томах), под которыми стояло имя С. Ю. Витте (это не означает, что все они были написаны им), вышедшее в 2002–2007 годах под эгидой Института экономики РАН по инициативе Н. К. Фигуровской и так и не завершенное⁴.

Исследователи, как и современники, весьма неравнодушно относились к своему герою. Надо признать, что С. Ю. Витте немало способствовал этому сам. Он подготовил в 1911–1913 годах обширные мемуары, содержавшие многочисленные язвительные и уничижительные оценки его современников, среди которых лишь немногие удостоивались хотя бы снисходительной похвалы. Эти мемуары увидели свет в 1922–1923 годах. Вероятно, то была запоздалая месть С. Ю. Витте многочисленным противникам и врагам, от некоторых он, надо признать, действительно сильно претерпел при жизни. Так он обрек себя на долгую память в литературе, особенно мемуарной. Пущенные им стрелы в прошлое вызвали волну ответных воспоминаний и комментариев, «разоблачающих» рассказы графа и уличающих его если не в намерен-

¹ См.: Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. С. Ю. Витте и его время. СПб., 1999. – *Здесь и далее, если не указано иное, примеч. составителя.*

² Ильин С. В. Витте. 2-е изд. М., 2012 (серия «Жизнь замечательных людей»).

³ Витте С. Ю. Воспоминания: Царствование Николая II. Т. 1–2. Берлин, 1922; Витте С. Ю. Воспоминания: Детство. Царствования Александра II и Александра III (1849–1894). Берлин, 1923. Эти книги были переизданы в Советской России, сначала в 1923–1924 гг., затем в 1960 г. С 1991 г. мемуары С. Ю. Витте также неоднократно переиздавались в разном составе. В 2003 г. вышло в свет первое их издание по авторской рукописи, хранящейся ныне в составе его коллекции в Колумбийском университете (Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1: Рассказы в стенографической записи, кн. 1–2; т. 2: Рукописные заметки. СПб., 2003).

⁴ Витте С. Ю. Собрание сочинений и документальных материалов. Т. 1, кн. 1.; кн. 2, ч. 1–2; т. 2, кн. 1–2; т. 3, кн. 1–3; т. 4, кн. 1; т. 5. М., 2002–2007. Так и не были изданы документы, не касающиеся вопросов экономики, как, например, записка «Самодержавие и земство», внешнеполитические бумаги и т. п.

ной лжи, то, как минимум, в массе неточностей и искажений. Реакцию читателей нетрудно было предсказать: «Чем больше вчитывается вы в его воспоминания, тем сильнее растет у вас желание высказаться о произведенном ими на вас впечатлении, **и притом высказаться** не в виде дифирамба большому человеку, ушедшему с занимаемого им поста благодаря зависти той придворной камарильи, которая окружала Николая II, а в силу сердечной потребности вступить за [многих] бездоказательно униженных [благодаря присущей его натуре злобе ко всем сколько-нибудь выдающимся людям] самим автором воспоминаний»⁵. Н. С. Таганцев, автор этих строк, занимал при этом вполне умеренную позицию. Волна последовавших опровержений виттевских воспоминаний была настолько широка, что охарактеризовать ее в нескольких словах довольно трудно. В качестве примера приведем один из наиболее обстоятельных откликов – А. А. Лопухина, бывшего директора Департамента полиции, человека, весьма осведомленного по своей должности, уже поэтому его реакция представляет собой большой интерес (см. настоящее издание). Многие авторы не только вступались за обиженных, но и в ответ обличали С. Ю. Витте в различных злодеяниях (в чем читатель сборника сможет без труда убедиться). Однако большая часть подобных инвектив носит малодоказательный характер: нередко обвинения формулировались с чьих-то слов, отражали лишь слухи. Тем большую ценность представляют свидетельства, принадлежавшие современникам, вплотную работавшим с С. Ю. Витте и имевшим возможность вживую наблюдать разные стороны его личности. Их представления о нем куда более разнообразны и не столь однобоки. Именно такие воспоминания и легли в основу этой книги. Разумеется, они рисуют иного С. Ю. Витте, не такого, каким он сам пытался представить себя для потомков.

Сергей Юльевич Витте родился в 1849 году в Тифлисе. Он был сыном чиновника средней руки Юлия Федоровича Витте, служившего в управлении государственными имуществами на Кавказе, и Екатерины Андреевны Фадеевой, чьи родственные связи восходили к княжескому роду Долгоруких (С. Ю. Витте этим очень гордился, но это не ввело его в круг родовой знати). Дедом С. Ю. Витте по материнской линии был Андрей Михайлович Фадеев (1789–1867), саратовский губернатор, затем управляющий казенными имуществами на Кавказе. Свои детские годы в Тифлисе будущий сановник провел в доме А. М. Фадеева. Воспитанием внука активно занималась бабушка, Елена Павловна Фадеева, одна из самых замечательных женщин своей эпохи, интересовавшаяся естествознанием, историей, археологией, состоявшая в переписке с рядом европейских ученых того времени. Среди родственников С. Ю. Витте оказалось несколько писательниц – Е. А. Ган (1814–1842) и ее дочь, известная публицистка и основательница теософии Е. П. Блаватская (1831–1891); В. П. Желиховская (1835–1896), приходившаяся ему двоюродной сестрой, и ее дочь Н. В. Желиховская (1864–1938), супруга известного военачальника А. А. Брусилова; наконец, его родная сестра – Софья Витте (1849–1917), из-за совпадения инициалов ее сочинения иногда приписывали перу брата.

Детство будущего премьер-министра прошло на Кавказе, гимназическое образование он завершил в Кишиневе, где оказался на короткое время в 1865–1866 годах, а юношеские годы провел в основном в Одессе. Затем был Новороссийский университет (1866–1870) и работа на железной дороге (1870). В 1871 году будущий сановник поступил на государственную службу (Одесская железная дорога управлялась Русским обществом пароходства и торговли – акционерной компанией) в канцелярию новороссийского генерал-губернатора, а в 1874 году перешел в Министерство путей сообщения. В 1877 году он покинул ведомство, чтобы чуть позже возглавить службу движения в Обществе Юго-Западных железных дорог (одном из крупнейших в России), а затем стать и его управляющим (1886–1889). Этот период его жизни, до окон-

⁵ Таганцев Н. С. Впечатления от воспоминаний графа Витте // Интеллигенция и российское общество в начале XX века. СПб., 1994. С. 188.

чательного переезда в Петербург в 1889 году (до этого, в 1878–1879 годах, С. Ю. Витте недолго прожил в столице), т. е. свыше 20 лет, известен недостаточно хорошо. Мемуарных свидетельств тех лет осталось мало. Небольшой апологетический очерк одесского журналиста А. Е. Кауфмана, воспоминания приемной дочери Веры, отчасти написанные по рассказам отца, и не так давно впервые опубликованная большая рукопись Н. Н. Изнара, железнодорожного инженера, близко сталкивавшегося с С. Ю. Витте по службе в 1880-х годах, – вот, по сути, и все. Прочие свидетельства, которые вошли в настоящее издание, – достаточно кратки, их авторы повествуют об эпизодических контактах с будущим сановником (Н. Е. Врангель, Н. А. Байков, А. Р. Дезен). Тем не менее, не опровергая основную канву мемуаров самого С. Ю. Витте, они добавляют к ним некоторые интересные штрихи.

Прежде всего, это стремление сделать большую карьеру. Мемуаристам запомнилось, как С. Ю. Витте тогда, в 1870–1880-е годы, предпринимал энергичные усилия, чтобы двигаться «наверх». Современники отдавали должное деловым качествам будущего сановника: умение схватывать вопросы налету, вникать в самые разные дела, подыскивать нужных людей. Они также свидетельствовали о том, что С. Ю. Витте уже в Киеве овладел искусством карьерной борьбы, в основе которого лежала интрига и беспринципность – качества, сопровождавшие его всю жизнь (Н. Н. Изнар). Н. А. Вельяминов заметил: «Во всем его облике чувствовался тип американца, человека самобытного, самородка, *self-made man*, человека, выбившегося своим трудом и своими талантами»⁶. Это не совсем так. Некоторые связи и протекции у С. Ю. Витте все-таки имелись, и он ими пользовался, как мог (Р. А. Фадеев, Н. М. Чихачёв). Другое дело, что определяющей роли они в его карьере не сыграли. Однако поддержка дяди – Р. А. Фадеева, известного публициста, близкого графу И. И. Воронцову-Дашкову, министру двора в 1881–1897 годах, – способствовала кратковременному появлению С. Ю. Витте в большой петербургской политике. Об этом подробнее чуть позже, а пока – несколько слов о личности Ростислава Андреевича Фадеева (1824–1883).

Свою карьеру военного он сделал на Кавказе, где сблизился с главнокомандующим, а затем наместником князем А. И. Барятинским. Р. А. Фадеев стал офицером для особых поручений при главнокомандующем, а позже его литературным сотрудником (кем-то вроде «пресс-секретаря»). Он был единомышленником Барятинского в том, что касалось критики военных реформ, проводимых Д. А. Милютиным. В частности, они возмущались засильем штабов, требовали восстановить приниженную, как им казалось, роль командиров. Однако полемика, которую оппоненты военного министра развернули в печати, успеха не возымела⁷. С. Ю. Витте в воспоминаниях привел примечательный диалог, пересказанный ему дядей. Как-то раз Р. А. Фадеев случайно встретился в царскосельском парке с Александром II. Царь не узнал его, Р. А. Фадеев представился, в ответ он услышал: „Ну, а что ты все пишешь? Скоро ли перестанешь писать?!“ Это было сказано недовольным тоном»⁸.

Мы почти ничего не знаем о политических взглядах Витте до 1880-х годов, в бытность его провинциальным чиновником⁹. Сам С. Ю. Витте утверждал, что еще в годы студенчества он был «правым». Надо понимать, что для рубежа 1860–1870-х годов придерживаться «пра-

⁶ См. настоящее издание. С. 144.

⁷ Подробнее см.: Кузнецов О. В. Р. А. Фадеев: генерал и публицист. Волгоград, 1998.

⁸ Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1: Рассказы в стенографической записи. Кн. 1. СПб., 2003. С. 43–44.

⁹ Правда, в бумагах М. М. Ковалевского, хранящихся в Колумбийском университете, сохранилась копия анонимной записки о необходимых реформах в России, переданной наследнику престола Александру Александровичу 16 ноября 1880 г. якобы через К. П. Победоносцева. Принадлежность записки С. Ю. Витте подтверждал М. М. Ковалевский, но никаких других указаний на это пока обнаружить не удалось, поэтому вопрос об авторстве текста его публикатор А. М. Семенов оставил открытым (Семенов А. К вопросу об авторстве одного документа: ранее свидетельство политической активности С. Ю. Витте? // *Ab Imperio*. 2000. № 3/4. С. 187–204). Предложения автора записки не оригинальны (необходимость бездефицитного бюджета, реформы налогов, ответственность министров перед Государственным советом и др.), но представляют интерес для изучения его взглядов.

вых» взглядов означало, прежде всего, не принимать участия в революционном и демократическом движении. Первый раз в воспоминаниях современников С. Ю. Витте появляется на политическом поприще в связи со «Святой дружиной» (в литературе ее часто ошибочно называют «Священной»). М. Э. Клейнмихель передала рассказ самого С. Ю. Витте, близкий к тому, что он поместил в мемуарах¹⁰. Инициатива создания этого негласного общества для борьбы с революционерами, которую С. Ю. Витте приписал себе, скандальная деятельность «Дружины» и ее бесславный конец были непростой темой для рассказа. Тем не менее делать из этого тайну не представлялось возможным: сведения о «Дружине» постепенно проникли в печать и стали предметом оживленной дискуссии в 1912–1914 годах. С. Ю. Витте одним из первых публично признал факт существования организации и свое членство в ней, что уже делает ему честь¹¹. К сожалению, свидетельств других мемуаристов об участии Витте в «Дружине» нет, но немногочисленные сохранившиеся документы позволяют предположить, что его роль была более значительной, чем ему хотелось бы признать¹².

1 марта 1881 года С. Ю. Витте, потрясенный убийством Александра II, написал письмо своему дяде Р. А. Фадееву, высказав идею бороться с революционерами их же оружием, то есть создать такую же, как у них, тайную организацию, которая в ответ производила бы покушения на лидеров террористов¹³. Идея была сомнительна и не профессиональна – что ее автору мог легко объяснить любой офицер полиции (невозможно искоренять антиправительственную деятельность, игнорируя законы). И все же в атмосфере испуга и растерянности, установившейся в верхах после 1 марта, за нее ухватились, как за соломинку для утопающего. Письмо С. Ю. Витте через И. И. Воронцова-Дашкова, ставшего министром двора, тут же попало в руки Александру III, и идея получила высочайшее одобрение. Однако в организации общества, получившего название «Святой дружины», С. Ю. Витте прямо не участвовал: его просто приняли в ее ряды. Реальными руководителями «Дружины» стали великий князь Владимир Александрович (чья роль скрывалась), И. И. Воронцов-Дашков (формальный глава) и Боби (П. П.) Шувалов, считавшийся душой общества¹⁴. Разбитая на пятерки, ограничивавшие знакомство каждого члена общества лишь несколькими коллегами, то есть построенная по образцам тайных обществ Европы и России начала XIX века, «Святая дружина» в итоге вовлекла в свои ряды свыше 700 человек как столичной, так и провинциальной верхушки. С. Ю. Витте получил полномочия главного в киевском районе. О своей организационной деятельности в Киеве в воспоминаниях он даже не обмолвился. Зато неоднократно излагал историю своей поездки в Париж с поручением от «Дружины» убить ее агента Полянского, если тот в свою очередь не избавится от нигилиста Л. Н. Гартмана. История эта – не более чем сюжет для второсортного детективного романа, но у читателя не может не сложиться впечатление, что С. Ю. Витте было что скрывать. Иронический тон рассказа о его участии в «Святой дружине» наверняка объяснялся соответствующей репутацией этого предприятия. Конечно, никакой тайной ни для современников, ни тем более для революционеров «Святая дружина» не была, а приемы «дружинников» – «партизан политического сыска» – вызывали лишь иронию и негодование со сто-

¹⁰ Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. С. 118–123. Сопоставление двух рассказов см. в: *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш., Куликов С. В., Лебедев С. К., Лукоянов И. В.* С. Ю. Витте и «Святая дружина» // *Лемке М. К.* На изломе эпох: вклад С. Ю. Витте в развитие российской государственности. Т. 1: Святая дружина Александра III (Тайное общество борьбы с крамолой). 1881–1882 годы. По неизданным документам. СПб., 2012. С. 866–878.

¹¹ *Руманов А.* «Священная дружина». Мемуары графа Витте. Из встреч с гр^афом Витте // *Русское слово.* 1913. № 155 (6 июля).

¹² Они проанализированы в указанной книге Б. В. Ананьича и Р. Ш. Ганелина (С. 17–33).

¹³ Письмо С. Ю. Витте не сохранилось, его содержание сам автор пересказал в мемуарах (Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. С. 118).

¹⁴ Подробнее см.: *Лемке М. К.* Святая дружина Александра III (Тайное общество борьбы с крамолой). СПб., 2012. К сожалению, в этой обстоятельной книге, написанной почти сто лет назад, далеко не всем аспектам деятельности общества уделено достаточное внимание.

роны полиции. М. Е. Салтыков-Щедрин в «Современной идиллии» заклеил для будущего эту инициативу С. Ю. Витте как «клуб взволнованных лоботрясов».

Провинциал не удержался на скользких паркетах особняков столичной знати, да и влияние его дяди, сильное на рубеже 1870–1880-х годов, когда у власти находился М. Т. Лорис-Меликов, вскоре ослабело. С. Ю. Витте пришлось остаться в Киеве.

Несмотря на неудачу, будущий граф не опустил рук. Он искал разные пути, чтобы напоминать о себе в Петербурге, хотя и не очень успешно. Удобным поводом стала его первая книга – «Принципы железнодорожных тарифов» (1883). Автор предлагал брать деньги за транспортировку грузов исходя не только из действительных затрат, но прежде всего из востребованности железных дорог. Манипулируя тарифами, можно было искусственно поднимать и занижать доходность отдельных магистралей. Идея не являлась оригинальной, это давно поняли в Европе, но для России такой подход был нове. Молва упорно утверждала, что действительным автором сочинения являлся Б. Малешевский, сотрудник С. Ю. Витте. Доказательств этому не обнаружено до сих пор, но в пользу С. Ю. Витте можно указать на то, что и сам он был неплохим математиком, чье выпускное сочинение, посвященное бесконечно малым величинам, позднее было даже издано во Франции.

Наверное, не следует преувеличивать значение катастрофы царского поезда для дальнейшей карьеры С. Ю. Витте. 17 октября 1888 года недалеко от станции Борки, под Харьковом, состав, перевозивший царскую семью по пути из Крыма в Петербург, потерпел крушение. Скорость тяжелого состава была недопустимо высокой для тех технических условий – порядка 70 верст в час, и пути не выдержали. Было разрушено 10 вагонов, в том числе и царский. К счастью, из августейшего семейства никто серьезно не пострадал, среди жертв (21 погибший) оказалась лишь прислуга, ехавшая отдельно. В поисках ответственных за трагедию все причастные к ней, как это бывает, стремились обелить себя. Так, С. Ю. Витте утверждал, что трагедия случилась не из-за состояния трассы, а из-за неправильной сцепки вагонов царского поезда и превышения допустимой скорости. Другие (в том числе и прокурор уголовного кассационного департамента Сената А. Ф. Кони, которому было поручено расследование) искали причину также в состоянии железнодорожных путей, в частности – в гнилых шпалах. Основная вина, таким образом, падала на строителей магистрали. А. Ф. Кони стал свидетелем того, как С. Ю. Витте терзался сомнениями: он думал не о своей роли оракула, предупреждавшего царя о возможном происшествии, а о том, чтобы на него не пал гнев начальства (министра путей сообщения) за его показания на следствии. Он был бы рад вообще не иметь отношения к этой трагедии, не говоря уж о том, чтобы воспользоваться ей в своих интересах. К счастью для С. Ю. Витте, следствие не смогло прямо указать на виновных, Александр III же предпочел тихо закрыть дело. Имела ли эта история отношение к переезду С. Ю. Витте в Петербург? Сам С. Ю. Витте утверждал, что да¹⁵. Но, похоже, не она определила карьеру будущего министра.

После неудачи с «Дружиной» С. Ю. Витте в первой половине 1880-х попытался завязать контакты с видными представителями правой печати. И если в случае с И. С. Аксаковым это не получило продолжения (они ограничились вопросом о высшем образовании в России), то с М. Н. Катковым все оказалось по-иному. С. Ю. Витте вступил с ним в переписку, стал постоянным корреспондентом «Московских ведомостей». М. Н. Катков был далек от идей Р. А. Фадеева, но Витте без труда нашел с ним общий язык на почве национализма. Будущий министр писал ему о засилье поляков и евреев на Юго-Западных железных дорогах, предлагая сменить управляющий персонал на русский. Идея должна была прийтись по сердцу журналисту, так много писавшему по польской проблеме и боровшемуся за «русское дело» в Польше¹⁶. Вероятно, также важную роль сыграл И. А. Вышнеградский – тогда вице-председатель правления

¹⁵ Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. С. 170.

¹⁶ С. Ю. Витте – М. Н. Каткову. 16 октября 1883 г. (копия) // ОР РГБ. Ф. 120. К. 23 (Кн. 5). Л. 150–151.

Общества Юго-Западных железных дорог. Вряд ли было простым совпадением то, что в 1886 году С. Ю. Витте стал управляющим обществом. После того как сам И. А. Вышнеградский в 1887 году возглавил Министерство финансов, С. Ю. Витте активно поддерживал его в печати. Не удивительно, что 10 марта 1889 года он возглавил созданный по его плану для контроля за тарифами Департамент железнодорожных дел в составе Министерства финансов. Так начался петербургский период карьеры будущего графа.

В столице появился провинциал. Высокого роста, грузный, неуклюжий, с сипловатым голосом, лишенный светского лоска, не стеснявший себя манерами, грубоватый и резкий в обращении, но умный, практичный, с сильной деловой хваткой. Так или почти так рисует большинство мемуаристов С. Ю. Витте в его начальные петербургские годы. Вероятно, это был довольно типичный портрет честолюбивого чиновника из глубинки, не отягощенного влиятельной поддержкой или блестящим образованием (С. Ю. Витте окончил Новороссийский университет, только что перед этим открытый в 1865 году и не имевший еще полного штата преподавателей). Он оказался слишком яркой личностью, столица разделилась на поклонников и противников С. Ю. Витте, причем вторых было значительно больше. Наиболее проницательные понимали, что звезда С. Ю. Витте на петербургском политическом небосклоне взошла не на краткий миг. Знавший его ранее Б. М. Юзефович писал из Киева: «Если он долго продержится во власти, то России придется пережить не одно потрясение. Честолюбие Витте в полном смысле слова необъятно; в этом отношении он может быть причислен к типу людей, подобных Годунову и Наполеону Бонапарте. ...как верноподданный, я могу только желать, чтобы, по крайней мере, он был ограничиваем во влиянии своим предметами непосредственного своего ведения, но вспомните мои слова, что он не удовольствуется этим, ибо никакие рамки не будут для него достаточно широки»¹⁷.

Так и случилось. К тому времени – августу 1892 года – С. Ю. Витте стремительно преодолел дистанцию от директора Департамента железнодорожных дел, специально для него созданного, до руководителя одного из важнейших ведомств – Министерства финансов, на полгода задержавшись в кресле министра путей сообщения. О его пребывании во главе путейского ведомства очень выразительно написали И. И. Колышко и С. М. Проппер. Что показательно: первые действия начинающего министра напоминали «утро стрелецкой казни», так как вся верхушка министерства была вынуждена оставить свои посты. Подобная решительность редко сопровождала дебют начинающего сановника.

Карьере С. Ю. Витте не помешала даже женитьба на разведенной еврейке Матильде Лисаневич (урожденной Нурок). Первая жена Витте – Надежда Спиридонова (в девичестве Иваненко), дочь черниговского губернского предводителя дворянства, – умерла осенью 1890 года. За разрешением на второй брак С. Ю. Витте (накануне назначения его министром финансов) через И. Н. Дурново обратился к самодержцу. Противники Витте позднее распространили легенду, что Александр III разрешил своему любимцу жениться «хотя бы на козе»¹⁸, в действительности же царь ответил: «Мне он нужен как сведущий и способный человек, а что мне за дело до его жены»¹⁹. Тем не менее М. И. Витте долгое время (до осени 1905 года) не была принята при дворе, что постоянно уязвляло самолюбие обоих супругов.

¹⁷ Дневник Е. М. Феоктистова, запись 8 августа 1892 г. // ОР ИРЛИ. 9122. ЛПб. 14. Л. 51.

¹⁸ *Вонлярлярский В. М.* Мои воспоминания. 1852–1939 гг. Берлин, [1939]. С. 173.

¹⁹ Начальник Главного управления по делам печати МВД по горячим следам записал рассказ министра в свой дневник (Дневник Е. М. Феоктистова // ОР ИРЛИ. 9122. ЛПб. 14. Л. 51 об.). Несколько другую версию излагал сам С. Ю. Витте. В его пересказе, когда И. Н. Дурново представил Александру III справку о Матильде Лисаневич, царь ответил ему, «что я (Витте) исполняю долг честного человека (sic) и что он разрешает мне женитьбу. При этом никаких условий мне представлено не было» (*Половцов А. А.* Дневник 1893–1909. СПб., 2014. С. 317).

Большую роль в начале петербургской карьеры С. Ю. Витте сыграл князь В. П. Мещерский, немало потрудившийся для примирения нового министра с верхами столичной бюрократии, презрительно смотревшей на него как на выскочку. Важно было и то, что С. Ю. Витте смог быстро завоевать расположение К. П. Победоносцева, обер-прокурора Синода, всесильного «серого кардинала» во время царствования Александра III, несколько утратившего свое влияние при Николае II. В атмосфере интриг С. Ю. Витте сразу зарекомендовал себя умным и беспощадным противником, крайним прагматиком в поступках, готовым использовать для достижения своей цели любые средства. Интересы карьеры для него целиком подчиняли себе политические взгляды, это граничило с полной беспринципностью.

Парадокс: едва ли не самый успешный министр финансов императорской России при вступлении в должность совершенно не обладал необходимыми знаниями. Он слабо ориентировался в финансовой сфере, не понимал природу денег, склонялся к сторонникам серебряного рубля и эмиссионных решений в кредитной политике. Так, он выступал за проведение ускоренного железнодорожного строительства путем эмиссии специальных бумажных «сибирских рублей», за значительное расширение кредитных операций Государственного банка. Лишь энергичные протесты Н. Х. Бунге и других сановников, опасавшихся падения курса российской валюты за границей, заставили министра призадуматься. В итоге от своих намерений он отказался.

Должность министра финансов С. Ю. Витте занимал 11 лет, с августа 1892 до августа 1903 года. На этот пост он вступил, будучи сторонником капиталистического развития России, ее ускоренного промышленного развития. Как никто из его предшественников, будущий граф опирался при этом на силу государственной власти в экономике, а не на частную инициативу. При С. Ю. Витте Министерство финансов значительно расширило свое влияние, став центром всего государственного управления в России.

Большинство российских министров финансов, исполняя эту должность в течение сколько-нибудь продолжительного срока, предлагали программу благоустройства российских финансов, находившихся, как правило, в плачевном состоянии. С. Ю. Витте в этом отношении не являлся исключением. Заняв пост, он постепенно сформулировал свое, отличное от предшественников, видение российской экономики и роли государственных структур в ее развитии, названной еще при жизни автора «системой Витте». Система эта исключительно важна для понимания роли С. Ю. Витте в истории России.

В основе «системы Витте» находились противоречивые представления о незыблемости самодержавной власти в России и неизбежности экономического развития по европейскому, капиталистическому типу. При этом С. Ю. Витте постулировал необходимость ускоренного развития отечественной индустрии, опираясь как на внутренние ресурсы (акцизы и косвенные налоги, перераспределяемые через бюджет в пользу развития промышленности), так и внешние – в виде масштабных государственных займов и политики таможенного протекционизма.

«Система Витте» требовала больших денег, а с ними в России, как всегда, было трудно. Условия, в которых С. Ю. Витте принял Министерство финансов, нельзя назвать слишком благополучными. Да, ординарный бюджет стал уже устойчиво профицитным, но был еще экстраординарный, куда включалась, к примеру, часть весьма немалых военных расходов. И. А. Вышнеградский оставил преемнику общий бюджетный дефицит в 74,3 миллиона рублей.

Для его ликвидации С. Ю. Витте пошел по традиционному пути значительного увеличения косвенных налогов, в результате их размер с 1892 по 1901 год вырос на 50 %. Одной из важнейших мер стало восстановление с 1895 года казенной монополии на продажу спиртных напитков, отмененной в 1827 году Е. Ф. Канкриным. К 1901 году эта статья давала уже более $\frac{1}{5}$ всех поступлений государственного бюджета. Разумеется, в ответ оппоненты заявили о спаивании России, а в начале XX века, уже после С. Ю. Витте, даже в Государственной думе бюджет Российской империи открыто называли «пьяным». Но в хоре критиков винной монополии

звучало не так много действительно справедливых упреков. Высокая цена на водку не содействовала пьянству, для его ограничения был предпринят ряд мер (ограниченное время работы казенных лавок, установлен предельно малый размер продаваемой посуды с водкой, активно велась антиалкогольная пропаганда и др.). Показательны рассуждения С. Ю. Витте, которые привел Н. А. Вельяминов: министр финансов понимал всю сложность проблемы, но не знал иного столь же важного источника для пополнения казны. «С<ергей> Ю<льевич> был прав, когда говорил, что монополия была менее безнравственным приемом, чем система акциза и откупа с их развращающими народ кабаками, ведь бесспорно, что С<ергею> Ю<льевичу> мы были обязаны уничтожением кабака и введением винных лавок, в которых не давали водки под залог вещей и нельзя было найти притона всем порокам, как это бывало в кабаках. По праздникам водка не продавалась, и, наконец, народу давали по крайней мере чистый спирт вместо той отравы, которой торговали кабаки»²⁰. Вообще, С. Ю. Витте неправомерно обвинять в спаивании России – причины пьянства находились в другой плоскости (социальные проблемы в городе и деревне).

Усиление косвенного обложения увеличило поступления в казну к концу 1890-х годов почти в 1,6 раза. Быстро росла и доходная часть бюджета в целом. В 1902 году она уже перевалила за 2 млрд руб. (2107,5 млн руб. против 1047,4 млн руб. в 1890 году). Средние темпы прироста в год составили 10,5 %, что было рекордом для России. Особенностью российского бюджета также являлось то, что он охватывал большую, чем в других странах, долю валового внутреннего продукта. Это означало усиление роли государства в экономике и большое напряжение платежеспособных сил населения. С. Ю. Витте хорошо понимал проблему и поэтому с начала XX века заявлял о невозможности наращивать расходы бюджета.

Аккумулированные таким образом средства министр финансов бросал на железнодорожное строительство (прежде всего, на Сибирскую железную дорогу от Петербурга до Владивостока, строго следуя завету Александра III – строить из русских материалов, руками российских рабочих, оснащать российским оборудованием), которое являлось локомотивом для развития тяжелой промышленности в империи, и казенную промышленность, в значительной степени трудившуюся на нужды вооруженных сил. В его представлении железные дороги должны были стать транспортными артериями, по которым продукция, произведенная на российских фабриках, потечет на внешние, преимущественно восточные рынки. Отсюда его стремление завоевать эти рынки для России. Ставка на внешнего потребителя отражала понимание того, что внутренний российский рынок слаб и не в состоянии обеспечить бурный рост фабрично-заводской промышленности. Характерна также взаимосвязь экономического курса с внешней политикой – до этого в России подобный подход не практиковался. С. Ю. Витте делал ставку на союз с Францией, обеспечивающий доступ на парижский фондовый рынок, на благоприятные отношения с Германией – основной покупательницей российского хлеба, а также на активную политику на Дальнем Востоке, выражавшуюся в стремлении экономически доминировать на значительной, если не большей, части Китая. Базовыми условиями для этой политики стали бездефицитный государственный бюджет и сильный, свободный от колебаний курса рубль, почему С. Ю. Витте и настоял на введении золотого стандарта, успешно осуществленном в 1897 году. Рубль был девальвирован на $\frac{1}{3}$, установлен свободный размен кредитных билетов на золото, при этом право эмиссии Государственного банка было ограничено суммой в 300 млн руб. сверх обеспеченных золотым запасом. Реформа придала рублю невиданную устойчивость. Свободный размен на золото не прекращался даже в ходе революции 1905 года, конец ему положила только Первая мировая война.

Конечно, у «системы Витте» было немало критиков, однако большинство их не могли убедительно обосновать свои нападки. Тем интереснее сегодня читать мнения компетентных

²⁰ См. настоящее издание. С. 160.

авторов, например К. Ф. Головина, хозяина небольшого политического салона, известного публициста, который отличался редкой политической прозорливостью. Выдержки из его мемуаров представлены в настоящем издании. К. Ф. Головин подметил спорность ряда решений С. Ю. Витте и показал основания, по которым министра критиковали справа. Так, многие авторы писали о серьезной опасности оттока золота из России в случае перевода рубля на золотой стандарт. В том, что такая опасность существовала на бумаге, они были правы. Более тонкие знатоки финансов, и среди них К. Ф. Головин, говорили о дефиците платежного баланса империи²¹. Он и его единомышленники придерживались мнения, что баланс складывался не в пользу России, на чем во многом строилась уверенность правых в скором экономическом крахе политики С. Ю. Витте. Однако современные исследования, прежде всего П. Грегори, показали правоту С. Ю. Витте: при нем и далее в начале XX века платежный баланс благодаря значительному положительному сальдо во внешней торговле, профициту бюджета и внешним займам являлся устойчиво положительным, несмотря на существенный отток золота за границу в основном через кошельки русских путешественников²².

Из «системы Витте», как подметили еще современники, практически выпадало сельское хозяйство. Действительно, министр финансов рассматривал аграрный сектор исключительно как источник средств, не заботился о его развитии. Свою позицию он оправдывал кризисом помещичьего землевладения и многочисленными препонами для развития крестьянского хозяйства, прежде всего в виде сельской передельной общины. Такой взгляд был большим заблуждением крупного политика. Хотя в начале XX века С. Ю. Витте попытался несколько изменить прежние подходы и оценки, инициировав и возглавив Особое совещание по нуждам сельскохозяйственной промышленности (1902 год), но это произошло уже на излете его карьеры как главы финансового ведомства.

Неприятным сюрпризом для министра финансов и его курса стал мировой экономический кризис, разгоревшийся в 1899 году, и последовавший за ним экономический спад, который Россия пережила чуть позже и тяжелее, чем другие страны (он оказался осложнен Русско-японской войной 1904–1905 годов и революцией 1905 года). Прежние масштабные заимствования за границей исключались. Внутренних источников не хватало, С. Ю. Витте пришлось признать чрезвычайное напряжение платежеспособных сил населения, преимущественно крестьянства.

«Система Витте», заключавшаяся в идее не просто воздействия, а фактически управления экономикой с помощью формирования мощного государственного хозяйства, оказалась обоюдоострым оружием. Наряду с впечатляющими успехами она деформировала процесс естественного роста и развития частной инициативы. «Естественное» развитие капитализма в России упиралось прежде всего в необходимость политических перемен. Попытка С. Ю. Витте модернизировать страну при сохранении в неизменности самодержавного режима принесла успех только на короткое время, затем нерешенные проблемы лишь обострились.

С. Ю. Витте всегда стремился играть роль первого министра. Добиться такого положения ему удалось только к концу 1890-х годов, особенно после дискуссии с министром внутренних дел И. Л. Горемыкиным о земстве. Полемика, начавшаяся с вопроса о целесообразности введения земских учреждений в западных губерниях, была искусно повернута С. Ю. Витте к обсуждению совместимости самодержавия и самоуправления. Он отлично понимал, что в тогдашней атмосфере победу в подобном споре обеспечивает приверженность более правым взглядам, чем позиция его оппонента, и в обмене записками (по две с каждой стороны) министр финан-

²¹ Расчетный баланс в те годы состоял в учете того, сколько золота утекало и притекало в страну, неважно из каких источников и какими путями.

²² Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): новые подсчеты и оценки. М., 2003.

сов постарался выставить И. Л. Горемыкина сторонником земства и, следовательно, по логике С. Ю. Витте, врагом самодержавия. Это во многом способствовало тому, что министром внутренних дел стал Д. С. Сипягин – друг С. Ю. Витте. Через некоторое время министр финансов, как ни в чем не бывало, заявлял, что никогда не был противником земства²³. Аналогичных примеров из его биографии можно привести немало, но действия такого рода хотя и приносили временный успех, но никогда не делали положение С. Ю. Витте прочным.

Он также вмешивался в любые вопросы: например, в еврейский²⁴. Вел сановник себя самоуверенно, собеседникам даже казалось, что нагло или цинично. Он не стеснялся давать безапелляционные оценки, жестко настаивал на своих взглядах. Однако все это С. Ю. Витте позволял себе делать только за пределами царского кабинета. С Николаем II, несмотря на уничижительную характеристику его в мемуарах, он вел себя иначе, настолько, что это удивляло даже много повидавших придворных. «Всех нас поразила тогда манера С. Ю. Витте держаться при его величестве. В ней было слишком много подобострастного и ненужного. Странно было видеть статс-секретаря, бывшего председателя Совета министров, бывшего министра путей сообщения и финансов, члена Государственного совета, который держал руки по швам, все время низко кланялся, отвечал „так точно“ и „никак нет“, титуловал его величество всегда его полным титулом и т. п., что обыкновенно делали только новички при дворе, а никак не люди с таким положением»²⁵. Впрочем, напрасно: по свидетельству С. Е. Крыжановского, царь понимал неискренность поведения своего министра²⁶.

С. Ю. Витте проявил себя и как стратег во внешней политике России. Для воплощения в жизнь своих планов завоевания восточных рынков для быстро растущей русской промышленности министр финансов создал в конце 1895 года Русско-Китайский банк при активном участии французского капитала, а в 1896 году настоял на заключении с Китаем тайного союзного соглашения, которое позволило осуществить строительство части Сибирской железной дороги (из Забайкалья до Владивостока) по территории Маньчжурии – КВЖД. Дорога и банк, формально являясь акционерными обществами, на самом деле находились под полным контролем Министерства финансов. Однако экономической мощи России явно недоставало для претворения в жизнь столь грандиозного проекта. С. Ю. Витте также недостаточно хорошо был знаком с дальневосточными реалиями. Он был абсолютно убежден, что «при проведении железной дороги через Монголию и Маньчжурию нельзя ожидать никаких опасностей, ни противодействия со стороны местного населения. Население это, находящееся, бесспорно, на низшей ступени культурного развития, тем именно и отличается, что ему совершенно чужды какие бы то ни было политические, национальные или даже религиозные идеалы и что оно заботится исключительно о своем прокормлении и преклоняется перед силою денег»²⁷. Эти утверждения, сделанные министром финансов на одном из особых совещаний в апреле 1898 года, были полностью опровергнуты спустя два года вспыхнувшим боксерским восстанием, в ходе которого КВЖД, и особенно строящаяся ЮМЖД до Порт-Артура, понесли колоссальный ущерб, исчислявшийся в десятки миллионов рублей. Упорство С. Ю. Витте, его нежелание признавать очевидное и настойчивость в проведении своей программы создали благоприятную почву для оппонирования такой политике (министр иностранных дел М. Н. Муравьев (1895–1900), военный министр А. Н. Куропаткин (1898–1904), наконец, безобразовцы).

Безобразовцами принято называть неофициальную группу лиц, выступивших в начале 1898 года против сворачивания активной русской политики в Корее, за что ратовал С. Ю. Витте

²³ См. фрагменты из воспоминаний Д. Н. Шипова в настоящем издании. С. 270–279.

²⁴ См. воспоминания А. Бёрля в настоящем издании. С. 280–284.

²⁵ *Фабрицкий С. С.* Из прошлого. Воспоминания флигель-адъютанта государя императора Николая II. Берлин, 1926. С. 66–67.

²⁶ См. настоящее издание. С. 461–462.

²⁷ РГИА. Ф. 1328. Оп. 3. Д. 505. Л. 124.

после заключения договора об аренде Ляодунского полуострова (март 1898 года). Отставной гвардейский полковник А. М. Безобразов, его коллега В. М. Вонлярьянский, пограничный комиссар на Дальнем Востоке Н. Г. Матюнин, контр-адмирал А. М. Абаза и некоторые другие их сторонники предложили не только не уходить из Кореи, а резко усилить там русское присутствие, используя концессии. В частности, особую ставку они делали на право заготовки леса на корейском берегу пограничной реки Ялу, полученное владивостокским купцом Ю. И. Бринером. Благодаря близкому знакомству А. М. Безобразова с бывшим министром двора графом И. И. Воронцовым-Дашковым, новоявленные «концессионеры» сумели получить доступ к Николаю II, который дал ход частной инициативе. И все бы ничего, если бы дело ограничилось концессиями. Безобразовцы очень быстро поставили вопрос о смене всей дальневосточной политики России, с этого момента началась их борьба с С. Ю. Витте как главным ее приверженцем, за влияние. Царь, поддерживавший безобразовцев, долгое время не принимал окончательного решения. Первое время казалось, что С. Ю. Витте сможет без труда справиться со своими оппонентами. Однако после восстания боксеров и ввода русских войск в Маньчжурию (1900 год) позиции России в регионе становились все более неоднозначными. Против Петербурга выступили Англия, САСШ, Япония при молчаливом одобрении Германии и осторожном поведении Франции. Осенью 1902 года, в условиях назревающего конфликта, С. Ю. Витте совершил поездку на Дальний Восток²⁸. По ее результатам он признал, что достижение первоначальных целей – господство на рынках Китая – на тот момент являлось невозможным, поэтому министр финансов рекомендовал царю свернуть русскую активность в регионе и довольствоваться защитой завоеванных позиций. Это предложение оказалось роковым для карьеры С. Ю. Витте: да, он был совершенно прав в своих рекомендациях, но разочарование Николая II оказалось настолько велико, что он принял сторону безобразовцев, советовавших не только не останавливаться на достигнутом, но и, наоборот, наращивать активность, сделав ставку на псевдочастные предприятия и вооруженную силу.

Отставка С. Ю. Витте 17 августа 1903 года была во многом результатом его неудачной стратегии на Дальнем Востоке. Затем последовала Русско-японская война 1904–1905 годов, которая подвела черту под всей политикой России в регионе за предшествовавшие ей 10 лет. Конечно, С. Ю. Витте всегда отрицал, что он виноват в вооруженном конфликте. Да, он был прав, когда образно обрисовал кризис дальневосточной политики еще до начала войны А. Н. Куропаткину: «Представьте себе, что я повел своих гостей в „Аквариум“, а они, напившись пьяны, попали в публичный дом и наделали там скандалы. Неужели я виноват в этом? Я хотел ограничиться „Аквариумом“. Далее тянули другие»²⁹. Это стало предметом ожесточенной полемики, выразившейся в большом количестве газетных и журнальных статей и брошюр еще при жизни С. Ю. Витте. В этой полемике ему удалось одержать победу, но он так и не смог ответить на вопрос: направляясь в «Аквариум», неужели он не подозревал, что его гости затем пойдут дальше? Тогда зачем он повел их туда? Нельзя не признать, что своими плохо рассчитанными действиями С. Ю. Витте проложил дорогу безответственным решениям безобразовцев, следствием чего стала Русско-японская война. Это весьма убедительно показал в своих работах известный историк Б. А. Романов уже в советское время³⁰.

Назначение председателем Комитета министров С. Ю. Витте справедливо воспринял как опалу: формально высший административный пост в империи означал, однако, отсутствие соответствующих полномочий и ограничивал участие в политике. Разумеется, С. Ю. Витте не сдался, он попытался придать этому учреждению больший вес. Его активность нашла выраже-

²⁸ См. воспоминания Н. А. Байкова в настоящем издании. С. 285–289.

²⁹ Дневник А. Н. Куропаткина. Запись 3 декабря 1903 г. // Красный архив. 1922. № 2. С. 91.

³⁰ Романов Б. А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928; Романов Б. А. Очерки дипломатической истории Русско-японской войны 1895–1907. Изд 2-е, испр. и доп. М.; Л., 1955.

ние в царском указе 12 декабря 1904 года, адресованном Комитету министров, о подготовке и приведении ряда реформ. Правда, среди них не оказалось обещания ввести законосовещательное представительство из депутатов, чего так хотело общество. Пункт, предусматривавший призыв выборных в состав Государственного совета, был вычеркнут в последний момент по настоянию великого князя Сергея Александровича и С. Ю. Витте, продолжавшего создавать иллюзию защиты прерогатив Николая II и выхватившего благодаря этому инициативу проведения реформ из рук министра внутренних дел П. Д. Святополк-Мирского. Тем не менее это было совсем не то, к чему С. Ю. Витте стремился. По-настоящему он оживился с началом Первой русской революции.

После событий 9 января 1905 года, на фоне растерянности властей, председатель Комитета министров действовал особенно энергично, он часто и активно выступал на различных совещаниях с предложениями реформ – осторожных по содержанию, но предполагающих в будущем важные перемены. С. Ю. Витте никогда не был либералом, поэтому его интерес к учреждению народного представительства выглядит несколько неожиданным. Почему же все-таки он оказался в 1905 году не на стороне защитников неограниченного самодержавия? Ответ, по всей вероятности, прост: сановник связывал интересы своей будущей карьеры не с защитой «устоев», а с изменением политического строя. Революционное движение и тем более призыв выборных от народа, по его расчету, требовали от правительства невиданного единства перед лицом общества, то есть выстраивания единой и сильной линии из всех министров в противостоянии оппозиции, чего должен был добиваться настоящий полновластный глава кабинета, а не церемониальный председатель аморфного Комитета министров. Разумеется, в кресле лидера такого правительства С. Ю. Витте видел себя.

Эти представления оформились у него в первой половине 1905 года, когда власть нащупывала контуры необходимой политической реформы, решала вопрос о возможных вариантах призыва выборных от населения и одновременно вела дискуссию о формах правительственного объединения. С. Ю. Витте уловил тогда основную тенденцию: чем сильнее революционное движение и его давление на власть, тем растеряннее она выглядит и тем больше аргументов появляется у него лично, чтобы выступить за создание нового, по типу парламентского кабинета, правительства с собой во главе и тем спасти положение. Но реализация замысла прервалась на лето 1905 года, когда велись переговоры с Японией. Это объясняет, почему успех в Портсмуте был особенно важен для С. Ю. Витте: только успех на дипломатическом поприще открывал для него путь политического продвижения вверх.

С. Ю. Витте, в отличие от других сановников, с 1904 года выступил за немедленное прекращение Русско-японской войны. Однако и после падения Порт-Артура и после сражения при Мукдене в феврале 1905 года (когда он написал эмоциональное письмо Николаю II)³¹ император оставался неумолим, продолжая надеяться на военный успех. Перелом в его позиции наступил лишь после гибели русского флота при Цусиме 14–15 мая 1905 года, когда стало ясно, что мирные переговоры неизбежны. С. Ю. Витте предпринимал отчаянные шаги, чтобы возглавить их, но первые приглашения были сделаны послам России в Париже А. И. Нелидову и в Риме Н. В. Муравьеву. С. Ю. Витте повезло: если бы они не отказались от предложенной им роли, С. Ю. Витте не бывать триумфатором Портсмута.

Разумеется, отказались первоначальные претенденты не случайно. Задача, стоявшая перед российской делегацией, выглядела колоссально трудной: заключить почетный мир по результатам, по сути, проигранной войны. С. Ю. Витте получил подробную инструкцию, подготовленную МИД, каждый пункт которой утверждал лично Николай II и где была дана весьма реалистичная оценка ситуации вместе с адекватными рекомендациями для ведения перегово-

³¹ Всеподданнейшее письмо статс-секретаря Витте от 28 февраля 1905 г. // Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. Приложения. М., 1960. С. 573–574.

ров. К счастью для будущего графа, здравый смысл как в Петербурге, так и в Токио возобладал, и минимум требований японской стороны не перекрывал максимума уступок, на которые была готова идти Россия. Разумеется, заранее С. Ю. Витте об этом не знал.

Ситуация выглядела весьма напряженной. В европейских столицах многие полагали, что России придется обязательно заплатить контрибуцию, а это условие Николай II категорически отвергал. Многочисленные встречи главы российской делегации в Петербурге, а затем в Германии и Франции на пути в Портсмут были посвящены не только выяснению позиций европейских держав, но и поиску рычагов давления на царя через Берлин или Париж. Бесплезно: император остался непоколебим, но об этом С. Ю. Витте узнал лишь, когда ступил на американскую землю. Не обрадовал его и американский президент Т. Рузвельт, выступивший посредником: он тоже считал, что России придется платить. С. Ю. Витте был близок к отчаянию, он обдумывал, каким образом с выгодой для России прервать безнадежные переговоры. Правда, посол САСШ в Париже Р. Мак-Кормик подсказал российскому представителю действенное средство для давления на японцев – борьбу за американское общественное мнение, чтобы переломить его настроение в свою пользу³². С. Ю. Витте постарался воспользоваться этой идеей в полной мере, и, как мы можем судить по воспоминаниям (Б. А. Суворин, К. Д. Набоков), вполне преуспел. Мемуаристы рисуют поведение С. Ю. Витте и по дороге на американский континент, и в Портсмуте как подчеркнутое спокойствие, едва ли не беззаботность. Это была лишь видимость. Те, кто находился с ним рядом, ощущали колоссальное напряжение, неуверенность и стремление сделать все для успеха миссии. Надо отдать ему должное, С. Ю. Витте лучше, чем кто-либо в России, представлял сложность стоящей перед ним задачи, хорошо продумал свои действия и возможные пути к достижению успеха.

Переговоры в Портсмуте, как и ожидалось, оказались тяжелыми. От России потребовали не только отказа от Кореи, ухода с Ляодуна и вывода войск из Маньчжурии, но и контрибуции, передачи Японии Сахалина, унижительных обязательств по ограничению сил на Тихом океане и др. Получив японские условия 28 июля (10 августа) 1905 года, С. Ю. Витте тут же сформулировал принципиальный подход к заключению мира. Он исходил из того, что желание японской стороны максимально обессилить Россию на Дальнем Востоке для собственной безопасности ошибочно. Чем больше требовал Токио, тем больше в Петербурге росло стремление к реваншу. С. Ю. Витте сделал ставку на достижение прочного мира, чуть ли не союзнических отношений двух империй. И его позиция была принята японцами, хотя, конечно, идея сближения ими всерьез не рассматривалась.

В трудном торге С. Ю. Витте опасался не столько неуступчивости партнеров по переговорам, сколько позиции Петербурга, где могла возобладать «военная партия». Он хотел бы уступить японцам по многим спорным вопросам, неразрешимыми выглядели лишь судьба Сахалина и контрибуция. Здесь Токио пошел на уступки: японская сторона предложила вернуть северную часть Сахалина (до 50 параллели) России за 1,2 млрд иен (около 1,2 млрд руб.). Российский уполномоченный немедленно ухватился за это предложение и поспешил заручиться поддержкой в Петербурге. Однако царь занял твердую позицию, наложив в ответ на телеграмму российского уполномоченного 4 (17) августа по поводу Сахалина резолюцию: «Ни пяди земли, ни рубля уплаты военных издержек»³³.

Опять отчаяние, демонстративные приготовления к отъезду. Делегации в случае неудачи было предписано прервать переговоры на вопросе о контрибуции, а не о Сахалине, так как Т. Рузвельт и «общественное мнение», по представлению Петербурга, поддержали бы Россию в

³² С. Ю. Витте – В. Н. Ламздорфу 12 июля 1905 г. // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 381. Л. 372–374.

³³ Резолюция Николая II на телеграмме С. Ю. Витте В. Н. Ламздорфу 4 (17) августа 1905 г. // Сборник дипломатических документов, касающихся переговоров между Россией и Японией о заключении мирного договора. 24 мая – 3 октября 1905 года. СПб., 1906. С. 137.

этом вопросе³⁴. Правда, одну уступку Николай II все-таки сделал: он согласился отдать Японии южную часть Сахалина «на том основании, что она принадлежит России только 30 лет, а потому на нее можно смотреть как на Порт-Артур, а не как на исконную русскую территорию»³⁵. В остальном царь считал, что он прав и народ поддерживает его.

Российская делегация в Портсмуте ожидала разрыва переговоров. Поэтому, когда на заседании 16 (29) августа было получено «полное согласие японцев», оказалось, что это «для всех здесь совершенная неожиданность, все было готово к отъезду». «Часов в одиннадцать Витте вышел из зала совещания, он был красен и улыбался. Остановившись среди комнаты, он взволнованным голосом сказал: „Ну, господа, мир, поздравляю, японцы уступили во всем“»³⁶. Это был час триумфа С. Ю. Витте. Своим успехом он воспользовался и в Америке, и на обратном пути в Россию. Сановник достиг важной договоренности, согласно которой банкирский дом Морганов поспособствует размещению русских ценных бумаг в САСШ, а в Париже подготовил заключение Россией большого займа. Удача в Портсмуте стала трамплином для дальнейшей политической карьеры С. Ю. Витте. После заключения мира ему был пожалован титул графа (правда, злые языки прибавили к нему язвительное прозвище – «граф Полусахалинский»).

Вернувшись в Петербург, С. Ю. Витте сразу окунулся в сложную политическую борьбу. Во время его отсутствия была проведена важная политическая реформа: 6 августа 1905 года вышел царский манифест об учреждении Государственной думы и объявлен закон о выборах. Несмотря на то, что народное представительство получало совещательный статус, это была важная политическая уступка обществу и новая реальность, к которой следовало готовиться. А как же объединение правительства? Этот вопрос как раз обсуждался в правящих сферах.

Началось все с анонимной (по-видимому, А. В. Кривошеина) записки 6 августа 1905 года о категорической необходимости образования единого правительства перед лицом будущей Думы. Оно виделось как кабинет с единой программой без отдельных всеподданных докладов министров (за исключением военного, морского, иностранных дел и двора)³⁷. С. Ю. Витте хотел создать и возглавить такой кабинет еще с конца 1903 года. Царь долго не решался дать записке ход, лишь три недели спустя он передал текст в совещание под председательством многоопытного экс-председателя Государственного совета Д. М. Сольского. Ход дискуссий зафиксировал в дневнике А. А. Половцов, чьи записки приводятся в настоящем издании. С. Ю. Витте, по его свидетельству, всячески добивался увеличения полномочий исполнительной власти, пугая самодержца революционным движением. Царю предоставлялся выбор: либо учреждение кабинета вместе с уступками обществу (гражданские свободы), либо диктатура. Замысел графа изложил его литературный секретарь И. И. Колышко: необходимо побороть страх Николая II перед словом «конституция», которая, на самом деле, «глубочайший, не только государственный, но и всенародный переворот, с которого и государственная, и народная жизнь начинаются заново». На эту тему С. Ю. Витте и заказал И. И. Колышко записку, которую, по словам графа, следовало опубликовать «вместе с указом об учреждении Совета министров и должности его председателя, то есть премьера. И моим (С. Ю. Витте. – *И. Л.*) назначением на эту должность»³⁸.

Председатель совещания Д. М. Сольский поддержал С. Ю. Витте. Он сообщил царю о массовом недовольстве в России «многими сторонами существующего строя, к изменению

³⁴ В. Н. Ламздорф – В. Н. Коковцову 9 августа 1905 г. // ОР РНБ. Ф. 311. Оп. 1. № 3. Л. 77–78.

³⁵ Ч. Хардинг – Г. Ленсдоуну 13 (26) августа 1905 г. (перлюстрация) // РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 5. Л. 92. Хардинг сообщал это со слов американского посланника.

³⁶ *Коростовец И. Я.* Мирные переговоры в Портсмуте в 1905 году // *Былое*. 1918. № 3 (31). С. 74.

³⁷ *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С. 204–205.

³⁸ *Колышко И. И.* Великий распад. Воспоминания. СПб., 2009. С. 151. Автор уточнял: «Я не ручаюсь за дословную точность приведенной беседы, но я ручаюсь за точность ее смысла» (С. 151).

которого принимаются недостаточно решительные меры». Автор имел в виду невозможность ограничиться созданием одного объединенного правительства. «Надо надеяться, что дарование русскому народу гарантий свободы в законных пределах, в которых ею пользуются все культурные государства, может еще привлечь на сторону правительства благонамеренные сферы. Опираясь на них, только и можно вывести Россию из того крайне опасного положения, в котором она теперь находится, обеспечив в будущем мирное, поступательное развитие» империи³⁹. Д. М. Сольский полностью повторил ход рассуждений С. Ю. Витте: надо уступить умеренным силам, что привлечет их на сторону власти. Как вскоре выяснилось, это заключение базировалось на ошибочных предположениях. Но в те дни казалось, что создание объединенного правительства открывает путь к компромиссу на основе «свобод».

История появления манифеста 17 октября 1905 года сейчас хорошо известна из работ Б. В. Ананьича, Р. Ш. Ганелина, А. В. Островского и М. М. Сафонова⁴⁰. Парадоксально, что этот важнейший в истории России начала XX века документ явился побочным следствием борьбы С. Ю. Витте за премьерство. Несмотря на то, что решающая роль в появлении манифеста, несомненно, принадлежит настойчивости будущего премьера, у него в те дни были влиятельные конкуренты, которые предлагали иные способы разрешения политического кризиса: например, диктатуру (А. П. Игнатьев) или другой объем уступок (проект «консервативного» манифеста, составленный И. Л. Горемыкиным и А. А. Будбергом). Николай II весьма неохотно шел на уступки, колебался (хотя ситуация сложилась критическая: царь с семьей жил в Царском Селе и не мог даже ненадолго выехать в Петербург, а министр двора В. Б. Фредерикс держал наготове паровой катер, чтобы в случае опасности августейшая семья могла эвакуироваться на один из кораблей германского военного флота). С. Ю. Витте требовалось приложить колоссальные усилия, чтобы настоять на своем варианте документа, причем он ни в чем не мог быть уверен до последнего мгновения. Разумеется, многоопытный политик использовал самые разные приемы, например, устранение возможных противников (организовав для прибывшего экстренно в столицу великого князя Николая Николаевича как кандидата в «спасители отечества» встречу с рабочим М. А. Ушаковым, который уговорил его не принимать неблагодарную роль⁴¹. За ее организацией стоял скандально известный князь М. М. Андроников – в те дни действовавший по поручениям С. Ю. Витте)⁴². Напряжение было колоссальным.

Второй раз в течение 1905 года С. Ю. Витте одержал верх. Однако победа эта оказалась пирровой. Власть была уверена, что за рабочими выступлениями и всеобщей политической стачкой стоят либералы. Это не рабочие, а они подстрекали к массовым беспорядкам, они же и руководили революцией. С. Ю. Витте разделял этот взгляд, и как же он был изумлен, когда вместо восторженных благодарностей за манифест он столкнулся с новыми требованиями (в частности, от редакторов повременных изданий – упразднения цензуры) и с отказом лидеров «общественности» поддержать его участием в новом, «конституционном» правительстве.

Разочарованию С. Ю. Витте не было предела. «С общественностью я распростился. Кабинет будет из чиновников... Люди не хотят мне помочь. Власть к обществу, а общество от власти... Им подай Учредительное собрание, присягу!.. Даже во Франции этого поначалу не было»⁴³.

³⁹ Всеподданнейший доклад Д. М. Сольского 17 октября 1905 г. // РГИА. Ф. 1544. Оп. 2. Д. 22. Л. 67–69.

⁴⁰ Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991; Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С. 204–228; Островский А. В., Сафонов М. М. Манифест 17 октября 1905 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XII. Л., 1981. С. 168–188.

⁴¹ См. настоящее издание. С. 405–406.

⁴² Островский А. В. С. Ю. Витте, М. А. Ушаков. К истории манифеста 17 октября 1905 г. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. Сборник статей памяти В. С. Дякина и Ю. Б. Соловьева. СПб., 1999. С. 364–374.

⁴³ Кольшико И. И. Великий распад. Воспоминания. СПб., 2009. С. 152.

В свою очередь, не менее сильное разочарование, но уже в фигуре самого С. Ю. Витте, испытал царь. Он жаловался своей матери, императрице Марии Федоровне, на нового премьера: «Он сам мне говорил еще в Петергофе, что как только Манифест 17 окт<ября> будет издан, правительство не только может, но должно решительно проводить реформы и не допускать насилий и беспорядков. А вышло как будто наоборот – повсюду пошли манифестации, затем еврейские погромы и, наконец, уничтожение имений помещиков!»⁴⁴ Император, утративший неограниченность собственной власти, горько сожалел: «Я получаю много телеграмм отовсюду, очень трогательного свойства, с благодарностью за дарование свободы, но с ясным указанием на то, что желают сохранения самодержавия. Зачем они молчали раньше – добрые люди?»⁴⁵

Старый строй спасли монархисты и солдаты. Прежде всего, конечно, приверженцы самодержавия. Это они вышли на улицы многих городов после провозглашения свобод, справедливо расценив их как право защищать собственные идеалы, прежде всего – российскую монархию. Так, в Москве, как сообщал оттуда немецкий консул после разговора с генерал-губернатором П. П. Дурново, всеобщая стачка прекратилась, по его мнению, испугавшись реакции. «Студенты, которые еще 8 дней тому назад ходили по улицам с красными розетками в петлицах мундиров и с красными флагами, теперь боятся показываться на улицу в мундире и в большом числе покидают город». Интеллигенция, по наблюдениям генерал-губернатора, стала умереннее и начала «высказывать удовлетворение тем, что уже достигнуто»⁴⁶. «Черная сотня» во многих городах и местечках России, часто при прямой поддержке местных властей, занялась избиением «интеллигентов», учащихся, не говоря уже о революционерах и евреях. Отпор «свободам» был кровавый, страшный. По подсчетам С. А. Степанова, погромы прокатились не менее чем по 358 населенным пунктам, в том числе – по 108 городам⁴⁷. Их жертвами в те дни по всей России стало порядка 4 тысячи человек, а пострадавших физически – до 10 тысяч⁴⁸.

Подавление революции было делом рук не только правой части общества, но и правительства С. Ю. Витте, прежде всего министра внутренних дел в его кабинете П. Н. Дурново. Несмотря на то, что они сильно не ладили друг с другом, в деле борьбы с врагами самодержавия два сановника оказались едины. Премьер также столкнулся сразу же с колоссальным кругом других проблем, начиная с формирования кабинета и подготовки самых необходимых реформ, где успех и удача решительно отвернулись от премьера. Несмотря на «свободы», С. Ю. Витте не поддержала периодическая печать (воспоминания А. А. Спасского-Одынца). Создание правительства обернулось интригами, отказами, и все это происходило в обстановке, близкой к хаосу (воспоминания С. Д. Урусова), а первые шаги нового правительства демонстрировали растерянность С. Ю. Витте и многих его коллег (свидетельства Л. М. Клячко). Несмотря на огромный бюрократический опыт, во многих проблемах государственной жизни С. Ю. Витте проявлял поразительную наивность и неосведомленность, что не замедлили отметить искушенные современники (воспоминания В. И. Гурко, С. Е. Крыжановского). Демонстрируя на публике приверженность новым «свободам», в кулуарах при немногих свидетелях граф демонстративно защищал прерогативы самодержавия. К примеру, это он выступил перед царем еще в декабре 1905 года с инициативой ввести в России военно-полевые суды для расправ с революционерами, а не П. А. Столыпин, которому потом приписали их идею. Но Совет министров не поддержал своего главу, и с мнением министров согласился Николай II⁴⁹. Эта метаморфоза

⁴⁴ См. настоящее издание С. 444.

⁴⁵ См. настоящее изд. С. 443.

⁴⁶ Донесение германского консула в Москве Кольгада фон Бюлову 26 октября / 8 ноября 1905 г. (перлюстрация) // РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 6. Л. 88–89.

⁴⁷ Степанов С. А. Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992. С. 54–55.

⁴⁸ Первая революция в России: взгляд через столетие. М., 2005. С. 324.

⁴⁹ Королева Н. Г. Первая российская революция и царизм. Совет министров России в 1905–1907 гг. М., 1982. С. 63–64.

нашла яркое отражение и в выступлениях графа на особых совещаниях, о чем убедительно повествуется в дневнике А. А. Половцова, также их участника. Такие свидетельства имеют огромную ценность хотя бы потому, что стенограмм их не велось, и лишь очевидцы зафиксировали для будущего позиции их участников и прозвучавшие там речи.

Отставка первого кабинета, о которой постоянно говорили чуть ли не с момента его формирования, тем не менее оказалась для его членов, в том числе и С. Ю. Витте, неожиданно (это убедительно показано в мемуарах министра народного просвещения графа И. И. Толстого). Его свидетельство вместе с заметками вхожего в самые разные круги Л. М. Клячко (Львова) рисуют картину быстрого падения престижа и влияния графа, который при первом же удобном случае был отправлен Николаем II в отставку (это произошло 22 апреля 1906 года). Смена кабинета состоялась накануне открытия Государственной думы 27 апреля 1906 года, которая, как предполагалось, окажется революционной и создаст проблемы царскому правительству. Уж не потому ли император удалил с политической арены кабинет С. Ю. Витте в этот момент, что боялся, как бы граф не нашел общего языка с оппозицией, тогда сместить его было бы существенно сложнее?

Питали ненависть к С. Ю. Витте и крайне правые. История организации ими покушения на графа, уже после его отставки, получившая громкую известность в печати, представлена в этом сборнике в воспоминаниях Л. М. Клячко (Львова), изложившего их явно под впечатлением от рассказов самого С. Ю. Витте, обвинявшего во всем правительство П. А. Столыпина. Однако нехитрый рассказ журналиста об обстоятельствах этого покушения (бомбы были снабжены часовыми механизмами, которые не действовали, дворника предварительно оповестили о необходимости барину быть осторожным), а также история второго несостоявшегося покушения (точный день и едва ли не час которого знал только что не весь город) позволяют выдвинуть другую версию: это была не столько угроза жизни графу, сколько демонстрация того, что «измена» монарху будет караться «черной сотней». В противном случае трудно увязать все это в одну цепочку: покушение на жизнь царского сановника, которое демонстративно готовили ревностные защитники самодержавия, используя приемы революционеров, и вялое расследование полиции, отсутствие явного интереса у премьера П. А. Столыпина и самого Николая (похоже, они имели все основания не придавать этому большого значения).

Находясь в отставке, С. Ю. Витте не утратил популярности у журналистов. Разумеется, он сам прилагал к тому немало усилий, надеясь тем самым оставаться в политической жизни. Вообще отношению С. Ю. Витте с прессой, как отечественной, так и зарубежной, посвящено немало страниц воспоминаний самых разных авторов (А. Е. Кауфман, А. А. Спасский-Одынец, А. В. Руманов, И. М. Троцкий, Л. М. Клячко (Львов) и др.). Сановник всегда придавал исключительное значение печатному слову, через В. П. Мещерского и чуть позже через А. С. Суворина постоянно размещал в газетах заказанные им статьи. Он один из немногих в тогдашней России понимал, каким серьезным оружием в политике стали средства массовой информации, и преуспел в их использовании.

Но пишущую братию следовало постоянно подкармливать «интересными фактами» и в отставке. Граф исправно делал это, снабжая их комментариями к недавнему прошлому. Вокруг С. Ю. Витте даже сложился небольшой пул журналистов (А. В. Руманов, И. М. Троцкий), которых он систематически привлекал для размещения нужных ему материалов в печати. Конечно, не обошлось без знакомства читателей с фрагментами его воспоминаний, уже написанных или готовящихся начиная с 1912–1913 годов. С. Ю. Витте активно продолжал эту деятельность вплоть до самой войны, о чем свидетельствуют очерки И. М. Троцкого, посетившего графа на австрийском курорте Бад-Зальцширф по его просьбе в самый канун Первой мировой войны.

Впрочем, роль публичного политика и человека, которую граф пытался разыгрывать после 1906 года, удалась ему не вполне. Он так и не смог преодолеть прошлое и продолжал действовать как опытный интриган и царедворец, «под ковром», искал возможности возвращения

в большую политику, о чем мечтал до самого конца жизни, привычными для себя способами – закулисными влияниями. Современники знали о том, что он возобновил тесное общение со своим давним ментором князем В. П. Мещерским. Отдельно стоит история отношений С. Ю. Витте с Г. Е. Распутиным. К сожалению, известно об этом не так много, только о факте их редких контактов (чаще всего не прямых, а при посредстве супруги Сергея Юльевича) и о том, что «старец» всегда уважительно отзывался о «Вите». Однако испытанное ранее средство не помогло. Николай II относился к нему настолько отрицательно, что испытал облегчение при известии о его кончине 28 февраля (13 марта) 1915 года. С. Ю. Витте упокоился на кладбище Александро-Невской лавры, на его могиле – массивное надгробье, чем-то напоминающее самого графа: крупного, угловатого, лишенного изящества. На нем, уже после Февральской революции, согласно его завещанию, выбита дата – 17 октября 1905 года. С. Ю. Витте считал Манифест важнейшим делом своей жизни, что, вероятно, справедливо.

В настоящем издании представлена лишь часть свидетельств современников о С. Ю. Витте, немало их в книгу не вошло, так как многие авторы не соприкасались с графом близко при его жизни, поэтому сообщали либо общеизвестную, а иногда и просто недостоверную информацию. Таковы, например, мемуары «распутинца» А. С. Симановича, у которого даже имеется особый раздел «Витте ищет протекции Распутина»⁵⁰. К сожалению, этот крайне любопытный сюжет содержит такое количество бросающихся в глаза неточностей и явных фантазий, что он заслоняет собой достоверные сведения, которых оказывается совсем немного. Аналогичная ситуация с дневником А. В. Богданович. Сведения, содержащиеся в опубликованных из него фрагментах в 1924 году (затем переизданных в 1990 году)⁵¹, содержат в основном слухи, в большом количестве сопровождавшие фигуру С. Ю. Витте на протяжении всей его карьеры. Любопытные сами по себе, они требуют обстоятельных комментариев и широкого контекста, выходящего за рамки настоящего издания.

Особняком стоят свидетельства зарубежных авторов. Большинство иностранных коллег довольствовались лишь мимолетными встречами с С. Ю. Витте, поэтому в своих текстах они часто опирались либо на слухи, либо на общие представления, циркулировавшие в европейской печати. Мемуары Б. Бюлова в этом смысле типичны, но при этом наиболее информативны. Есть исключения – небольшое число иностранных журналистов, тесно работавших с С. Ю. Витте (точнее, используемых им для публикации за границей нужной ему информации). Один из таких авторов – Эмиль Диллон – оставил воспоминания⁵². Правда, они посвящены не столько персоне графа, сколько тогдашней России в целом. Тем не менее они показывают С. Ю. Витте с неожиданной стороны – как политика, стремившегося быть понятным на Западе и искавшего там популярности.

В целом надо признать, что образ С. Ю. Витте, складывающийся из воспоминаний, без сомнения, неоднозначен. Если определить его в двух словах, то это образ выдающегося политика с присущими людям такого масштаба особенностями. Нельзя не признать – по уровню понимания проблем, по размаху проектов и замыслов он стоит намного выше, чем подавляющее большинство современных ему российских сановников. В «большом человеке» все было крупно: и достоинства, и недостатки.

⁵⁰ Симанович А. Распутин и евреи. Воспоминания личного секретаря Григория Распутина. Рига, [1921]. С. 87–92 (были также издания в 1924 и 1928 гг., затем многократные переиздания в СССР и России).

⁵¹ Три последних самодержца. Дневник А. В. Богданович. М.; Л., 1924; Богданович А. Три последних самодержца. М., 1990.

⁵² Dillon E. Eclipse of Russia. N.Y., 1918.

С. Ю. Витте

Все истинно просвещенные, не озлобленные и не потерявшие веру в политическую честность верхов поняли, что обществу дано сразу всё, о чем оно так долго хлопотало и добивалось, в жертву чего было принесено столь много благородных жизней, начиная с декабристов.
С. Ю. Витте о Манифесте 17 октября 1905 года

[С. Ю. Витте] Из архива С. Ю. Витте. Рассказы в стенографической записи

Часть первая

О предках

Отец мой, Юлий Федорович Витте, был директором Департамента государственных имуществ на Кавказе. Мать моя, Екатерина Андреевна Фадеева, – дочь члена Главного управления наместника Кавказского Фадеева⁵³. Фадеев был женат на княжне Елене Павловне Долгорукой, которая была последней из старшей отрасли князей Долгоруких, происходящей от Григория Федоровича Долгорукова, сенатора при Петре I, брата знаменитого Якова Федоровича Долгорукова. Мой дед приехал на Кавказ при наместнике светлейшем князе Воронцове, который положил прочное гражданское основание управлению Кавказом. Ранее дед управлял иностранными колониями в Новороссийском крае, когда светлейший князь Воронцов был новороссийским генерал-губернатором, а еще ранее этого мой дед Фадеев был губернатором в Саратове. У моего деда было три дочери и один сын. Старшая дочь, довольно известная писательница времен Белинского, которая писала под псевдонимом «Зинаида Р.», была замужем за полковником Ганом. Вторая дочь была моя мать. Третья дочь⁵⁴ осталась девицей, она до настоящего времени жива, ей, вероятно, около 83 лет, она ныне живет в Одессе. Сын же деда – генерал Фадеев – был ближайшим сотрудником фельдмаршала князя Барятинского, наместника Кавказского. Фадеев известен как выдающийся военный писатель. Когда дед был губернатором в Саратове, министром внутренних дел того времени Перовским был командирован в Саратовскую губернию мой отец – дворянин Витте – как специалист по сельскому хозяйству. Там он влюбился в мою мать и женился на ней. Отец мой окончил курс в Дерптском университете; затем он изучал сельское хозяйство и горное дело в Пруссии. Он приехал на Кавказ вместе с семьей Фадеевых и кончил свою карьеру тем, что был директором Департамента земледелия на Кавказе. Он умер сравнительно в молодых годах, т. е. ему было немного более 50 лет. Стар-

⁵³ Фадеев Андрей Михайлович (1789–1867) с 1846 г. и до конца дней служил на Кавказе управляющим казенными имуществами.

⁵⁴ Фадеева Надежда Андреевна (1829–1919) собрала значительную частную коллекцию исторических предметов и рукописей, в том числе связанных с ее семьей. Возможно, эта страсть передалась ей от матери – Елены Павловны, урожд. Долгоруковой (1788–1860), одной из замечательных женщин своей эпохи, профессионально занимавшейся естественными науками и получившей признание в научных кругах. Она собрала огромный гербарий кавказской флоры с его описанием, имевший научное значение, коллекционировала также минералы, древности, монеты, вела обширную переписку.

шая дочь, Ган («Зинаида Р.»), имела двух дочерей и одного сына. Она умерла в молодости. Ее старшая дочь была известная теофизитка, или спиритка, Блаватская; младшая же дочь – известная писательница, писавшая преимущественно различные рассказы для юношества, – Желиховская. Сын госпожи Ган был ничтожною личностью и кончил свою жизнь в Ставрополе мировым судьей.

О Блаватской

<...> Когда Ган умерла, дед мой Фадеев взял обеих дочерей к себе на Кавказ. Вскоре Желиховская вышла замуж за первого своего мужа Яхонтова, псковского помещика; Блаватская вышла замуж за Блаватского, эриванского вице-губернатора. Тогда меня или не было на свете, или же я был еще совершенно мальчиком, а потому Блаватскую в то время не помню, но по рассказам домашних я знаю следующее: вскоре она бросила мужа и переехала из Эривани в Тифлис к деду. В то время одним из самых больших и гостеприимных домов в Тифлисе был дом Фадеевых. Фадеев жил вместе со всею семьею Витте и занимал в Тифлисе громадный дом недалеко от Головинского проспекта, в переулке, идущем с Головинского проспекта на Давидовскую гору, название которого я не запомнил. Жил он так, как жила в прежнее время, во времена крепостных, большие бары. Так, я помню, хотя я был совсем мальчиком, что одной дворни (т. е. прислуги) у нас было около 84 человек, я помню отлично даже эту цифру; громадное большинство этой дворни были крепостные княжны Долгорукой. Когда Блаватская появилась в доме Фадеевых, то мой дед счел прежде всего необходимым отправить ее скорее в Россию, к ее отцу, который в то время командовал батареей где-то около Петербурга. Так как тогда никаких железных дорог на Кавказе еще, конечно, не было, то отправка Блаватской совершилась следующим образом: дед назначил доверенного человека – дворецкого, двух женщин из дворни и одного малого из молодой мужской прислуги; был нанят большой фургон, запряженный <четыре>мя лошадьми. Вот каким образом совершались эти дальние поездки. Блаватская была отправлена с этой свитой до Потти, а из Потти предполагали далее отправить ее морем в один из черноморских портов и далее уже по России. Когда они приехали в Потти, там стояло несколько пароходов, и в их числе один английский пароход. Блаватская снюхалась с англичанином, капитаном этого парохода, и в одно прекрасное утро, когда люди в гостинице встали, – они своей барыни не нашли: Блаватская в трюме английского парохода удрала в Константинополь. В Константинополе она поступила в цирк наездницей, и там в нее влюбился один из известнейших в то время певцов – бас Митрович; она бросила цирк и уехала с этим басом, который получил ангажемент петь в одном из наибольших театров Европы, и вдруг мой дед после этого начал получать письма от своего «внука» оперного певца Митровича; Митрович уверял его, что он женился на внучке деда Блаватской, хотя последняя никакого развода от своего мужа Блаватского, эриванского губернатора, не получала. Прошло некоторое время, и мой дед и бабушка Фадеевы вдруг получили письмо от нового «внука», от какого-то англичанина из Лондона, который уверял, что он женился на их внучке Блаватской, отправившейся вместе с этим англичанином по каким-то коммерческим делам в Америку. Затем Блаватская появляется снова в Европе и делается ближайшим адептом спирита того времени, т. е. 60-х годов прошлого столетия, Юма. Затем из газет семейство Фадеевых узнало, что Блаватская дает в Лондоне и Париже концерты на фортепиано; потом она сделалась капельмейстершею хора, который содержал при себе сербский король Милан. Во всех этих перипетиях прошло, вероятно, около 10 лет ее жизни, и, наконец, она выпросила разрешение у деда Фадеева приехать снова в Тифлис, обещая вести себя скромно и даже снова сойтись со своим настоящим мужем – Блаватским. И вот, хотя я был тогда еще мальчиком, помню ее в то время, когда она приехала в Тифлис; она была уже пожилою женщиною, и не так лицом, как бурной жизнью. Лицо ее было чрезвычайно выразительно; видно было, что она была прежде очень красива, но

со временем крайне располнела и ходила постоянно в капотах, мало занимаясь своей особой, а поэтому никакой привлекательности не имела. Вот в это-то время она почти свела с ума часть тифлисского общества различными спиритическими сеансами, которые она проделывала у нас в доме. Я помню, как к нам каждый вечер собиралось на эти сеансы высшее тифлисское общество, которое занималось верчением столов, спиритическим писанием духов, стучанием столов и прочими фокусами. Как мне казалось, моя мать, тетка моя Фадеева и даже мой дядя Фадеев – все этим увлекались и до известной степени верили. Но эти занятия проделывались более или менее втайне от главы семейства моего деда, а также и от моей бабушки Фадеевых; также ко всему этому довольно отрицательно относился и мой отец. В это время адъютантами фельд-маршала Барятинского были: граф Воронцов-Дашков, теперешний наместник Кавказский, оба графа Орловы-Давыдовы и Перфильев – это всё были молодые люди из петербургской гвардейской *jeunesse dorée*⁵⁵, я помню, что все они постоянно просиживали у нас целые вечера и ночи, занимаясь спиритизмом. Хотя я был тогда совсем еще мальчик, но уже относился ко всем фокусам Блаватской довольно критически, сознавая, что в них есть какое-то шарлатанство, хотя оно и было делается весьма искусно; так, например, раз при мне, по желанию одного из присутствующих, в другой комнате начало играть фортепиано, совсем закрытое, и никто в это время у фортепиано не стоял. <...>

...Когда я познакомился ближе с ней, то был поражен ее громаднейшим талантом все схватывать самым быстрым образом: никогда не учившись музыке, она сама выучилась играть на фортепиано и давала концерты в Париже (и Лондоне); никогда не изучая теории музыки, она сделалась капельмейстером оркестра и хора у сербского короля Милана; давала спиритические представления; никогда серьезно не изучая языков, она говорила по-французски, по-английски и на других европейских языках, как на своем родном языке; никогда не изучая серьезно русской грамматики и литературы, многократно на моих глазах она писала длиннейшие письма стихами своим знакомым и родным с такой легкостью, с которой я не мог бы написать письма прозой; она могла писать целые листы стихами, которые лились как музыка и которые не содержали в себе ничего серьезного. Она писала с легкостью всевозможные газетные статьи на самые серьезные темы, совсем не зная основательно того предмета, о котором писала; могла, смотря в глаза, говорить и рассказывать самые небывалые вещи, выражаясь иначе – неправду, и с таким убеждением, с каким говорят только те лица, которые никогда, кроме правды, ничего не говорят. Рассказывая небывалые вещи и неправду, она, по-видимому, сама была уверена в том, что то, что она говорила, действительно было, что это правда, поэтому я не могу не сказать, что в ней было что-то демоническое, что было в ней, сказать попросту, что-то чертовское, хотя, в сущности, она была очень незлобивый, добрый человек. Она обладала такими громаднейшими голубыми глазами, каких я после никогда в моей жизни ни у кого не видел, и когда она начинала что-нибудь рассказывать, а в особенности небылицу, неправду, то эти глаза все время страшно искрились, и меня поэтому не удивляет, что она имела громадное влияние на многих людей, склонных к грубому мистицизму, ко всему необыкновенному, т. е. на людей, которым приелась жизнь на нашей планете и которые не могут возвыситься до истинного понимания и чувствования предстоящей всем нам загробной жизни, т. е. на людей, которые ищут начала загробной жизни, и, так как они их душе недоступны, то они стараются увлечься хотя бы фальсификацией этой будущей загробной жизни. <...> В конце концов, если нужно доказательство, что человек не есть животное, что в нем есть душа, которая не может быть объяснена каким-нибудь материальным происхождением, то Блаватская может служить этому отличным доказательством; в ней несомненно был дух, совершенно независимый от ее физического или физиологического существования. Вопрос только в том: каков был этот дух, а если встать на точку зрения представления о загробной жизни, что она делится на ад, чисти-

⁵⁵ Золотой молодежи (*франц.*).

лице и рай, то весь вопрос только в том – из какой именно части вышел тот дух, который поселился в Блаватской на время ее земной жизни.

О Желиховских

Вторая дочь «Зинаиды Р.», Вера Петровна Желиховская, хорошо известна благодаря своим книгам в Петербурге и вообще в больших российских городах; по крайней мере мне постоянно матери говорят о книгах, ею написанных, и сожалеют, что ее уже больше нет в живых и что теперь нет книг, которые были бы удобны для чтения юношества. Признаться, я ни одной книги ее не читал. Как я говорил, она была сначала замужем за Яхонтовым, а затем, когда Яхонтов умер, она со своими детьми переехала в Тифлис, в дом Фадеевых, влюбилась в учителя Тифлисской гимназии, впоследствии директора гимназии Желиховского. Фадеевы, которые были очень не чужды особого рода дворянского, или, вернее, боярского, чванства 60-70-х годов, конечно, о такой свадьбе и слышать не хотели. Вследствие этого Вера Петровна бежала из дому, вышла замуж за Желиховского, и в доме Фадеевых он никогда не бывал. После, когда бабушка Фадеева, урожденная княжна Долгорукая, и Фадеев умерли, мои отец и мать начали принимать Желиховских. У Желиховской осталось двое сыновей от мужа Яхонтова, из которых первый – полковник одного из драгунских кавалерийских полков, и три дочери от Желиховского; старшая дочь вышла замуж за американца-публициста Джон-с<т>она. Он представлялся мне со своей женой в Нью-Йорке, когда я был в Америке по случаю заключения мирного трактата с Японией. Две другие дочери Желиховской находятся в Одессе, из которых одна несколько недель тому назад вышла замуж за семидесятилетнего корпусного командира.

Обе эти дочери таковы, что мои сестры, жившие в Одессе, никогда не хотели их принимать. И теперь моя сестра, крайне болезненная, которая и ныне живет в Одессе, также не принимает этих Желиховских, считая их позорными субъектами. Я лично хотя и не отношусь строго к поведению лиц по части нравственности, но все-таки, со своей стороны, не принимал Желиховских, когда они желали бывать у меня, ибо достаточно сказать, что, насколько мне известно, они были даже агентами Охранного отделения и состояли в особой дружбе с одесским градоначальником Толмачёвым; вот именно это-то обстоятельство и не дает мне возможности относиться к этим Желиховским иначе, как с полнейшим презрением.

О семействе отца

Относительно семейства Витте я знаю, что мой отец, приехавший в Саратовскую губернию, был лютеранином; он был дворянин Псковской губернии, хотя и балтийского происхождения. Предки его были голландцы, приехавшие в Балтийские губернии, когда таковые еще принадлежали шведам. Но семья Фадеевых была столь архиправославная, не в смысле черносотенного православия, а в лучшем смысле этого слова – истинно православная, что, конечно, несмотря ни на какую влюбленность моей матери в молодого Витте, эта свадьба не могла состояться, до тех пор пока мой отец не сделался православным. Поэтому еще до женитьбы, или во всяком случае в первые годы женитьбы, до моего рождения, отец мой уже был православным, и так как он вошел совершенно в семью Фадеевых, а с семьей Витте не имел никаких близких отношений, то, конечно, прожив многие десятки лет в счастливом супружестве с моей матерью, он и по духу сделался вполне православным. У них было три сына: Александр, Борис⁵⁶ и третий – я, Сергей, а затем две дочери, которые были моложе меня, одна – Ольга, другая – Софья⁵⁷.

⁵⁶ Витте Борис Юльевич (1848–1902) в 1870 г. окончил Новороссийский университет, затем служил на прокурорских должностях. Он стал старшим председателем Одесской судебной палаты в 1899 г.

⁵⁷ Витте Софья Юльевна (1860–1917) – младшая сестра С. Ю. Витте, писательница, опубликовала при жизни несколько

О брате Александре

Мой старший брат – Александр – умер после последней турецкой войны⁵⁸. Он кончил курс в Московском кадетском корпусе и служил все время в Нижегородском драгунском полку. Память о нем в этом полку сохранилась до настоящего времени, до сих пор наиболее любимые песни, которые поются в этом полку, упоминают о храбром майоре Витте. Александр был средних умственных способностей, среднего образования, но был прекраснейшей души человек. Его любили все товарищи, а также и те офицеры, с которыми он когда-нибудь сталкивался. Перед войной с Турцией он дрался на дуэли с сыном бывшего товарища министра иностранных дел при Горчакове – Вестманом, которого и убил.

<...> В то время кавказским наместником уже был великий князь Михаил Николаевич, который очень любил моего брата, и во время военного суда, происходившего в Тифлисе, все время находился в суде. В конце концов брата моего присудили к шестимесячному аресту в крепости, но Александр не просидел, кажется, и двух месяцев, так как была объявлена Восточная война⁵⁹, он по распоряжению великого князя был освобожден и пошел на войну вместе со своим полком в качестве эскадронного, а потом и дивизионного командира. На войне он многократно отличился, но ни разу не был ранен.

<...> Только перед самым окончанием войны, когда почти уже было известно, что война кончилась, Александр с маленьким отрядом ехал поверять посты, и тут шальная турецкая бомба пролетела мимо его головы и контузила. Считали, что он убит, даже мать моя получила телеграмму от великого князя Михаила Николаевича с соболезнованием о том, что ее старший сын, один из самых любимейших его офицеров, к сожалению, убит. Но когда Александра положили в госпиталь, он через несколько дней пришел в себя и вскоре поправился.

О брате Борисе

Второй мой брат – Борис – ничего особенного собою не представлял; он был любимцем матери и отца и был более других избалован. Борис кончил курс вместе со мною, но он был на юридическом факультете. Затем все время он служил в судебном ведомстве и кончил свою карьеру тем, что умер председателем Одесской судебной палаты.

О сестрах Ольге и Софьи

Затем у меня, как я уже говорил, были две сестры; одна – Ольга и другая – Софья. Ольга умерла года два тому назад, не достигнув 50-летнего возраста, а младшая Софья жива до сих пор и до сих пор находится в Одессе. Младшая сестра Софья получила от кого-то, т. е. посредством заражения, туберкулез легких. Обе сестры были крайне дружны и жили вместе. Старшая сестра Ольга, конечно, ухаживала за младшей, заразилась от нее тем же самым туберкулезом и умерла; младшая же сестра жива до сего времени, хотя весьма больна. В настоящее время из семейства Фадеевых остались в живых я, моя сестра Софья и тетка Надежда Андреевна Фадеева, которая живет в Одессе вместе с сестрой; тетке уже около 83 лет. Я был любимцем моего дедушки, и в семействе вообще относились ко мне любовно, но, в общем, довольно равнодушно. Старший брат Александр был любимцем бабушки, а сестра Ольга была любимицей

сборников рассказов и повестей, а также ряд литературоведческих статей о русских писателях.

⁵⁸ Имеется в виду война 1877–1878 гг. А. Ю. Витте умер в 1884 г. – *Примеч. ред.*

⁵⁹ То есть Крымская война (1853–1856). – *Примеч. ред.*

отца и матери как первая дочь, родившаяся после трех сыновей. Софья же была никем особенно не балована, но все к ней относились любовно. Первоначальное воспитание и образование в детстве мы, все три мальчика, получили от нашей бабушки – Елены Павловны Фадеевой, урожденной Долгорукой.

***О бабушке Е. П. Фадеевой, урожденной княжне Долгорукой,
и о древнем кресте князя Михаила Черниговского***

Елена Павловна была совершенно из ряда вон выходящая женщина по тому времени в смысле своего образования; она весьма любила природу и занималась весьма усердно ботаникой. Будучи на Кавказе, она составила громадную коллекцию кавказской флоры с описанием всех растений и научным их определением. Вся эта коллекция и весь труд Елены Павловны были подарены наследниками ее в Новороссийский университет. Бабушка научила нас читать, писать и внедрила в нас основы религиозности и догматы нашей православной церкви. Я ее иначе не помню, как сидящую в кресле вследствие полученного ею паралича. Бабушка умерла, когда мне было лет 10–12. Мой дедушка Фадеев находился под ее нравственным обаянием, так что главою семейства была всегда Фадеева-Долгорукая. Дедушка женился на ней, будучи молодым чиновником; где он с нею познакомился – я не знаю, но знаю, что родители моей бабушки жили в Пензенской губернии; они были дворяне Пензенской губернии.

Когда они поженились, то отец бабушки – Павел Васильевич Долгорукий – благословил их древним крестом, который, по семейным преданиям, принадлежал Михаилу Черниговскому. <...> В последнюю бытность мою в Одессе, два года тому назад, тетка вручила этот крест мне, так как она уже стала стара. Крест этот находится у меня в доме; я его показывал здесь двум знатокам – с одной стороны, академику Кондакову, а с другой – директору Публичной библиотеки Кобеко. Оба они, признавая, что этот крест самого древнейшего происхождения и содержит в себе святые мощи, сомневаются в правильности сохранившегося в семействе князей Долгоруких предания, а также и относительно того, что этот крест был на Михаиле Черниговском ранее его казни, но, с другой стороны, они не решаются безусловно утверждать противное.

О Ростиславе Андреевиче Фадееве

Так как у моего деда Фадеева были три дочери и только один сын, то понятно, что всю свою любовь они сосредоточили на этом сыне. Когда этот сын Ростислав вырос, то Фадеевы из Саратова, где мой дед был губернатором, перевезли его в Петербург и поместили в один из кадетских корпусов, где с ним случился такой казус. Как-то утром по коридору, где находился кадет Фадеев, проходил офицер-воспитатель; офицер заметил, что у Фадеева дурно причесаны волосы, а потому сказал ему: «Подите, перечешитесь», – и при этом сунул свою руку в его волосы, за что Фадеев ударил этого офицера по физиономии. Это происшествие было, конечно, сейчас же доложено императору Николаю I, и в результате Фадеев был сослан солдатом в одну из батарей, находившуюся в Бендерах. По тем временам он должен был подвергнуться гораздо большему наказанию, но благодаря тому, что начальником всех военных учебных заведений был князь Долгорукий, который вступился за своего родича, император Николай I, любивший князя, ограничился этим наказанием. Приехав в Бендеры, Фадеев исправно вынес службу в солдатах в течение назначенного ему времени; отбыв это наказание, он вернулся к своему отцу в Саратов дворянином без всяких занятий. Тут, в Саратове, благодаря влиянию своей матери, весьма образованной женщины, он увлекся чтением и изучением наук. Только таким образом, во время своего пребывания в Саратове, под руководством матери, Фадеев сделался вполне

образованным человеком благодаря любви к чтению и вообще к наукам, его интересующим, преимущественно историческим, географическим и военным. Из дальнейшего рассказа будет видно, что Фадеев имел громадное влияние на мое образование и на мою умственную психологию. Я к нему был очень близок, в особенности после того, когда уже окончил курс в университете и потому жил уже вполне сознательною жизнью.

<...> В конце концов Фадеев уехал вольноопределяющимся на Кавказ. Уехал он туда потому, что в то время Кавказ манил к себе всех, кто предпочитал жить на войне, а не в мирном обществе. Это же, вероятно, было причиною того, что мои дед и бабушка, когда получили приглашение от наместника на Кавказе светлейшего князя Воронцова приехать туда, легко на это предложение согласились. <...>

Воспоминания из детства

Из моего раннего детства я помню некоторые вещи, но до настоящего времени оставшиеся в живых мои родные смеются надо мною по поводу того, что я безусловно утверждаю, что когда мне было всего несколько месяцев и в Тифлисе началась эпидемия, то я отлично помню, как мой дед взял меня к себе на лошадь и верхом увез из Тифлиса в его окрестности. Я до сих пор помню тот момент, когда я ехал у него на руках, а он сидел верхом на лошади. Но когда я об этом рассказал моей покойной матери и сестрам, они всегда смеялись надо мною, говоря, что я не могу этого помнить, и только моя кормилица, которая до сих пор жива и которую я видал только неделю тому назад, так как она живет у моей сестры в Одессе (куда я ездил на праздники), только она одна не возражает и думает, что действительно я это помню и что это воспоминание не есть моя фантазия. Затем я помню и еще другой момент, но это уже момент, так сказать, не личный, а более или менее общественный. Я помню, что когда мне было всего несколько лет, я находился в моей комнате с моей нянькой (это было в Тифлисе), вдруг в эту комнату вошла моя мать, которая рыдала, потом сюда же пришли мой дед, бабушка, тетка и все они навзрыд рыдали. Помню, что причиной их слез и рыданий было полученное только что известие о смерти императора Николая Павловича. Это произвело на меня сильное впечатление; так рыдать можно было, только потеряв чрезвычайно близкого человека. Вообще вся моя семья была в высокой степени монархической семьей, и эта сторона характера осталась и у меня по наследству. <...>

О горной промышленности на Кавказе и участии в ней отца

Еще во времена Барятинского кавказский наместник был заинтересован тем, чтобы начать разработку различных богатств, которые содержит Кавказ. Я помню, что эти попытки производились еще в то время, когда я был мальчиком. Хотя в настоящее время Кавказ в этом отношении и сделал некоторые успехи, но эти успехи сравнительно с теми богатствами, которые он содержит, совершенно ничтожны. Я помню время, когда производство нефти в Баку ограничивалось несколькими миллионами пудов; оно сдавалось с торгов, и эти промыслы находились всецело в руках Мирзоевых. В то время это было самое ничтожное производство, а теперь нынешние промыслы представляют из себя одно из самых громадных богатств Кавказа, или, в сущности говоря, Российской империи. Когда же кавказский наместник очень заинтересовался тем, чтобы на Кавказе было производство чугуна, то он обратился к некоему Липпе, баденскому консулу в Одессе, который приехал на Кавказ; наместник предложил ему разработать четахские руды. Липпе пригласил туда русских горных инженеров (главный инженер — Бернулли), которые, приехав в Тифлис, начали разрабатывать эту руду. Так как все, что касалось государственных имуществ, находилось в ведении Департамента государственных имуществ, т. е. в ведении моего отца, то я помню, что мой отец ездил, между прочим, осматривать

эти заводы и при этом брал меня и моего старшего брата Бориса с собой. Приехав на четахские заводы, мы там до известной степени бедствовали, потому что у нас, мальчиков, был прекрасный аппетит, а нам у немцев за обедом подавали самые удивительные вещи: например, суп из чернослива, дичь с вареньем и проч. За обедом мы ничего не могли есть, а потому отправлялись в харчевню, где и наедались; в особенности много мы пили кофе и ели хлеб с маслом.

Эти четахские заводы сыграли печальную роль в дальнейшей участи нашего семейства. Липпе, едучи раз из четахских заводов в Одессу верхом, свалился с лошади, упал и разбил себе голову. Вследствие этого заводы эти, которые в то время только еще начали действовать и, конечно, ничего еще, кроме убытков, не давали, должны были закрыться; тогда Барятинский упросил моего отца взять на себя управление этим заводом, и мой отец, который кончил курс в Дерптском университете и затем изучал как горное дело, так и сельское хозяйство в Пруссии, согласился, или, вернее говоря, подчинился желанию наместника. Наместник обещал все это со временем оформить. Но в то время отцу⁶⁰ надо было сразу начать вести чисто коммерческое дело, на которое требовались деньги, и деньги на это дело давал мой отец, который сам состояния не имел, а получил довольно большое приданое за свою женою, моей матерью Фадеевой. И вот он, конечно, с ведома моей матери, которая отдала все свои средства в его распоряжение, тратил деньги на этот завод, рассчитывая, что со временем, когда это дело наладится, деньги ему будут возвращены. Но своих денег ему не хватило; он вынужден был обращаться к частным лицам и брать у них деньги, давая им векселя за свою подписью. Таким образом велось дело этого завода. Но вот неожиданно Барятинский уехал за границу, а на его место был назначен наместником Кавказским великий князь Михаил Николаевич, которому и было доложено, на каких основаниях ведется это дело. Великий князь просил моего отца продолжать вести это дело, сказав, что он обо всем напишет государю, и тогда все это дело будет оформлено, а деньги будут возвращены.

Между тем мой отец совсем неожиданно умер, истратив все состояние моей матери и, кроме того, сделав громадные долги. Моему отцу еще при Барятинском было пожаловано большое имение в Ставропольской губернии (которое ныне, вероятно, стоит громадные деньги), это имение должно было перейти нам, его наследникам. Но так как мы были тогда еще малолетние, то над нами был назначен опекуном Горбунов, один из помощников моего отца по департаменту, который и посоветовал нам отказаться от наследства, так как у моего отца было больше долгов, нежели имущества. Долги эти были сделаны моим отцом не для себя, а, собственно говоря, для четахских заводов.

Таким образом, все состояние моей матери было истрачено на это дело; имение также было потеряно, но мало этого, по каким-то причинам – я не знаю – на всех нас, т. е. на меня и на моих двух братьев, Александра и Бориса, был сделан какой-то большущий начет. Таким образом, моя мать очутилась без всяких средств, за исключением тех денег, которые она получила от деда, и то получила их не сама лично, не прямо от деда, а получил их брат ее, который отказался от своей части в пользу своих сестер, т. е. моей матери, а также в пользу Надежды Андреевны Фадеевой, которая до сих пор еще живет в Одессе. На нас же, трех братьев, как я уже говорил, был сделан большущий начет. Кажется, на мою долю, например, причитался начет в 200 тыс. руб. Я помню, когда я был управляющим Юго-Западными дорогами, то ко мне с этим начетом приходили судебные чины, приходил пристав. Я им всякий раз говорил одно, что если бы ко мне предъявили начет не в 200 тыс. руб., а в 200 руб., то я был бы очень опечален, потому что в то время у меня средства были очень маленькие, но так как ко мне предъявляли начет в 200 тыс. руб., то для меня совершенно безразлично, делается ли на меня этот начет или нет, так как я не имею таких средств, чтобы его уплатить.

⁶⁰ Так у автора. Вероятно, здесь имеется в виду наместник. – *Примеч. ред.*

Так это дело продолжалось до тех пор, пока при Александре III великий князь Михаил Николаевич, будучи уже председателем Государственного совета и затем членом Комитета министров, в то время когда Лорис-Меликов был министром внутренних дел, т. е., пожалуй, диктатором, а председателем одного из департаментов был Старицкий (бывший председатель Судебной палаты в Тифлисе, а ранее директор Департамента юстиции, в то время когда отец мой был директором Департамента государственных имуществ) – все они в это дело вмешались, и после прошествия многих лет постановлением Комитета министров, высочайше утвержденным, было решено все недочеты сложить и их более не предъявлять. Причем я должен заметить, что так как все мы со смертью отца остались без всяких средств, то я, а также и мой брат в течение всего времени пребывания нашего в университете получали от кавказского наместничества 50 руб. в месяц стипендии, и таким образом я кончил курс университета.

Итак, четахские заводы были причиной к полнейшему разорению всего нашего семейства; из людей богатых мы благодаря им сделались людьми с крайне ограниченными средствами. Если бы не те средства, которые перешли от брата моей матери генерала Фадеева, отказавшегося в пользу своих сестер (как я говорил выше) от своей части в наследстве, то моей матери и ее сестре было бы очень трудно жить, потому что хотя благодаря кавказскому наместнику моей матери и ее сестре и была назначена пенсия, но все-таки после той жизни, которую они вели на Кавказе, существовать только на эту пенсию было бы очень трудно. Кстати сказать, при крепостном праве, когда мы жили на Кавказе, я помню, что одних дворовых у нас было 84 человека. Следовательно, и с помощью денег, доставшихся матери вследствие отказа дяди от участия в наследстве, все же перейти на скромную жизнь в Одессе было для нее крайне тяжело. <...>

Часть вторая

О первоначальном воспитании и образовании

Теперь я хочу последовательно рассказать о моем воспитании и образовании.

Первоначальное образование мне дала моя бабушка, урожденная княжна Долгорукая, т. е. она выучила меня читать и писать. С малолетства я был отдан в руки моей кормилицы и моей няньки. Кормилица моя была вольнонаемная; муж ее был солдат Стрелкового батальона, находившегося в Тифлисе, нянька же была крепостная, дворовая. Уже с самых молодых лет, можно сказать с детства, я видел некоторые примеры, которые едва ли могли служить образцом хорошего воспитания. Так, муж моей кормилицы, прекраснейшей женщины, которая затем кормила и моих сестер (она еще до сих пор жива; ей 82 года, и она живет у моей сестры в Одессе), был горький пьяница. Я помню, как этот солдат Вакула приходил к своей жене, моей кормилице, которая потом осталась при мне второй нянькой, помню сцены, которые разыгрывались между ними. Муж моей няньки-крепостной был также крепостным; он служил у нас официантом и был также горчайшим пьяницей; при мне постоянно разыгрывались сцены между моей нянькой и ее пьяницей-мужем.

Когда я и мой брат Борис несколько подросли, то нас отдали на попечение сначала дядьки, отставного кавказского солдата, прослужившего 25 лет в войсках, а затем гувернера-француза Ренье, отставного офицера, бывшего моряка французского флота. Мои дядьки (солдаты) вели себя также не особенно образцово; они оба любили выпить, и один из них, несмотря на то, что ему было за 60 лет, на наших детских глазах развратничал. Француз Ренье, который приехал в Тифлис из Франции вместе со своею женою, поместил ее гувернанткой к директору Тифлисской гимназии Чермаку. Этот Чермак был отец известного ученого Чермака, у него было три дочери, и вот Ренье меня и моих братьев во время гулянья всякий раз заво-

дил к Чермакам, чтобы повидаться с женой. Там он познакомился с старшей дочерью этого Чермака и вступил с нею в амурные отношения. Дело кончилось тем, что в один прекрасный день Чермак приехал к наместнику и принес ему жалобу на гувернера, на то, что он развратил его старшую дочь. После этого вдруг у нас, в нашей детской комнате, появились жандармы, которые взяли нашего гувернера Ренье, посадили его на перекладные и административным порядком увезли к Черному морю, передав его на иностранный пароход для отправки за границу. Бедная жена его должна была оставить дом Чермака; она переселилась к нам, поступив бонною к моим сестрам. Это была очень глупая француженка, почти граничащая с идиотизмом, но, в сущности, очень хорошая женщина. Вскоре она покинула Кавказ и уехала к своему мужу. Тогда у нас появился новый гувернер, некий швейцарец, француз Шаван, гувернанткой же моих сестер в это время была француженка Демулян. И вот наш гувернер завел амурные отношения с этой гувернанткой, так что, в конце концов, моим родным их обоим пришлось уволить, причем эта же гувернантка совратила с пути истинного моего старшего брата. Я рассказываю все эти истории, чтобы показать, как трудно уберечь детей, даже если в семействе есть материальные средства, от вещей, их развращающих, если сами родители неукоснительно не занимаются их воспитанием.

После г. Шавана у нас гувернером был русский немец, выписанный моим отцом из Дерпта, некий г. Паульсон. Этот самый гувернер занимался преподаванием нам различных предметов, например истории, географии, а также и немецкого языка. Но немецкий язык мне никогда не давался, и потому, несмотря на то, что у меня был гувернер немец, я немецкому языку не выучился, т. е. на немецком языке не говорю. Одновременно с этим к нам приходила масса различных учителей, все это были учителя Тифлисской классической гимназии, которые готовили нас к поступлению в гимназию. В это время в Тифлисе была только одна классическая гимназия; в этой гимназии были интерны (ученики, которые там жили), экстерны и сравнительно меньшее количество вольнослушателей, которые допускались только в особых случаях. И вот меня и брата, ввиду того положения, которое занимали мои родные, допустили в качестве вольнослушателей в 5–4-й классы.

В это время в гимназии было всего 7 классов, и, таким образом, в гимназии я был в качестве вольнослушателя в течение <четыре>х лет; при этом я прямо переходил из класса в класс, не сдавая переходных экзаменов. Занимался я очень плохо, большею частью на уроки не ходил; приходя утром в гимназию, я, обыкновенно, через час-полтора выпрыгивал из окна на улицу и уходил домой. Вследствие того что мы были вольнослушателями и ввиду особого, всем известного положения, которое занимали наши родители, учителя не обращали на нас никакого внимания, потому что они не были ответственны ни за наше учение, ни за наше поведение. В бытность нашу в гимназии к нам на дом постоянно приходили учителя той же самой гимназии, которые давали нам параллельно уроки по тем же предметам, которым они нас учили в гимназии.

Я забыл сказать, что когда мы жили на Кавказе, в Тифлисе, мне и брату мешало отчасти заниматься то обстоятельство, что мы чрезвычайно увлекались музыкой. Тогда там была консерватория, директором которой был г. Зейне, и мы с братом очень усердно занимались музыкой. Сначала нас учил играть на различных духовых инструментах, преимущественно на флейте, флейтист оркестра какого-то военного полка, а потом мы уже учились в упомянутой выше консерватории, где преподавали артисты из итальянской оперы. Вообще я и мой брат гораздо больше времени тратили на музыку, нежели на все остальные предметы; кроме того, мы постоянно занимались верховым спортом, затем упражнениями на рапирах и эспадронах, чему придавал особое значение наш дядя генерал Фадеев, который требовал, чтобы к нам приходил учитель фехтования тамошних войск, который нам преподавал искусство фехтовать, драться на рапирах и эспадронах. <...>

Наконец наступило время, когда надо было держать экзамен, для того чтобы поступить в университет. Я держал экзамены чрезвычайно плохо, и если бы не учителя гимназии, которые в течение <четыре>х лет к нам ходили, и, конечно, получали при этом соответствующее вознаграждение, то я, вероятно, никогда бы экзаменов не выдержал, а так, еле-еле, с грехом пополам, я получал только самые умеренные отметки, которые мне были необходимы для того, чтобы получить аттестат. Я нисколько не огорчился тем, что обыкновенно ни на одном экзамене не мог дать удовлетворительного ответа, но вот, в конце концов, произошел следующий инцидент. Так как мы дома болтали большею частью по-французски, то, понятно, мы бегло говорили на этом языке и, пожалуй, даже лучше, нежели по-русски. Когда я и мой брат пришли держать экзамен по французскому языку, то нас экзаменовали: учитель естествознания некий Гугуберидзе и учитель математики Захаров, которые, говоря на французском языке, выговаривали французские слова, так сказать, как «коровы»... И вот вдруг эти учителя, экзаменуя нас по-французски, признали, что мы французский язык плохо знаем, и поставили нам по 3. Это меня и брата крайне удивило, а так как мы были большие шалуны, то когда учителя вышли из гимназии, мы пошли за ними по улицам и все время сыпали относительно них ругательства и бросали в них грязью. После такого инцидента хоть нам и выдали аттестаты, и мы кончили курс гимназии, но за поведение нам поставили по единице.

С таким аттестатом, когда мне было 16 с половиной лет, я отправился с братом в университет. До 16 с половиной лет я на Кавказе жил безвыездно, и это был мой первый выезд с Кавказа. Нас повез отец. В это время попечителем Киевского учебного округа был брат моего отца сенатор Витте, поэтому естественно, что нас отец повез именно в Киев, чтобы там определить в университет, но дорогою, в Крыму, отец получил телеграмму, что его брат, Витте, переведен из Киева и назначен попечителем учебного округа в Варшаву. Тогда этот последний пост считался выше, нежели пост попечителя обыкновенного учебного округа, так как в то время Царство Польское имело свое особое управление, и попечитель учебного округа в Варшаве имел очень большие права и полномочия. Ввиду того что мой дядя должен был покинуть Киев (а тогда между Одессой и Киевом не было железной дороги, а следовательно, и проезд был не так прост), мы остались в Одессе. В это время попечителем учебного округа в Одессе был Арцимович, поляк, правовед, которого хорошо знал мой дядя, сенатор Витте, так как этот последний раньше был инспектором правоведения. Вследствие этого он рекомендовал нас Арцимовичу, и мы с отцом и матерью, которая нас также сопровождала, остановились в Одессе. Несмотря на протекцию попечителя учебного округа Арцимовича, нас в Одессе, конечно, в университет не приняли. Тогда Новороссийский университет только что открылся, или, вернее сказать, был преобразован из Ришельевского лицея в Новороссийский Императорский университет. Не приняли нас 1) потому что мы имели за поведение единицу и 2) потому что мне было 16 с половиной лет, а в это время вышло правило, по которому в университет не принимали моложе 17 лет, и таким образом мне недоставало полугода. Вследствие этого наш отец поместил нас в Ришельевскую гимназию и затем уехал опять обратно по месту своей службы на Кавказ.

Подготовка к поступлению в университет

Мы остались вдвоем с братом совершенно одинокими. Я начал ходить в гимназию, а мой брат определился вольнослушателем в Новороссийский университет; так что он даже в гимназию и не ходил. Когда мы остались одни, у нас, в сущности у меня, явилось сознание того, что я никогда ничему не учился, а только баловался и что таким образом мы с братом пропадем. Тогда у меня явилось в первый раз сознание и соответственно с этим проявился и собственный характер, который руководил мною всю мою жизнь, так что вплоть до настоящего времени я уже никогда не руководился чьими-либо советами или указаниями, а всегда полагался на собственное суждение и в особенности на собственный характер. Вследствие этого я до известной

степени забрал в руки моего брата, который был на год старше меня. Говорю «до известной степени», потому что мой брат, будучи любимцем моего отца и матери, был ими чрезвычайно избалован, а вследствие этого был гораздо распушеннее меня. Кроме того, по природе своей он не имел того характера, который был у меня.

Когда у меня явилось сознание, что так дальше жить нельзя, так как мы иначе погибнем, я поступил таким образом: я уговорил моего брата переехать в Кишинев и там поступить пансионерами к какому-нибудь учителю, который бы нас подготовил так, чтобы мы могли снова выдержать выпускной экзамен в гимназии. Соображения мои заключались в том, что если мы приедем в город, нам совершенно неизвестный, в котором мы решительно никого не знаем, и поступим к учителю, который будет заинтересован в том, чтобы нас подготовить настолько хорошо, чтобы мы могли выдержать экзамен, то это даст нам наибольшую гарантию в том, что мы не будем выбиты из колеи и, наконец, поступим в университет, для чего, конечно, необходимо было серьезно заниматься. В Кишиневе мой брат нашел учителя математики, некоего Белоусова. На другой день по возвращении моего брата из Кишинева мы с ним отправились из Одессы сначала по железной дороге до станции Раздельной, а потом на перекладных в Кишинев. В Кишиневе мы поступили пансионерами к этому учителю гимназии Белоусову, о чем дали знать отцу, который был всем случившимся крайне удивлен. Он начал нам присылать надлежащие деньги, и мы взяли себе соответствующих учителей. С этих пор мы с братом более полугода занимались, можно сказать, и день и ночь, и все-таки этих занятий было недостаточно, потому что в действительности мы с братом были полными невеждами, решительно ничего не знали, потому что никогда ничему серьезно не учились, а только умели хорошо болтать на французском языке. Этот учитель математики Белоусов был прекраснейший человек, но имел один порок – он пил. Так как напивался он довольно часто, то мы нередко бывали свидетелями сцен, происходивших между ним и его женой, которая также пила. Бывало, дня по два-три мы его совсем не видали, так как он в это время сидел у себя безвыходно в комнате и пил. Тем не менее занимались мы очень усердно, и в это время у меня проявились большие способности к математике. Наконец прошло 6 месяцев и наступил срок держать выпускной экзамен. В это время директором гимназии был Яновский, который впоследствии был попечителем учебного округа на Кавказе, а потом членом Государственного совета (в то время, когда я сделался молодым министром). Яновскому, который был тоже математик, мой учитель Белоусов сказал про меня, что я обладаю большими математическими способностями, вследствие чего Яновский уговорился со мною следующим образом: если при самом строгом экзамене я по всем математическим предметам, т. е. по арифметике, геометрии, алгебре, физике, математической физике, метеорологии, физической географии, математической географии, одним словом, по всем физико-математическим предметам получу по пяти [баллов], то тогда он меня проведет и даст мне хороший аттестат и по другим предметам. Мой же брат, наоборот, математические предметы знал довольно слабо, но зато другие предметы он знал лучше меня, потому что занимался преимущественно ими более полугода. Яновский экзаменовал меня сам по всем математическим предметам, и по всем этим предметам я получил 5, благодаря этому Яновский, в качестве директора гимназии являясь постоянно на другие экзамены, сам меня экзаменовал, в сущности говоря, задавал мне самые элементарные, простые вопросы и ставил средние отметки. Таким образом я и мой брат кончили курс Кишиневской гимназии, затем переехали в Одессу и поступили там в университет. <...>

О пребывании в университете

В университете я поступил на математический факультет, а мой брат на юридический. Известно, что как тогда, так и теперь юридический факультет – это такой факультет, на котором меньше всего можно заниматься, – так было тогда, так обстоит дело и до настоящего вре-

мени; наоборот, на математическом факультете, или, как он тогда назывался, «физико-математическом», не заниматься невозможно. В противоположность моим занятиям в гимназии, где я ровно ничего не делал, поступив в университет, я занимался и днем и ночью, и поэтому за все время пребывания моего в университете я действительно был в смысле знаний самым лучшим студентом. Я до такой степени много занимался и так знал предметы, что никогда к экзаменам не готовился (в то время были переходные экзамены из одного курса на другой), а большею частью читал или объяснял моим товарищам все лекции по билетам. Напротив того, мой брат обыкновенно в течение года ровно ничего не делал и начинал приготавливаться только к экзаменам; переходил он с курса на курс с грехом пополам и кончил курс в университете хотя и со степенью кандидата, но все же еле-еле, тогда как я кончил курс в университете лучше всех и имел среднюю отметку круглые $5\frac{1}{2}$ [баллов]⁶¹.

По окончании курса в университете я должен был получить золотую медаль, но для этого нужно было написать сочинение на заданную тему. Сначала я написал диссертацию на получение звания кандидата, а именно диссертацию: «О бесконечно малых величинах». Помню, что эта диссертация была очень оригинальная, потому что по предмету чистой математики она не заключала в себе никаких формул, а в ней были только одни философские рассуждения. Кстати, я припоминаю, что, проходя в Париже года два тому назад по одной из улиц, где находятся большие книжные магазины, я остановился перед одной из витрин, на которой были выставлены разные математические книги и журналы, начал рассматривать их и вдруг среди математических книг я, к моему удивлению, увидел выставленной кандидатскую диссертацию «О бесконечно малых величинах», которую я написал лет сорок тому назад; она была переведена на французский язык.

Затем мне нужно было написать диссертацию на получение золотой медали. Диссертация эта была дана по астрономии, но в это время я влюбился в одну актрису, Соколову, а поэтому не желал больше писать диссертации. Таким образом, хотя я первым кончил курс в университете, но золотой медали я не получил, а получил ее следующий находящийся за мною студент. Тем не менее я твердо решил остаться при университете. Одним из моих ближайших товарищей был Лигин (будущий попечитель учебного округа в Варшаве), хотя он и был курсом старше меня; Лигин решил остаться при университете по кафедре механики, а я – по кафедре чистой математики.

<...>

Теперь я хочу рассказать несколько воспоминаний из университетской жизни. Будучи студентом, я принадлежал к числу студентов наиболее правых. В это время преобладало атеистическое направление, и кумирами молодежи были Писарев, Добролюбов и Чернышевский. Между студентами были братья Миллеры, которые уже раньше побывали в Сибири в качестве сосланных. Будучи студентом, я мало занимался политикой, потому что постоянно занимался ученьем, но постольку, поскольку я ею занимался, я всегда был против всех этих тенденций, ибо по моему воспитанию был крайним монархистом, каким остаюсь и до настоящего времени, а также и человеком религиозным. <...>

Из архива С. Ю. Витте. Т. 1: Рассказы в стенографической записи. Кн. 1. СПб., 2003. С. 22–36, 50, 52–55, 64–71.

⁶¹ В образовательной системе Российской империи существовала, наряду с официальной пятибалльной (установлена в 1837 г.), и дробная схема начисления баллов, в которой $\frac{1}{2}$ балла соответствует современным «плюсам». – *Примеч. ред.*

В. С. Нарышкина-Витте **Воспоминания русской девочки**

Часть первая

VIII. Юная анархистка

Однажды за обедом папа рассказал историю из своего детства, которая очень заинтересовала девочку. Его дед Фадеев, занимавший важную должность на Кавказе, очень любил внука, непоседу и шалуна, и всегда держал его при себе. Однажды ему нужно было отправиться в поездку с инспекцией, но он не хотел расставаться с внуком. Его сопровождало много чиновников. Они от души ненавидели фаворита их начальника, который беспрестанно причинял им всевозможные несчастья на протяжении всей дороги. Ехали они в экипаже на перекладных и избежать неприятного соседства не могли.

Мальчуган испытывал глубокую неприязнь к этим чинушам и только и искал возможности доставить им новые неприятности.

Путешественников одолевал сон. Разморенные жарой, они не могли уже поднять век. Тряска экипажа мягко убаюкивала, и они приготовились хорошенько отдохнуть.

Даже великолепные виды, открывавшиеся перед ними, не могли разогнать овладевавшее ими сонное оцепенение. Прекрасная Грузия с ее царственным, увенчанным снегами Казбеком оставляла их равнодушными. Вскоре эти лысые пузатые люди мирно храпели.

Мальчик воспользовался этим временным затишьем, свернул трубочки из очень тонкой бумаги, вставил их по очереди в дрожащие ноздри чиновников. Затем он с невинным видом опять уселся на место.

Раздалось громкое чихание, потом еще, и вскоре вокруг было слышно только «апчхи». Бедные жертвы просыпались, еще не понимая, что с ними происходит, и в ярости, что потревожили их сон. Сияющее лицо ребенка возбудило их подозрения. Они замолчали, но между собой решили отомстить ему, как только представится возможность. Судьба была к ним благосклонна. Господин Фадеев должен был отлучиться на целый день и поручил своего драгоценного внука заботам своих подчиненных.

– Лишь бы гадкий мальчишка ни о чем не догадался, – сказал один из них, – начальник нас никогда не простит!

Они предложили мальчику прогуляться по лесу. Обрадовавшись возможности посмотреть незнакомое место, он с радостью последовал за ними. Хорошее настроение, в котором пребывали обычно угрюмые чиновники, его немного удивило, но он радовался предстоящим развлечениям и забыл об этой мелочи.

Проходя мимо огромного дуба, в листве которого сверкали тысячи желудей, они намеренно обратили на него внимание мальчика.

– Как бы я хотел забраться на самую верхушку, – воскликнул он, – но у меня ни за что не получится!

– Но мы, конечно же, охотно вам поможем. Положитесь на нас, – в один голос ответили заговорщики.

Мальчик не заставил их повторять это предложение. Его подняли, и он, цепляясь за большие ветки, стал ловко, как бельчонок, карабкаться вверх. Когда он взобрался на самую верхушку, внезапно раздалось грозное рычание. Он наклонился и, к своему ужасу, обнаружил

привязанного к стволу медвежонка, который топал лапами в ярости, что его лишили свободы. Ребенок не осмелился спуститься. Он позвал на помощь. Никто не шел, медведь рычал все громче и громче, и эхо разносило по лесу жалобы этих двух существ. Время шло. Лучи заходящего солнца обагрили листву, надвигались сумерки. Ребенок в ужасе от мысли, что придется провести всю ночь, а может быть, и следующий день в компании свирепого зверя, едва дышал. Наконец послышались шаги, это его тюремщики пришли освободить несчастного. Они пригрозили ему еще более суровым наказанием, если он когда-нибудь проболтается об этом случае деду.

Он пообещал молчать. Он был так рад, что избавился от своего опасного соседа, что даже не сердился на тех, кто подстроил ему эту неприятность. В последующем он остерегался причинять им малейшее неудовольствие. <...>

Х. Одесские тетушки

На несколько дней собирались поехать в Одессу. Девочка очень радовалась, что наконец-то увидит своих тетушек. Она их знала лишь по письмам, которые родственницы присылали ей по праздникам. Мисс и Арапка должны были остаться дома, и она чувствовала себя независимой и гордой. Никогда еще она не ездила в так роскошно обустроенном вагоне. На всех станциях Юго-Западной железной дороги отца принимали особенно сердечно. Многие чиновники служили под его началом, когда он еще возглавлял эту важную линию. Прогуливаясь с дочкой на одной из промежуточных станций, он остановился у локомотива, беседуя со служащими, которые слушали его с большим почтением.

Лицо механика показалось ему знакомым, и он стал пристально вглядываться в него. Вдруг его лицо просияло и выражение его смягчилось. Окликнув рабочего, он горячо пожал ему руку. Оба были рады этой встрече через двадцать пять лет. Механик узнал в министре с седеющей бородой Сергея Юльевича Витте, который некогда исполнял скромные обязанности начальника этой самой станции. Обрадовавшись встрече, рабочий забыл, что был весь в саже, и, к великому ужасу подбострастных чиновников, рука министра после крепкого пожатия стала такой же черной и грязной.

Подобные эпизоды разнообразили их путешествие, и время текло незаметно. К своему великому удивлению, девочка узнала, что завтра утром они должны прибыть в Одессу.

На платформе вокзала среди официальных лиц она заметила двух дам в черном, одну маленькую и худую, другую полную. Как только отец вышел из вагона, они бросились ему на шею со слезами на глазах, а потом принялись обнимать девочку. Они говорили одновременно и казались очень взволнованными. Это были ее тетушки. Придя в себя после этих проявлений нежности, девочка рассмотрела их: тетя Ольга была поразительно похожа на отца. Она была того же роста, у нее был такой же голос и даже его улыбка. Тетя Софья, смуглая и худенькая, с огромной бородавкой на подбородке, лихорадочно обмахивалась японским веером, на котором была изображена Фуджи в лунном свете. Она считала, что обладает литературным талантом и, к отчаянию брата, писала романы, которые подписывала такими же, как у него, инициалами – С. В. Читатели этих сентиментальных повестей в некотором удивлении полагали, что их автор Сергей Витте.

Стояла тропическая жара. Блеск солнца слепил глаза. С вокзала поехали прямо на кладбище. В экипаже тетушки засыпали родителей вопросами. У семейного склепа уже ждали духовенство и певчие. Сразу же началась панихида. Молитвы за недавно умершую бабушку не трогали девочку, она ведь ее никогда не видела, но горестное выражение лица папы ее расстроило.

После службы направились в гостиницу. Вдоль пути собравшиеся на тротуарах люди с любопытством разглядывали министра, которого считали одесситом, так как он учился в университете их города. Он чувствовал, что в Одессе его каждый раз принимают от всего сердца.

Его именем даже называли одну из новых улиц. Хозяин гостиницы «Лондон» Ятчук не знал, как еще выразить ему свою преданность. Когда-то у него был ресторанчик, который посещали люди небольшого достатка, среди завсегдатаев этого скромного заведения был и будущий государственный муж, тогда бедный студент. Ятчук взволнованно вспоминал те старые времена. Единственное, чем он мог воздать почести своему знаменитому гостю, была особая забота о его трапезах. Первый завтрак, который им подали в гостинице «Лондон», напоминал пиры Лукулла с их кулинарными изысками. Ятчук самолично обслуживал дорогих гостей и, блаженно улыбаясь, говорил:

– Помните, ваше превосходительство, как в молодости вы любили хорошо прожаренный бифштекс с жареной картошкой? Ну и аппетит у вас тогда был! Я лишь глаза закрою и вижу вас в студенческой форме, как будто это вчера было.

Девочка молча слушала и наслаждалась изысканными блюдами, которые им подавали.

На вторую половину дня был назначен визит к тетушке Наде. Ей было восемьдесят лет, она так никогда и не была замужем, потому что не хотела оставлять сестру Катю, с которой их разлучила лишь смерть последней. Она перенесла эту любовь на ее детей и относилась к ним как к собственным. Ее квартира располагалась на той же лестничной площадке, что и жилище племянниц, Софьи и Ольги. В гостиной, заставленной мебелью, как антикварная лавка, нельзя было шагу ступить, чтобы что-нибудь не уронить. В большом кресле, обитом зеленым бархатом, сидела хозяйка дома Надежда Андреевна Фадеева. Ее морщинистое лицо дышало бесконечной добротой. Одета маленькая сгорбленная старушка была в свободный жакет и юбку из черного драпа. Рядом с ней сидела высокая толстая старуха, которая с криком радости поспешила в объятия отца девочки. Это была его кормилица, которая продолжала жить с ними и к которой относились как к члену семьи.

Тетушка Фадеева тоже обрадовалась племяннику, с которым нянчилась в Тифлисе, в доме родителей, где собиралась вся семья.

Рядом с гостиной находился ее кабинет с огромной библиотекой. На стенах висели портреты предков. Надежда Андреевна воплощала не только историю нынешней семьи, но и всех трех ее поколений. <...> За работы в области естественных наук ее [мать] собирались принять в Академию наук. Она завещала этому учреждению собранную ею коллекцию флоры Кавказа. Она вела переписку со многими европейскими учеными. Судя по портретам, ее внук Витте был очень на нее похож⁶².

В столовой пел самовар. Все расселись за круглым столом. Девочка, чувствовавшая смущение в этой новой обстановке, молчала; тетушки потчевали ее конфетами, пирогами и вареньем, восхищаясь ее образцовым поведением. Они ожидали встречи с непоседливым ребенком, а увидели примерную девочку. Было видно, что эти три женщины боготворят ее отца. Они жадно ловили каждое его слово и не сводили с него глаз, когда он говорил.

В углу его старая кормилица вязала шерстяной чулок и бросала украдкой нежные взгляды на этого человека, казавшегося еще выше в этой скромной комнате. Теперь ее маленький Сережа стал важным человеком империи, но он остался прежним. Маятник старинных часов красного дерева, стоявших на камине, нежно качался. Часы тикали негромко, осторожно, словно боялись нарушить это семейное сборище. Горшки с геранью на окнах оживляли уютный интерьер. Здесь отовсюду веяло прошлым, и каждый предмет находил отклик в душе.

Раздался громкий лай. Тетушки засуетились и бросились открывать дверь. На пороге появился жирный и неприятный мопс. Отец девочки терпеть не мог маленьких собак, но из почтения к пожилой родственнице смолчал. Она нежно любила это противное животное и некогда даже брала его с собой в театр, чтобы Бобик, оставшись дома, не заскучал. Бобик спрятался под столом, потом, рыча, обошел ноги всех гостей, пытаясь их укусить. Девочке

⁶² С. Ю. Витте был внучатым племянником Н. А. Фадеевой.

было очень беспокойно, а ее отцу и того хуже. Тетушки сразу же засуетились вокруг собаки, которой подали миску молока и сладкое печенье.

Когда рассеялись первые впечатления, девочка начала скучать в обществе всех этих взрослых. Она должна была сопровождать родителей, как тень, и слушать разговоры, которые нисколько ее не интересовали.

Она считала часы, которые отделяли ее от встречи с мисс, Арапкой и даже Степанидой. Жара стояла такая, как будто настал Судный день. Прогулки не доставляли ни малейшего удовольствия, потому что на зубах скрипела пыль. Наконец настал долгожданный день отъезда. Радуюсь, что возвращается на острова, девочка крепко обнялась с тетушками и пообещала им часто писать. Старушки плакали, прощаясь с любимым братом, благословляли его и обнимали: но их нежности не трогали сердца племянницы. Она мечтала лишь об одном: уехать. На вокзале она с нетерпением ждала третьего звонка, боясь, как бы родители вдруг не передумали и не решили остаться в Одессе подольше. Когда поезд наконец тронулся, она долго смотрела на платформу, где две женские фигуры в черном махали платками.

Нарышкина-Витте В. С. Воспоминания русской девочки // Воспоминания В. С. Нарышкиной-Витте. М., 2005. С. 38–40, 46–51.

А. Е. Кауфман

Черты из жизни гр<афа> С. Ю. Витте

<...> Колыбелью карьеры графа С. Ю. Витте была Одесса. Там он провел свою довольно бурную молодость. В Одессе Сергей Юльевич учился в университете и начал свою службу на Одесской железной дороге в качестве конторщика при весах, был контролером, изучал железнодорожное дело в мастерских, ездил часто на паровозе и исполнял одно время обязанности начальника одной из южных станций.

<...> На Одесской железной дороге Витте выдвинулся и достиг «степеней известных», обратив на себя внимание во время Русско-турецкой войны своею умелою распорядительностью при перевозке войск.

Не последнюю роль в карьере будущего премьер-министра сыграли директор Русского общества пароходства и торговли, которому была подчинена и Одесская железная дорога, старый одессит Чихачёв, и министр финансов И. А. Вышнеградский, ознакомившийся с деятельностью энергичного железнодорожного служащего в бытность свою председателем правления Юго-Западных железных дорог.

С. Ю. Витте оказывал всегда всяческое содействие и покровительство своим бывшим знакомым, начальникам, сослуживцам и школьным товарищам.

В молодости Витте был вхож в семью Рафаловичей в Одессе. И все Рафаловичи при министре финансов Витте сделали карьеры по финансовому ведомству, в банковских и т. п. учреждениях.

Городским головою Одессы, когда Витте окончил университет, был знаменитый прожектор Н. А. Новосельский, много сделавший для благоустройства Южной Пальмиры. Но Новосельский терпел неудачи за неудачами. Английская газета «Нонг» обвинила его в получении «промесс» от устроителя одесского водопровода. Во время Русско-турецкой войны Новосельский получил подряд на поставку для офицеров, и на него полился в печати дождь обвинений в злоупотреблениях. Запутался он и при эксплуатации своих тквибульских угольных копей на Кавказе.

Разорившемуся Новосельскому пришел на помощь Витте, и он получил место члена совета при министре финансов.

Другой одесский городской голова, профессор В. Н. Лигин, с которым Витте сблизился в Новороссийском университете, по протекции Сергея Юльевича получил место попечителя Варшавского учебного округа. Витте прочил его в министры народного просвещения, но преждевременная кончина прервала карьеру Лигина.

Вынужденный прервать свою преподавательскую деятельность популярный профессор истории в Одессе Г. Е. Афанасьев назначается, благодаря Витте, управляющим конторой Госуд<арственного> банка в Киеве.

Бывший товарищ министра финансов Романов – сослуживец графа Витте по Одесской железной дороге.

К своим подчиненным Витте относился всегда снисходительно, требуя от них лишь знания дела. Романов отличался большою рассеянностью. Однажды из управления дороги пропала папка с очень важным делом. Долго не решались доложить об этом Витте. Наконец ему стало известно о пропаже.

– Да вы не там искали, где следует, – заявил Сергей Юльевич, – поищите-ка в карманах Романова!

И искомое было найдено в карманах рассеянного чиновника.

В большой дружбе был Витте со своим начальником по Одесской железной дороге Б. А. Магнером и сослуживцем Ф. К. Штерном. Магнер оказался впоследствии в подчинении у сво-

его бывшего подчиненного, то есть у Витте, но отношения обоих были всегда самые дружеские и близкие. Еще за две недели до кончины своей Витте хлопотал об освобождении Магнера из австрийского плена, а когда тот, не выдержав военнопленного режима, умер в пути, в Бухаресте, Витте хлопотал о перевезении его тела в Одессу.

Любил Витте одесситов и самую Одессу, свою «вторую родину», как он называл ее. Он выработал в бытность свою министром путей сообщения весьма выгодные для одесской торговли и промышленности тарифные ставки, содействовал устройству портовой эстакады и всяких усовершенствованных оборудований для одесского порта.

Много десятков лет подряд одесские лорд-мэры и высшая администрация тщетно ходатайствовали об открытии при Новороссийском университете медицинского факультета, столь важного в курортном городе. С. Ю. Витте сумел преодолеть все препятствия⁶³. В награду за это его избрали почетным гражданином и присвоили его имя Дворянской улице, где университет расположен⁶⁴.

Однажды Витте отправился с городским головою П. А. Зеленым в университет.

– На Дворянскую улицу! – крикнул Витте кучеру.

– На улицу Витте! – поправил его Зеленый⁶⁵.

Витте словно предчувствовал, что «улица Витте» недолго просуществует: черносотенная одесская дума поспешила отменить постановление своей предшественницы с благословения градоначальника, известного генерала Толмачёва⁶⁶.

Когда одесситу нужна была протекция, он смело шел к министру из одесситов, в полной уверенности, что добьется желаемого.

Представители торгово-промышленного класса хлопотали о разных льготах. Родители-евреи – о приеме их детей в учебные заведения сверх процентной нормы и т. д.

Старый одесский нотариус Гурович, имевший какую-то тяжбу с казной, вел оживленную переписку по этому поводу с С. Ю. Витте, который охотно принял на себя хождение по делу своего земляка.

Когда исполнилось какое-то «-летие» государственной деятельности Витте, редактор газеты, в которой я работал, обратился ко мне с такою просьбою:

– Витте – одессит, и вы – бывший одессит. Попробуйте-ка отправиться к нему и побеседовать кое о чем!..

И действительно, одного упоминания по телефону, что я одессит, было достаточно, чтобы через полчаса я сидел в хорошо знакомом виттевском кабинете в «Белом доме» и беседовал с бывшим премьером. Значительная часть беседы, помню, была посвящена расспросам Витте об общих одесских знакомых и воспоминаниям о пребывании в Одессе, о бегстве, вопреки родительскому запрету, в Кишинев, где не окончивший гимназии в Тифлисе молодой Витте предполагал сдавать экзамены.

С. Ю. Витте любил Одессу, но еще больше любили его одесситы, среди которых он был крайне популярен. Его не называли ни Витте, ни графом, а просто – «Сергеем Юльевичем».

Каждый новый этап на пути государственной деятельности бывшего одессита сопровождался посылкой ему одесским муниципалитетом и его земляками самых горячих приветственных телеграмм и поздравлений.

⁶³ Факультет был открыт в 1900 г.

⁶⁴ С. Ю. Витте стал почетным гражданином Одессы в 1894 г., улица Витте появилась в 1902 г.

⁶⁵ Правильно – П. А. Зеленой. – *Примеч. ред.*

⁶⁶ 19 июня 1909 г. улица Витте получила имя Петра Великого под благовидным предлогом – в ознаменование 200-летия Полтавской битвы.

С. Ю. Витте часто заезжал в Одессу, где служил покойный его брат Борис – сначала прокурором, а затем председателем судебной палаты и где и посейчас проживает его любимая сестра.

Одесситы, знавшие выдающегося государственного деятеля, когда он еще был простым канторщиком и газетным сотрудником, с удовольствием отмечали всегда, что он «ничуть не переменился». Те же чуждые всякой претензии на аристократизм манеры, та же неуклюжая и несколько грубоватая речь, те же усвоенные в Одессе неправильные обороты.

Известно, что на первых порах своей государственной деятельности в столице Витте немало шокировал своих коллег простотой и демократичностью. На какое-то торжественное собрание С. Ю., занимавший тогда уже довольно высокий пост, явился без знаков отличий и ленты. Это отнесли к его демократизму, и ему сделано было замечание.

– Я не ношу орденов и ленты потому, что я их не имею! – был ответ!

Хорошо относился С. Ю. Витте к одесситам, но не могут жаловаться на него и деятели печатного слова.

– Печать, – говорил Витте, – есть могучая сила, с которой должен считаться весь мир...

И граф Витте и на заре своей служебной деятельности, и по достижении им высокого положения на государственной иерархической лестнице, и на закате своей жизни, находясь уже не у дел, «считался с печатью»; он принимал и сам в ней участие своими статьями, доставлявшимися им материалами и постоянными беседами с журналистами, для которых он был доступен во всякое время дня и даже ночи – в экстренных случаях.

Деятели печати отнюдь не избалованы благожелательным к ним отношением наших государственных людей. «Газетчиков», кроме разве заморских, часто не подпускают на пушечный выстрел туда, где вершатся и не столь важные государственные дела.

Граф С. Ю. Витте составлял всегда счастливое исключение среди «власть имущих» своим отношением к деятелям печатного слова.

В министерском коричневом доме на Мойке, в Белом доме на Каменноостровском и в отведенных для Витте апартаментах в Зимнем дворце в бытность его премьер-министром можно было встречать и именитых писателей, и скромных журналистов, и газетных работников. Со многими из них граф Витте был в самых дружеских отношениях.

Однажды на прием в Министерстве финансов записались несколько десятков человек. Были тут и губернаторы, даже один министр, были и журналисты.

Просмотрев список с именами явившихся, Сергей Юльевич отметил карандашом тех, кого он желал принять в первую голову, без соблюдения обычной очереди.

– Вас просит министр! – обратился дежурный чиновник к находившемуся в приемной издателю столичной газеты, явившемуся на прием позже других.

Ожидавший в приемной курский губернатор граф Милютин, едва за издателем закрылась дверь министерского кабинета, стал громко выражать свое неудовольствие:

– Помилуйте, разве это порядок! Летишь сюда из-за тридцати земель по не терпящим отлагательства административным делам, в которых заинтересована целая губерния, а ты вдруг изволь ждать тут в приемной, пока окончится беседа с каким-то газетчиком!..

Граф Милютин выразился несколько резче насчет «газетчика»...

Но вот на пороге появился издатель, и дежурный чиновник подмигнул другому причастному к печатному слову деятелю —

В. А. П-ву, до которого не дошла еще очередь. П-в был некогда одесским корреспондентом большой петроградской газеты, когда Витте служил на Юго-Западных железных дорогах.

– Я вас, Сергей Юльевич, – начал было П-в, – не задержу, так как у вас там в приемной масса народа. Кто-то высказал даже неудовольствие по поводу несоблюдения очереди...

– А мне в высокой степени наплевать! – ответил Витте, выразившийся всегда несколько резко. – Мне-то самому лучше знать, когда кого принимать!..

И он стал забрасывать П-ва вопросами об интересовавших его в то время предметах, а попутно делился своими замыслами и планами. Витте был тогда поглощен сберегательными кассами, которыми его собеседник мало интересовался.

– Столько в наши кассы потечет народных сбережений, – хвастал министр финансов, – что мы выдержим самую большую войну, если, Боже упаси, вынуждены будем воевать...

<...>

Уезжая летом на воды, Витте и там не расставался с «братьями-писателями». В Биаррице его можно было встречать прогуливающимся с В. М. Дорошевичем, которого, между прочим, расспрашивал об общих знакомых – «одессистах», как он выражался.

В каждом городе, где он жил, Витте имел своих знакомых и друзей среди журналистов. В Киеве он сблизился с редакторами «Киевлянина» Д. И. Пихно и «Киевского слова» – Антоновичем, у которого печатал свои статьи по железнодорожным и финансовым вопросам. И Антонович, и Пихно при содействии Витте сделали государственные карьеры, получив посты товарищей министра.

В Одессе Витте, занимая место конторщика на железной дороге, принимал участие и в местной печати. В прогрессивной газете «Правда» появлялись время от времени злободневные фельетоны за подписью «Зеленый Попугай», и товарищи по перу автора этих фельетонов не подозревали, что их сосед по газете променяет впоследствии редакционный портфель на портфель министра, и они, как некий одесский журналист С. Г. Ярон, смогут называть себя «товарищами министра».

В другой одесской газете, «Новороссийском телеграфе», Витте выступил с горячо написанной статьей по славянскому вопросу. Этому же вопросу посвящались его статьи в аксаковских изданиях – «Дне» и «Руси».

Славянолюбие Витте берет начало от дяди по матери, генерала Фадеева, известного патриота и военного писателя. Тяготением к литературе С. Ю. обязан был, по его словам, своей тетке – известной писательнице Елене Ган, писавшей под псевдонимом Зинаида Р., и родственными отношениями с писательницей Желиховской и теософкой Блаватской.

В Одессе на заре своей служебной и газетной деятельности Витте сблизился с «дедушкой одесских фельетонистов» бароном Иксом – С. Т. Герцо-Виноградским. Он не порывает с ним даже тогда, когда барон Икс, вернувшись из ссылки, находился под надзором.

Частые переходы фельетониста из газеты в газету обрекали его на денежные затруднения, и Витте сначала устраивает его на должности на Юго-Западных железных дорогах, а когда Герцо-Виноградский потерял службу и журнальная работа стала его плохо кормить, С. Ю. устроил ему пенсию из учрежденного по его инициативе при Академии наук фонда имени императора Николая II для выдачи пособия литераторам, публицистам и ученым.

На Юго-Западных железных дорогах Витте устроил другого одесского журнального ветерана, талантливого критика и шекспиролога С. И. Сычевского, который, страдая известным пороком, вечно нуждался.

И не один деятель печатного слова, обреченный на склоне дней своих на всякие лишения, помянет добрым словом инициатора хорошего дела.

Когда провинциальные редакторы страдали от гнета местных администраторов и цензуры или существованию их изданий угрожала какая-либо опасность, они искали защиты у Витте – и не без успеха. Закрыли однажды «Одесский листок», кажется, за статью В. М. Дорошевича, о притоне в доме одесского судебного деятеля Шимановского – и Витте добился снятия этой кары и возобновления газеты.

Ходатайствам Витте многие органы печати обязаны своим возникновением в те времена, когда разрешения на новые газеты выдавались с большим трудом.

Провинциальные журналисты любят часто справлять свои юбилеи, празднуя их «на Антона, и на Онуфрия». И Витте аккуратно посылал юбилярам свои поздравления и юбилейные приветствия.

Посещая Одессу, Витте не забывал своих старых знакомых из журнального мира.

И в столице были журналисты и издатели, которым Витте оказывал содействие «в минуты жизни трудные».

Разрешение на довольно распространенную газету, в котором многократно отказывали издателю, было добыто бывшим министром финансов. Это не помешало тому же издателю на столбцах разрешенной при содействии Витте газеты разделять последнего под орех.

Во «дни свобод», когда к бывшему премьеру явилась депутация журналистов, которых он призывал поддерживать его начинания и успокаивать умы, издатель, являвшийся, по словам Сергея Юльевича, его неоплатным должником, разразился довольно резкою филиппикой.

– Ну, и оплатил же мне ваш патрон! – заявил Витте журналисту Р<уманову>. – Не ожидал я от него такой прыти!..

Другому журналисту г-н Витте заявил, что в имеющих появиться после его смерти мемуарах он охарактеризовал по достоинству черную издательскую неблагодарность...

Ко всякому печатному слову Витте относился очень чутко. Когда он, живя еще на юге, занял уже видное положение, «Новое время» отметило его нерусскую фамилию. С. Ю. разыскал корреспондента газеты В. А. П-ва и просил его протелеграфировать от его имени лично А. С. Суворину, что в его, виттевских, жилах течет кровь русского архипатриота генерала Фадеева.

На критику его деятельности бывший премьер смотрел как на явление вполне законное и нормальное. Брань по его адресу в известной части печати он оставлял без внимания, особенно в последнее время. К цензурным скорпионам Витте никогда не прибегал. Но были обвинения, с которыми он не мог мириться.

Чтобы осведомлять печать о своих реформах, вызывавших всегда сильную оппозицию, Витте отдавал распоряжения своим подчиненным – не отказывать журналистам в сведениях, и сам часто делился с ними всем, что могло их интересовать.

Когда в Одессе введена была казенная продажа питей, Витте, приехавший ознакомиться на месте с только что введенной реформой, выразил пожелание, чтобы при осмотре им казенных лавок и мест для распивочной продажи спиртных напитков ему сопутствовали представители печати. В гавани он расспрашивал портовых рабочих о качествах «казёнки». Сопровождавший его пристав Чебанов стал было подсказывать рабочим приятные творцу реформы ответы, но Сергей Юльевич решительно запротестовал:

– Нам нужна одна правда, а не ложь! – заметил он приставу.

Превратное толкование его проектов и реформ вызывало со стороны бывшего министра самые энергичные возражения, с которыми он выступал лично или при посредстве знакомых журналистов.

Когда творец 17 Октября находился уже не у дел, при нем состояли два лейб-журналиста, выступавшие в печати истолкователями взглядов и деятельности экс-премьера: это были публицист, писавший под псевдонимом Морской, и информатор большой московской газеты Р<уманов>, к которому Витте относился с большим доверием.

Особенно негодовал С. Ю. Витте, когда критика исходила от его недавних друзей. Я помню, как он волновался при одном моем посещении его, когда зашла речь о Пихно.

– Какой же я хамелеон, как называет меня Пихно! Как министр и верноподданный своего государя, я счел своим долгом в своей записке о земстве высказать, что введение в стране широкого самоуправления повлечет за собою установление конституционного режима. Хотите дать конституцию – дайте земство с самыми широкими правами! – говорил я. – Но прави-

тельство не было еще подготовлено к дарованию конституции, а потому опасно было вводить широкое самоуправление. Вот и всё! Не я хамелеонствовал, а Пихно и компания прыгали через мою голову! – воскликнул Сергей Юльевич, вытянувшись во весь свой длинный рост и показав мне, что через его голову мудрено было прыгать такому маленькому человеку, как покойный Пихно...

Превратной критики Витте терпеть не мог, а за поддержку его политики умел выражать свою признательность.

Когда С<ергей> Ю<льевич> был министром финансов, О. К. Нотович вел одно время в «Новостях» упорную борьбу с биржевым ажиотажем и с игрецкими страстями средней публики. Прибыв на несколько дней в Петроград из Одессы, я посетил своего прежнего редактора-издателя, который с места в карьер объявил мне:

– Вот вы там в провинции все пишете о школах, библиотеках, о борьбе между книгою и штофом, о телесных наказаниях и т. п. оскмину набивших вещах! А вот «Новости» борются с биржевыми спекуляциями, которыми увлеклись даже швейцары и кухарки, и много тысяч людей спасены нами от разорения. Министр финансов Витте в самой лестной форме выразил мне за это свою признательность, а он знает, что делает...

Мне оставалось тогда только позавидовать редактору «Новостей»: провинциальные журналисты далеки от министров и благодарности от них не получали.

Издатель «Русского дела» Шарапов поднял целый поход против золотой валюты. Прошло некоторое время, и Шарапов, получив «золотую валюту» на усовершенствование изобретенного им плуга, переложил гнев на милость⁶⁷.

Со всем тем, что о нем писали, Витте был всегда досконально знаком, ибо редкий государственный деятель так следил за текущею журналистикою, как он. На его столе в кабинете всегда лежали последние номера газет и свежие выпуски журналов.

Зашла однажды речь при Витте об одном министре, и он дал о нем весьма нелестный отзыв.

– Почему вы его так не жалуете? – спросили его.

– Помилуйте, что это за государственный деятель, который ничего не читает, не следит за текущею печатью! – ответил Витте.

С. Ю. Витте любил печать, принимал в ней участие и относился благожелательно к ее деятелям. Он оставил после себя и литературное наследие, в виде статей, разбросанных в разных периодических изданиях, брошюр «По поводу национализма», о земстве, книги о «Принципах железнодорожных тарифов», в составлении которой принимал близкое участие одесский критик С. И. Сычевский, претендовавший даже на авторство⁶⁸.

И можно смело сказать, что, не посвятив себя Витте государственной деятельности, в которой он так много преуспел, он был бы выдающимся публицистом. У него были для этого многие данные: публицистический темперамент, полемическая жилка, умение схватывать сущность вещей, сильный творческий ум и разнообразные сведения и знания по многим отраслям человеческой мысли. У публицистики было бы тогда одной талантливой силой больше, но у России не было бы выдающегося государственного деятеля и реформатора.

⁶⁷ Газета С. Ф. Шарапова «Русский труд» во второй половине 1890-х гг. постоянно выступала с резкими нападками на золотую реформу С. Ю. Витте, настаивая на сохранении серебряного стандарта рубля и возможности неограниченной эмиссии. Это происходило при закулисной поддержке политических противников С. Ю. Витте – министра внутренних дел И. Л. Горемыкина и великого князя Александра Михайловича. Однако летом 1902 г. публицист и министр неожиданно помирились: С. Ю. Витте организовал посещение Николаем II показательной пахоты шараповским плугом и приобрел за счет казначейства на 50 тыс. руб. акций предприятия, выпускавшего плуги, после чего критика золотой реформы немедленно прекратилась.

⁶⁸ В 1884 г. С. Ю. Витте выпустил книгу «Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов», уже современники подозревали, что будущий сановник поставил свое имя на чужой работе, но в качестве потенциального автора чаще называли Б. Ф. Малешевского, талантливого математика, долгие годы служившего у С. Ю. Витте.

Кауфман А. Е. Черты из жизни гр<афа> С. Ю. Витте // Исторический вестник. 1915. № 4. С. 220–229.

М. Э. Клейнмихель **Из потонувшего мира**

Рассказ графа Витте

Три года до войны была я в Биаррице. Я часто встречалась там с супругами Витте. Однажды, когда я обедала у них на их прекрасной вилле на Рю-де-Франс (кроме меня присутствовала еще дочь Витте и ее муж, Нарышкин, со своей матерью), заговорили об одном слухе, распространяемом в городе, и один из присутствующих заметил: «Легковерию публики, поистине, нет границ». – «Совершенно верно, – возразила я. – Знаете, Сергей Юльевич, ведь в свое время утверждали в Петербурге, что вы являлись изобретателем этой невероятной, бессмысленной „Священной лиги“⁶⁹, и находились достаточно глупые люди, поверившие этому». Как велико было мое изумление, когда я заметила, что граф Витте побледнел и на мгновение закрыл глаза; его лицо передергивалось, и он с трудом вымолвил: «Ну да, это – правда. Эта безумная, бессмысленная мысль зародилась впервые именно у меня». Теперь я невольно краснею, вспоминая об этом, но тогда я была очень молода и не знала ни жизни, ни людей. «Я был маленьким, безвестным начальником станции Фастов. Это было в Киеве, – продолжал он. – 1 марта 1881 г. после тяжелого рабочего дня пошел я в театр. Тщетно ждали начала представления. Наконец на сцене появился управляющий театром и прочитал телеграмму потрясающего содержания: „Император Александр II убит нигилистом, бросившим в него бомбу, оторвавшую ему обе ноги“. Невозможно передать то волнение и боль, которые вызвало у присутствующих это страшное известие. Александр II, царь-Освободитель, был очень любим всеми слоями общества, и любовь эта была следствием целого ряда предпринятых государем либеральных мер, предшествовавших столь ожидаемой конституции.

Я вернулся домой, дрожа словно в лихорадке, и сел писать длинное письмо моему дяде, генералу Фадееву, военному корреспонденту „Голоса“, интимному другу графа Воронцова-Дашкова. Я описал ему мое душевное состояние, мое возмущение, мое страдание и выразил то мнение, что все мои единомышленники должны были бы тесно окружить трон, составить дружный союз, чтобы бороться с нигилистами их же оружием: револьверами, бомбами и ядом. Что надо, подобно им, создать свою организацию, в которой, как у них, каждый член был бы обязан привлечь трех новых, и каждый из новых, в свою очередь, тоже трех и т. д. Тридцать членов составляют отделение с вожаком. Я писал страницу за страницей, не перечитывая написанного. В то время мне моя мысль казалась ясной, простой, легко исполнимой. На следующий день это письмо было мною отправлено.

С большим подъемом духа принес я присягу новому монарху, посещал немало панихид по Александру II, а затем снова погрузился в свои ежедневные занятия, не вспоминая более о моем письме.

Прошли месяцы⁷⁰. Вдруг я получаю от моего дяди, Фадеева, телеграмму: „Приезжай немедленно. Приказ о твоём отпуске послан твоему начальству“. Я не верил своим глазам, когда курьер принес мне приказ немедленно явиться к начальнику дистанции. Дрожа от волнения, зашел я в кабинет моего высшего начальства, доступа куда не было таким маленьким служащим, как я. Я заметил в чертах начальника некоторую неуверенность и замешательство:

⁶⁹ Точное название – «Святая дружина».

⁷⁰ Письмо С. Ю. Витте Р. А. Фадееву, по-видимому, не сохранилось. Остался ответ генерала племяннику от 14 марта 1881 г., где он сообщил, что письмо С. Ю. Витте было им получено.

„Я получил от министра путей сообщения адмирала Посьета приказ дать вам отпуск и возможность поездки в Петербург. Знаете ли, вы, зачем вас вызывают?“ – спросил он меня. Я откровенно ответил, что не имею никакого представления. „Странно, – сказал начальник, – нужны вам деньги на дорогу? Я готов вам дать, сколько надо“. Я поблагодарил и отказался. „Ну, поезжайте. Счастливый путь! Но все-таки все это странно“, – повторил он, измеряя меня недоверчивым взглядом. Мне казалось это еще более странным, чем ему.

На вокзале в Петербурге встретил меня мой дядя Фадеев. Мы поехали к нему, и там, за самоваром, разрешилась эта загадка. Письмо мое, о котором я уже давно не думал, написанное мною в каком-то лихорадочном состоянии, было передано моим дядей графу Воронцову-Дашкову, очень ему понравилось, и он его вручил государю Александру III, которому очень понравилась счастливая мысль образовать тайное общество охраны престола. Он отправил мое письмо своему брату великому князю Владимиру, начальнику Петербургского военного округа, с предписанием испытать и разработать мой проект.

„Сегодня вечером я повезу тебя на Фонтанку, – сказал дядя, – к Павлу Шувалову (в петербургском обществе его знали под именем Боби). Он начальник вашего союза, и ты познакомишься там с главными членами Священной лиги“. Впервые переступил я порог одного из роскошных аристократических домов, что произвело на меня большое впечатление. Впервые также находился я в обществе тех высокопоставленных особ, с которыми впоследствии мне было суждено так часто встречаться. Там тогда находились великие князья Владимир и Алексей, начальник Генерального штаба генерал Щербачёв⁷¹, кавалергард ротмистр Панчулидзе и хозяин дома. Меня приняли очень сердечно, чествовали меня за мою гениальную идею и сообщили мне, что мой проект разработан и составлен уже отдел (из десяти человек), что члены будут вербоваться как в России, так и за границей и таким путем образуется мощная организация. Мне показали тайный знак этого союза и привели меня к присяге. Я должен был клясться перед иконой все свои силы, всю жизнь посвятить этому делу, и я, как и все другие члены, должен был дать обещание, в случае если это понадобится, не щадить ни отца, ни мать, ни сестер, ни братьев, ни жены, ни детей. Вся эта процедура, происходившая в роскошном кабинете, среди разукрашенных серебром и оружием стен, произвела на меня, провинциала, глубокое впечатление. Но я был окончательно наэлектризован, когда раскрылась дверь в столовую, – никогда раньше не видал я столько изысканных блюд. Вино лилось рекой, и я был слегка навеселе, когда великий князь Владимир мне сказал: „Милый Витте, мы все решили дать вам заслуженное вами почетное поручение. В настоящее время французское правительство отказывается выдать нам нигилиста Гартмана. Мы послали гвардии поручика Полянского в Париж с приказом уничтожить Гартмана. Поезжайте завтра иметь наблюдение над Полянским и, если он не исполнит свою обязанность, то убейте его, но предварительно ждите нашего приказа. Вы всегда найдете возможность вступать с нами в сношения через нашего агента в Париже; агент этот пользуется нашим полным доверием и стоит во главе нашей организации за границей. Вы можете его ежедневно видеть у Дюрона, Бульвар де ла Маделен. Советуйтесь с ним во всех трудных случаях“. Я спросил его имя. Великий князь сказал: „Дайте ему себя узнать нашим тайным знаком, и он сам назовет вам свое имя“. Мне дали 20 000 рублей. Никогда ранее не видал я столько денег.

На следующий день дядя доставил меня на вокзал. У меня сильно болела голова после выпитого накануне вина, и только в Вержболове пришел я окончательно в себя и начал разбираться в этом странном происшествии, в которое я был вовлечен. Я не мог себе представить в то время, когда я писал моему дяде мое школьное письмо, что оно могло дать результат

⁷¹ Клейнмихель ошибается: в начале 1880-х гг. существовал не Генеральный, а Главный штаб, его возглавляли Ф. Л. Гейден (до 22 мая 1881 г.), затем Н. Н. Обручев. В рассказе С. Ю. Витте имелся в виду князь А. П. Щербатов, один из видных деятелей «Святой дружины».

такого государственного значения. В то же время я был в ужасе от назначенной мне роли и от данной мною страшной, связывающей меня клятвы. Перспектива пролить человеческую кровь приводила меня в содрогание.

Наконец я приехал в Париж и остановился в назначенной мне великим князем гостинице в Quartier Latin⁷². Три дня сряду завтракал и обедал я за столом в близком соседстве с человеком, которого я должен был убить. На третий день вечером моя будущая жертва приблизилась ко мне и сказала: „Я – Полянский. Я получил от члена нашей организации извещение, что вы сюда посланы для того, чтобы меня убить, если я не убью Гартмана. Должен вам сообщить, что все предпринятое мною в этом направлении увенчалось успехом – я нанял убийцу и жду распоряжений из Петербурга, но я их еще не получил и думаю, что будет лучше, если мы с вами поговорим откровенно. Я решил исполнить возложенное на меня поручение и поэтому я не думаю, что я паду вашей жертвой, мы имеем время и возможность спастись“. Я был очень рад этой встрече – я никого не знал в Париже, страшно скучал и впервые провел приятный вечер в обществе товарища по „Священной лиге“, который, прежде чем убить или быть мною убитым, пошел со мной в театр, а затем в ресторан поужинать.

На следующее утро все еще было по-прежнему, и я вдруг вспомнил, что мне было приказано идти к Дюрану, где я должен встретить таинственную особу, которая мне даст необходимые указания. Я сел за маленький стол у Дюрана и делал каждому входящему наш таинственный знак, чтобы обратить на себя внимание. Одни проходили, не глядя на меня, мимо, другие, казалось, были несколько изумлены и, так как я довольно часто повторял эти знаки, думали, вероятно, что я страдаю эпилепсией. Я уже начинал терять всякую надежду, как вдруг один субъект с большими черными глазами и неприятной внешностью, проходя мимо моего стола и заметив мои знаки, ответил на них – это был тот, кого я искал. Он подсел ко мне и назвал себя: Зографо. Затем он мне сказал, что он имеет сведения, что усилия посольства увенчались успехом – удалось доказать, что нигилист Гартман – обыкновенный уголовный преступник, и что вследствие этого он будет выдан французским правительством.

Таким образом, нам не пришлось совершать убийства.

Приказы центрального комитета передавались в Париж через князя Фердинанда Витгенштейна, бывшего также членом этого тайного общества. Мы провели эту ночь в одном из увеселительных заведений Парижа. Я остался в Париже еще неделю, весело тратя и свои, и „Священной лиги“ деньги.

Когда я вернулся в Петербург, я заметил, что интерес ко мне сильно охладел. Меня уже не приглашали в высшие круги нашего тайного союза, и я вернулся на свое место – начальника дистанции Фастов, в Киев, где я оставался довольно долго.

Мне вспоминается другой случай на ту же тему, случай, доказывающий легкомыслие одних и безалаберность других. Много лет бывал я довольно часто на обеде у моего старого друга Дурново на Охте (вблизи Петербурга). Не помню как, но в разговоре мы коснулись „Священной лиги“. Дурново сказал: „чтобы судить об этом предприятии, как и вообще обо всем на этом свете, нужно на него взглянуть с исторической точки зрения. Скажу вам, что эта 'Лига', несмотря на ее несовершенные стороны и часто глупые промахи, которые я признаю, оказала государству большие услуги. Так, например, мы должны быть благодарны исключительно нашей лиге за раскрытие большого заговора, имевшего целью похищение наследника цесаревича Николая II, и ей только мы должны быть благодарны за спасение нашего будущего монарха. Впрочем, Рейтерн, который здесь присутствует, может вам об этом подробнее передать, если он к этому расположен“. Полковник Рейтерн, флигель-адъютант государя, залился гомерическим смехом.

⁷² Латинский квартал (франц.).

„Что с вами, откуда такое веселье?“ – обратилась к нему с вопросом г-жа Дурново. Рейтерн, продолжая смеяться, ответил: „Я расскажу вам эту темную историю. Однажды ужинал я с одним моим приятелем, судебным следователем. Стоял ноябрь, погода была отвратительная, меня лихорадило, и, кроме того, я проиграл много денег в яхт-клубе. Приятель мой также жаловался на ревматизм. 'Если только подумать, – воскликнул он, – что есть такие счастливы, которые увидят завтра лазурное море, голубое небо, в то время как мы еще много месяцев обречены на сидение в этой слякоти'. И тут вдруг на меня снизошло как бы откровение. У меня не было денег, и поездка на юг была для меня совершенно недоступна. Что если бы я получил туда поручение, но каким образом? Сначала в шутку, стали мы придумывать 'широкий заговор', который дал бы нам возможность получить назначение расследовать это дело и съездить в Италию, но постепенно этот план стал принимать более реальные формы, и я, хорошо зная князя Белозерского, Павла Демидова и других, уверил моего собеседника, что их вполне возможно в этом убедить. Мы сочинили анонимные разоблачения с вымышленными подписями, и я очень забавлялся, видя, как все эти наши доморощенные Шерлоки Холмсы были нами одурачены.

Боби Шувалов, человек неглупый, но морфинист, постоянно одержимый какой-нибудь навязчивой идеей, отвел меня однажды в яхт-клубе в сторону и спросил, возьму ли я на себя поездку в Рим, с тем чтобы поговорить с итальянской полицией о заговоре, изобретенном моей фантазией в Риме. Шувалов находил, что я очень подхожу к этому поручению, и сказал, что он убежден в прекрасном исходе моей поездки. Я выразил ему свое согласие, но поставил условием, чтобы мне сопутствовал опытный следователь. Видите ли, милейший п<риятель>, так признаюсь я вам через 15 лет, как я вас всех водил за нос“».

Клейнмихель М. Из потонувшего мира. Берлин, [1920]. С. 103–111.

А. Р. Дезен

Автобиография

Получив диплом инженера, я вскоре попал начальником дистанции на Козлово-Воронежско-Ростовскую железную дорогу и жил там на ст<анции> Лиски. <...>

На дороге я пробыл до мая 1885 года, когда бывший в то время директором Департамента железных дорог глубокопочтимый В. В. Салов взял меня к себе в качестве своего секретаря, официально же я был прикомандирован к департаменту, с окладом в 1200 рублей. <...>

Помню, как во время объезда Юго-Западных железных дорог С. Ю. Витте, бывший тогда начальником эксплуатации сих дорог, во время завтрака, который давался в Бресте Салову, сидел рядом со мной и любезно беседовал с секретарем его превосходительства.

Помню также С. Ю. Витте в приемной В. В. Салова в Министерстве путей сообщения, когда он хлопотал, чтобы министр путей сообщения К. Н. Посьет утвердил его в должности управляющего Юго-Западными железными дорогами, и потому часто являлся к Салову и, дожидаясь приема, обменивался со мною своими мыслями и был весьма и весьма любезен.

Впоследствии мне неоднократно приходилось являться к Витте, когда он был нашим министром, а затем министром финансов, и постепенно наблюдать, как он изменялся в своем обращении.

За последние разы, когда мне случалось бывать у Витте по делам, он встречал стоя, часто даже не подавал руки, и, едва разинешь рот, он резко говорил какую-нибудь резолюцию и явно давал понять, что надо уйти, а если я пробовал заставить себя выслушать, то он начинал попросту кричать.

Мне вспоминается еще эпизод с Витте, когда он был управляющим Юго-Западными дорогами, а я, служа в Министерстве путей сообщения и получив от председателя правления Юго-Западных железных дорог даровой билет на проезд с женой от Киева до Одессы, пришел в Киеве к Витте, чтобы засвидетельствовать ему свое почтение.

Он меня любезно принял, а когда я в разговоре упомянул, что еду в Одессу с женой, спросил, есть ли у меня билет? На мое заявление, что билет мне выдал председатель правления, он мне сказал, что билет этот на курьерский поезд не годен, а когда я вынул билет и показал, что там рукой председателя правления и его подписью удостоверена годность билета на курьерский поезд, Витте взял билет, разорвал его и, сказав, что он не годен, велел мне выдать новый, с которым я благополучно и добрался до Одессы.

Во время моей службы в министерстве в один прекрасный день В. В. Салов сказал мне, что министр путей сообщения желает к Пасхе испросить мне звание камер-юнкера, я, конечно, очень обрадовался такой почетной награде, но всеильный Неронов, бывший тогда директором канцелярии, рассудил дело иначе и, пригласив меня недели через две к себе в кабинет, объявил мне, что так как у меня маленький чин, то награда эта отлагается.

Как оказалось потом, он желал сделать этим неприятность В. В. Салову, а я остался без парадного мундира.

Дезен А. Р. Автобиография // Юбилейный сборник [инженеров путей сообщения выпуска 1883 г.]: XXV. 1883 – 15. V. 1908. СПб., 1908. С. 38–41.

Н. Е. Врангель **Воспоминания**

Сергея Юльевича Витте <...> я знал с 1877 года, еще когда он служил в Одессе, в Русском обществе пароходства и торговли⁷³.

Вспоминаю одну встречу с ним, много лет тому назад. Витте тогда заведовал коммерческой частью Юго-Западных железных дорог.

Однажды я обедал у Чихачёва, который к тому времени был уже управляющим Морским министерством, и так как он сейчас после обеда спешил на какое-то заседание во дворец, то беседу, выйдя из-за стола, мы продолжали у него в уборной.

Доложили, что приехал Витте и очень просит хоть на минуту его принять. Дело очень важное.

– Скажи, что мне очень жаль, но сегодня никак не могу, попроси его заехать ко мне завтра.

Через минуту лакей вернулся. Витте прислал его сказать, что дело очень важное и ждать до завтра не может.

– Николай Матвеевич, – сказал я, – хотите, я с ним переговорю. Быть может, действительно что-нибудь неотложное, а то бы он в такой неурочный час не приехал.

– Вы правы. Переговорите, пожалуйста, с ним.

Витте мне передал, что управляющий Юго-Западными дорогами уходит в отставку и он, Витте, имеет все шансы занять место управляющего дорогами, но не имеет на это права, так как он не инженер путей сообщения. Посьёт, министр путей сообщения, с которым Чихачёв близок, быть может, это все-таки сделает, если его попросить. Но сделать это нужно сегодня же. Завтра будет поздно.

– Едва ли это сегодня возможно. Николаю Матвеевичу сейчас нужно ехать во дворец на заседание, – сказал я.

– Знаю, и Посьёт там будет. Постарайтесь уговорить Чихачёва.

Дело уладилось. Витте попал в управляющие, оттуда в директора Тарифного департамента, а затем и в министры.

Врангель Н. Е. Воспоминания. М., 2003. С. 274–275.

⁷³ Одесская железная дорога, где служил С. Ю. Витте, с 1870 г. подчинялась Российскому обществу пароходства и торговли (РОПиТ), его возглавлял Н. М. Чихачёв.

Н. А. Байков **Граф С. Ю. Витте в Маньчжурии**

В 1886–1888 гг. Сергей Юльевич Витте был управляющим Юго-Зап<адными> ж<елезными> д<орогами> и летом жил у нас на даче, в тридцати верстах от Киева. Кроме меня, двенадцатилетнего кадета, и старшей сестры гимназистки, у нас на даче было много детворы разных возрастов. В жаркие летние дни мы, дети, обыкновенно проводили время на пруде, где купались и плавали, ловили линей и выюнов у плотины, и ходили в лес собирать землянику, чернику, малину и грибы. Я же, по обыкновению, занимался еще ловлей бабочек и содержал целый зверинец разных птиц, зверьков, черепах, ящериц, змей, жаб и лягушек, для чего отец отвел мне отдельную комнату в нижнем этаже нашего дома.

Супруга С. Ю. Витте, Матильда Феликсовна⁷⁴, жила на даче безвыездно все лето, а он сам приезжал из Киева только под вечер и рано утром на следующий день уезжал в город на службу. Воскресные и праздничные дни он был свободен от службы и проводил время на даче. Нередко он забирал детей и уходил с нами в лес собирать ягоды и там, на полянке, устраивал игры и рассказывал интересные истории, которые мы слушали с большим вниманием. Матильда Феликсовна также принимала участие в этих прогулках и бегала с нами взапуски и в «горелки», причем отличившиеся получали от нее шоколадные конфеты и леденцы.

Очень часто С. Ю. заходил ко мне, в мой зверинец, и с интересом рассматривал моих питомцев. В шутку он называл меня «маленьким Брэмом» и советовал отцу обратить внимание на мою любовь к природе и животным.

Витте был очень высок ростом, а его супруга отличалась своими малыми размерами, он был блондин, а она – ярко выраженная брюнетка, и мы за глаза называли его жирафом, а ее мухой. Узнав об этом, они иногда и сами называли друг друга этими именами.

В одной из этих прогулок принимал участие и поэт С. Я. Надсон, живший одно время на даче по соседству. Он также бегал с нами в горелки и ловил со мною бельчат для моего зверинца. Однажды во время ловли белка укусила его в палец до самой кости, так что пришлось забинтовать ранку, что и было выполнено с большим искусством супругой Витте.

Надсон уже тогда был тяжело болен туберкулезом и, бегая с нами в горелки, сильно задыхался и харкал кровью, но это его не смущало, несмотря на видимую неизбежность скорой смерти. На его бледном лице с ярким румянцем горели каким-то внутренним огнем большие черные глаза, в глубине которых таилась печаль и отчаяние приговоренного к смерти. С нами, детьми, он забывался и, вероятно, чувствовал себя здоровым и был жизнерадостен. Он признавал свое положение, но молодость брала свое, несмотря на быстрое приближение рокового конца.

Перед своим отъездом на южный берег Крыма, куда его посылали врачи, он по просьбе своих друзей прочел свое стихотворение «Христос», у нас на веранде в одну из чудных украинских ночей, под аккомпанемент соловьиных песен и кваканье лягушек в ближайшем пруде.

Он говорил внятно, напрягая свой слабый голос, и вдохновенные слова его о Богочеловеке и любви к ближнему произвели потрясающее впечатление на слушателей: многие плакали, не стыдясь своих слез, а с супругой Витте сделалась истерика, и ее пришлось отпаивать холодной водой и валерьянкой.

*Байков Н. А. Граф С. Ю. Витте в Маньчжурии: Из воспоминаний // Луч Азии.
1945. № 138. С. 10–13.*

⁷⁴ Автор спутал Матильду с первой женой С. Ю. Витте – Надеждой Спиридоновой.

Н. Н. Изнар

Записки инженера

Глава XXII

<...> Сочинение С. Ю. Витте «Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов», появившееся в свет в 1883 г., было мною очень внимательно изучено. То, что в этом сочинении писал о теории тарифов автор, было мне уже известно из иностранных источников, которыми пользовался С. Ю. Витте, в особенности он много черпал из книги члена Парижской академии наук [Jules] de La Gournerie, *Études économiques sur l'exploitation des chemins de fer*⁷⁵. Скажу больше, основа теории тарифов, которую выдвигает на первый план С. Ю. Витте, была уже ранее его, в 1880 г., подробно изложена и объяснена в помянутой книге La Gournerie. Приведу эту основу дословно, как она изложена в заключении сочинения Сергея Юльевича: «Железнодорожные тарифы должны регулироваться по закону спроса и предложения; иначе говоря, железнодорожные тарифы должны регулироваться по тому началу, чтобы товары платили за провоз все то, что они могут заплатить».

Приведенное в книге La Gournerie графическое объяснение наивыгоднейшего тарифа для дороги на данную перевозку повторено и у С. Ю. Витте. Таким образом, нового я ничего не узнал из чтения помянутого сочинения. Все, что писалось о конкуренции иностранных дорог, главным образом американских, я также изучил из тех же первоисточников, какими пользовался Сергей Юльевич. Что же касается до высказанных им взглядов на конкуренцию наших железных дорог между собою, на необходимость упорядочения выработки, опубликования и упрощения существующих на нашей сети тарифов, на необходимость известного воздействия правительства на тарифную политику и др. предложенные им мероприятия, то они были настолько ясны и верны, что не разделять их не было возможности. Следовало только всякому, имеющему хотя бы какую-нибудь возможность влиять на проведение в жизнь предложенных С. Ю. Витте мер, – всеми силами тому способствовать, и наше железнодорожное дело могло быстро улучшиться. Поэтому тарифы прямых и транзитных перевозок Полесских дорог были выработаны мною по возможности при соблюдении всех указаний, сделанных в его сочинении таким опытным знатоком тарифной политики, каким я считал С. Ю. Витте.

Но каково же было мое удивление, когда на все грузы, которые так или иначе могли попасть на нашу дорогу в случае введения в действие новых тарифов, наш главный конкурент, Юго-Западные дороги, вводили тоже новые тарифы, но уже построенные с такими недостатками, против которых так ратовал в своем сочинении бывший тогда управляющим этими дорогами – С. Ю. Витте!

Чтобы не быть голословным, приведу несколько примеров в доказательство коренного расхождения теории С. Ю. Витте с его практической деятельностью при установлении тарифов.

Открытие движения по участку Вильно – Ровно Полесской сети приблизило как Ровно, так и все станции Юго-Западных железных дорог, лежавшие к югу от Ровно, к Петербургу на 122 версты, а к Москве на 135 верст. Поэтому если бы Юго-Западные и Полесские дороги принадлежали одному и тому же обществу или казне, то путем простого перенесения попутных ставок Юго-Западных дорог на все грузы получилось бы понижение стоимости перевозки при их следовании по Полесским дорогам, которое было бы равно попутной плате за каждую

⁷⁵ Экономические исследования по эксплуатации железных дорог (франц.).

версту пробега, помноженную на 122 для грузов, идущих в Петербург, или 135 – для идущих в Москву. Если бы было признано, что нет основания понижать существовавшие тарифы на данные грузы, так как они были, по теории *La Gournerie*, так настойчиво рекомендованной С. Ю. Витте в своем сочинении, построены на законах спроса и предложения, то возможно было бы просто оставить общую стоимость перевозки без изменения, подняв лишь поверстную плату настолько, насколько было необходимо для уничтожения того сокращения расстояния, которое получалось от направления груза по вновь открытой дороге.

В действительности же положение дорог Юго-Западных и Полесских было иное: первые принадлежали частному акционерному обществу, а вторые – казне. У них общего было только одно: обе дороги лежали тяжелым бременем на государственном казначействе: Юго-Западные – по уплате казною гарантии на облигации общества, а Полесские – на покрытие эксплуатационных расходов ввиду превышения расходов над поступлениями от движения грузов и пассажиров, не говоря уже о расходах на уплату процентов на строительный капитал.

Отсюда ясно, что всякое понижение выручки от перевозки грузов делалось за счет казны, и при этом без всякой к тому надобности, лишь только для того, чтобы количество грузов и выручка от них, хотя и пониженная, оставалась в пользу Юго-Западных дорог.

Достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться, насколько несутарно направлять грузы, например сахар, с заводов, лежащих около станции Ровно, сначала на запад до Бреста или Белостока, а потом уже очень круто сворачивать их на север, вместо того чтобы сразу направить на север, на Барановичи или Вильну. Установление подобных тарифов весьма резко и совершенно основательно осуждалось в сочинении С. Ю. Витте «Принципы железнодорожных тарифов», а между тем инициатором их был не кто иной, как автор помянутого сочинения. Эти пониженные тарифы были введены Юго-Западными железными дорогами за две недели до открытия движения по участку Вильно – Ровно, то есть уже в 1885 году.

Результаты их сказались очень быстро. Ни один пуд сахара не пошел по естественному кратчайшему направлению, а весь сахар перевозился по кружному пути, по Юго-Западным дорогам.

Еще большее расхождение между теориею и практикою было проявлено представителями Юго-Западных железных дорог, то есть ближайшими сотрудниками и подчиненными С. Ю. Витте, в совещании, состоявшемся в феврале 1886 г. по вопросу об урегулировании тарифов Полесских с тарифами других, конкурирующих с ними дорог.

В этом совещании я участвовал и горячо отстаивал интересы Полесских железных дорог, основывая все свои доводы на здравых принципах, которые проповедовал С. Ю. Витте, но встретил упорное сопротивление со стороны представителей управляющего Юго-Западных железных дорог – С. Ю. Витте. До сих пор помню, какое овладело мною разочарование, когда я пришел к глубокому убеждению, что все мои усилия направить хотя бы небольшое количество грузов транзитом через Полесские дороги будут совершенно напрасны, если в это дело не вмешаются высшие инстанции – Временное управление казенных железных дорог или Министерство путей сообщения.

На первую из этих инстанций, как я скоро убедился, рассчитывать я не мог, так как С. Ю. Витте пользовался во Временном управлении таким авторитетом, что лица, стоявшие во главе управления, не решались вступать с ним в пререкания, быть может уже потому, что это была бы лишняя трата времени вследствие известной неуступчивости Сергея Юльевича, а в Министерство путей сообщения не только я, но и начальник дороги не имел возможности входить с представлениями, минуя Временное управление казенных железных дорог.

Тогда я решил на единственную, как мне казалось, оставшуюся в моем распоряжении меру – путем печати обратить внимание кого следует на вопиющую несправедливость тарифов, установленных соседними, конкурирующими с Полесскими, дорогами. Собрав богатый, давно уже мною подготовленный материал по тарифному законодательству в иностранных государ-

ствах, я выступил с целым рядом статей, появившихся в книжках журнала Министерства путей сообщения «Инженер», а впоследствии и в киевском журнале «Инженер», в котором помещал свои статьи по тарифным вопросам и С. Ю. Витте. <...>

Я главным образом останавливался на вопросах о наблюдении за установлением обществами железных дорог тарифов на провоз грузов, как в местном, так и в прямом сообщениях. <...>

В третьей части упомянутой статьи я касался исключительно сети Полесских железных дорог и обрисовал ее тяжелое положение вследствие невозможности без вмешательства правительства в вопрос об установлении тарифов прямого сообщения получить те грузы, которые ей должны принадлежать по справедливости. Поэтому я предлагал один из трех следующих способов как выход из такого ненормального положения: 1) вмешательство правительства в назначение тарифов прямого сообщения по конкурирующим направлениям; 2) соглашение между заинтересованными дорогами по регулированию тарифов прямого сообщения и, наконец, разделение грузов и выручки за их перевозку по конкурирующим направлениям, то есть учреждение «fond commun», общего фонда. <...>

В другой статье, вызвавшей целую полемику в печати сначала между мною и инженером Н. А. Демчинским, а потом и между автором «Принципов железнодорожных тарифов» и мною, я указывал на полное несоответствие действий ближайших сотрудников С. Ю. Витте с теорией тарифного дела, которую он развивал в своем сочинении. <...>

После этой последней статьи я удостоился возражением, подписанным самим С. Ю. Витте, смысл которого был следующий: С. Ю. Витте как экономист, знаток тарифного дела мог проповедовать какие угодно воззрения на тарифы, как управляющий Юго-Западными дорогами он мог и обязан был отступать от своих воззрений, если они в чем-либо не соответствовали интересам вверенной ему дороги. После такого откровенного возражения мне пришлось прекратить полемику. <...>

Летом того же 1886 г., до только что описанного съезда, я отправился в г. Киев, дабы сделать попытку личными переговорами с С. Ю. Витте уговорить его несколько менее жестоко конкурировать с Полесскими дорогами и признать за ними хотя некоторое право на существование. Около года тянулся у нас вопрос о заключении договора с Юго-Западными дорогами по передаче грузов через Брест – Жабинку на Полесские дороги. Заключение этого договора, как невыгодного для нас, я умышленно затягивал всякими чисто чиновничьими ухищрениями, которые я постиг в совершенстве во время моей службы в Департаменте железных дорог. Управление Юго-Западными железными дорогами пожаловалось на нас во Временное управление казенных железных дорог, откуда было получено предписание немедленно представить на утверждение проект требуемого договора, причем, однако, указывалось, что подробные условия передачи грузов предоставляется определить Управлению Полесских дорог. <...>

Помощник начальника движения Юго-Западных железных дорог инженер Краузе, с которым мне в Киеве пришлось выработать договор о передаче грузов через Брест – Жабинку, оказался инженером путей сообщения и был один из немногих путейцев, которые в те времена служили по службе движения на железных дорогах. Я ему объяснил по-товарищески совершенно откровенно, что приму все меры к тому, чтобы затруднить передачу грузов через Брест, а потому требую введения в договор условия, по которому время возврата на дорогу-собственницу переданного в Брест вагона Юго-Западных дорог определяется сроком не свыше одного месяца, и что мною будет дано негласное распоряжение начальнику станции задерживать все вагоны до предельного срока. На введение в договор этого пункта он не согласился и просил меня переговорить с С. Ю. Витте.

К С. Ю. Витте, занимавшему, как я уже сказал, в то время место управляющего Юго-Западными дорогами, доступ был не так прост – требовалось, чтобы желавшие с ним перего-

ворить обращались сначала к его секретарю, который оказался моим товарищем по выпуску из Института инженеров путей сообщения, А. А. Абрагамсоном.

Принял меня С. Ю. Витте холодно-вежливо, но видно было, что он относился свысока к новому деятелю по коммерческой части, каким я ему должен был казаться. Когда я заговорил о необходимости Полесским дорогам предоставить хотя бы какие-нибудь транзитные перевозки, он тоном, не терпящим возражения, стал мне доказывать, что это вопрос очень сложный и нельзя его так просто разрешить, как я полагаю. При этом он стал мне говорить о главных принципах правильной тарификации, которые изложены в его сочинении. Выбрав удобный момент, я его прервал и заявил, что все, что он мне говорил, я хорошо знаю, так как читал не только его книгу, но и многие источники, о которых он умалчал в своем сочинении, в том числе и замечательный труд de La Gournerie, и что при разработке новых тарифов Полесских дорог я старался использовать ценные теоретические указания, которые делались как С. Ю. Витте в его «Принципах железнодорожных тарифов», так и другими авторами, писавшими по тарифным вопросам, ему и мне хорошо знакомым. Однако, несмотря на всю теоретическую правильность построения тарифов Полесских железных дорог, на практике ничего не выходит, так как грузы продолжают следовать по прежним кружным направлениям.

Это мое замечание, видимо, очень не понравилось Сергею Юльевичу, и он перевел разговор на вопрос о договоре по передаче грузов через Брест – Жабинку, причем заявил, что его удивляет, почему заключение этого простого, по его мнению, договора так долго тянется. На это я сказал, что, в сущности говоря, проектируемый договор нанесет несомненный вред Полесским дорогам, а потому я нахожу необходимым ввести в него такое условие, которое хотя немного его может обезвредить, а именно месячный срок на срочный возврат вагонов.

– Ведь это насмешка, – ответил на это С. Ю. Витте. – Ваше начальство вам приказало заключить договор, и, как чиновник, вы обязаны подчиниться этому приказанию.

– Я и подчиняюсь, но начальство дало мне самые широкие полномочия на включение в договор таких условий, которые могут обеспечить интересы представляемой мною дороги. Так как от Жабинки до Пинска в ходу только одна пара товаро-пассажирских поездов, то быстрый возврат из Пинска порожних вагонов Юго-Западных железных дорог может оказаться для нас затруднительным, почему мною и назначается столь большой предельный срок, и мое предложение не насмешка, а строго обдуманное решение, от которого я отступить не могу.

– В таком случае, – сказал мне С. Ю. Витте, – пусть этот вопрос решит Петербург, куда я сообщу проект договора.

<...>

Несмотря на все старания правления Юго-Западных железных дорог добиться у Управления казенных железных дорог исключения из договора нежелательного правлению пункта, это не удалось, и договор был утвержден в предложенной мною редакции.

Глава XXVI

После многолетнего спора наконец вопрос о том, в каком ведомстве должно находиться тарифное дело, решился в пользу Министерства финансов. 11 января 1889 г. за общим подписанием государственного контролера Сольского, министра государственных имуществ Островского, министра путей сообщения Паукера и министра финансов Вышнеградского было внесено в Государственный совет представление по вопросу о способах осуществления правительственного надзора за железнодорожными тарифами и о необходимых для сего денежных средствах, с приложением проекта Временного положения о руководительстве железнодорожными тарифами. Внесенный проект был одобрен Государственным советом, и 8 марта 1889 г. последовало высочайшее утверждение Закона о тарифах. В силу этого закона при Министерстве финансов учреждались Тарифный совет, Тарифный комитет и Департамент желез-

нодорожных дел. Тем же законом были созданы съезды представителей железных дорог для обсуждения тарифных вопросов. <...>

Новые тарифные учреждения организовывались С. Ю. Витте с необыкновенною энергиею и талантом, с которыми этот замечательный человек всегда вел порученные ему дела. Штат служащих был им подобран главным образом из среды своих ближайших сотрудников по Юго-Западным железным дорогам. Все это были люди очень знающие, хотя многие из них не имели никакого образовательного ценза, а окончили курс наук в «школе судеб», причем на высшие должности попало несколько человек, бывших не совсем хорошо знакомыми с русскою грамотою. Рассказывали в виде анекдота, что прошение одного из них было адресовано в Министерство финансов. Но как бы то ни было, это все были люди, хорошо знавшие свое дело, а главное – безусловно преданные С. Ю. Витте. Умение Сергея Юльевича использовать все таланты своих сотрудников до последних пределов было одною из отличительных черт этого государственного человека, который к тому же всегда ставил *the right man on the right place*⁷⁶, как говорят американцы. На нравственные качества своих сотрудников он смотрел часто сквозь пальцы, так как другою его отличительною чертою было правило, что цель оправдывает средства. И если человек мог ему быть полезен своими знаниями и работою, остальное его мало интересовало. У таких людей, как С. Ю. Витте, конечно, всегда много недоброжелателей, но ни один из них никогда не мог набросить на него тень подозрения в подкупности.

Полагаю, что все знавшие хорошо С. Ю. Витте могут удостоверить, что никакие миллионы не могли заставить его покривить душою. Но зато если ему на его жизненном пути стал бы чинить препятствия родной отец, он не призадумался бы его устранить самыми жестокими средствами. Интриги были его любимое занятие, а честолюбие не знало пределов. Покойный Павел Аполлонович Скальковский, брат известного публициста и писателя Константина Аполлоновича, стоял очень близко к Сергею Юльевичу, будучи в течение долгих лет его сотрудником на Юго-Западных железных дорогах. Это был очень умный и наблюдательный человек, хотя во многом уступал своему талантливому старшему брату. Павел Аполлонович наотрез отказался переменить частную службу на казенную и остался на Юго-Западных дорогах. Он прекрасно знал Сергея Юльевича, и я припоминаю, как вскоре после назначения будущего премьера и графа на пост директора департамента он мне сказал, что для С. Ю. Витте это первая ступень к дальнейшему возвышению. «Вы увидите, – сказал он мне, – что теперь все его помышления будут направлены к тому, чтобы добиться министерского кресла. Когда он будет сделан министром, он будет стремиться сделаться премьером, если к тому времени такая должность будет у нас существовать. Но и на этом он не остановится и будет добиваться поста президента республики. Для его честолюбия нет пределов», – закончил он свою меткую характеристику С. Ю. Витте. В то время мне казалось, что это была остроумная шутка Павла Аполлоновича, но будущее показало, что он был глубоко прав и до тонкости изучил характер своего бывшего начальника. <...>

В первое время в особенности много пришлось заседать в <Тарифном> комитете, так как С. Ю. Витте проявил кипучую деятельность. Немедленно было приступлено к пересмотру хлебных тарифов, введенных Министерством путей сообщения с 1 октября 1888 г., выработаны временные правила относительно общих способов устранения соперничества между железными дорогами по перевозке грузов и многие другие вопросы. Помню, с каким чувством внутреннего удовлетворения я подписал журналы заседаний Тарифного комитета, в которых были установлены правила устранения соперничества между железными дорогами по перевозке грузов, так как те три главных основания, о которых я писал в статьях, появлявшихся в «Журнале Министерства путей сообщения» в 1886 г., были чуть ли не дословно приведены в заключительной части журналов. Как легко с изданием закона 8 марта 1889 г. было справиться

⁷⁶ Нужного человека на правильное место (*англ.*).

с этим сложным делом, вызвавшим столько споров, восходивших несколько раз до Комитета министров и Государственного совета!

Заседания комитета велись очень деловито, излишних разговоров не было – уже потому, что никто из шести членов комитета не страдал болтливостью. Когда приглашались в заседание представители железных дорог, если кто-либо из них пытался затянуть рассмотрение вопроса излишними разговорами, С. Ю. Витте его останавливал и заставлял близко придерживаться к вопросу. О строгости председателя в этом отношении скоро все узнали, и сами ораторы не рисковали нарываться на замечания с его стороны. Не любил С. Ю. Витте, когда его старались убедить в чем-нибудь статистическими выкладками. На этой почве у него выходили иногда стычки с почтенным М. П. Федоровым, которому он раз с большим раздражением сказал: «Вы опять, Михаил Павлович, жонглируете цифрами». При таком составе членов комитета, деловитости и талантливости его председателя работа шла очень успешно, и в короткий срок было внесено на нашей сети много существенных улучшений в тарифное дело. <...>

Глава XXVIII

<...> Самый оживленный спор, о котором в течение 1891 года очень много говорили во всех административных и деловых кругах Петербурга, вызвал вопрос об образовании Общества Рязанско-Уральской железной дороги. Министру путей сообщения был представлен управлением казенной Тамбово-Саратовской железной дороги проект сооружения средствами казны целой группы подъездных ветвей протяжением до 450 верст, встреченный А. Я. Гюббенетом вполне сочувственно, а потому Министерство путей сообщения полагало войти в установленном порядке с вопросом о разрешении приступить к означенной постройке. Между тем совершенно неожиданно для А. Я. Гюббенета он получил от министра финансов отношение, в котором сообщалось, что, основываясь на уставе Общества Рязанско-Козловской железной дороги, дающем правительству значительно большие права на вмешательство в тарифные дела, чем уставы других железных дорог, оно ведет переговоры с правлением общества Рязанско-Козловской дороги о предоставлении правительству участия в чистых прибылях общества.

Правление общества, по уполномочию крупнейших акционеров, двух братьев, Сергея Павловича и Павла Павловича фон Дер-виз, изъявило согласие на предоставление участия правительству в прибылях общества, но под условием значительного расширения сети эксплуатируемых дорог, а именно с передачею обществу в эксплуатацию казенной Тамбово-Саратовской железной дороги и с предоставлением ему постройки целой сети новых линий.

Разрешение вопроса о постройке железнодорожной линии до Казани сопровождалось довольно характерными для того времени обстоятельствами. Министр путей сообщения настаивал на проведении дороги от Муромы через Ардатов и Алатырь на Казань, причем постройку предполагалось произвести на средства казны, а министр финансов или, вернее, С. Ю. Витте, полагал, что дорогу нужно проводить от Рязани и предоставить постройку Обществу Московско-Рязанской железной дороги. Из-за спора двух министров, как я уже упомянул, вопрос затягивался, и казанский городской голова Сергей Викторович Дьяченко почти целый год безвыездно жил в Петербурге, обивая все пороги различных министерств, ходатайствуя о скорейшем разрешении постройки столь нужной для Казани железной дороги.

В то время очень приближенным к государю Александру III был генерал-адъютант П. А. Черевин, умевший иногда влиять на разрешение самых сложных и разнообразных вопросов. С. Ю. Витте это прекрасно знал и давно добивался через Василия Александровича Назарова, о котором я уже упоминал в моих воспоминаниях, знакомства с генералом. На неоднократные попытки Назарова устроить свиданье Черевина с Витте Петр Александрович резко и решительно отказывал принять Витте, говоря, что он не видит в том никакой надобности.

Наконец под влиянием настойчивых просьб Василия Александровича в конце января 1891 г. Черевин изъявил согласие принять Сергея Юльевича в 12 часов дня, при условии, что Назаров с ним придет и будет присутствовать при свидании. В назначенный час Витте в вицмундире с Василием Александровичем приехали на квартиру Черевина, жившего в нижнем этаже дома австрийского посольства на Сергиевской. Камердинер Черевина на вопрос, встал ли генерал, заявил, что он еще спит и, вероятно, не скоро встанет, так как его высокопревосходительство лег в седьмом часу утра. Было столько выпито, что наследник уехал, позабыв даже шапку в передней. На предложение Назарова разбудить генерала и доложить, что приехал в назначенный накануне час самим генералом директор Департамента железнодорожных дел, камердинер наотрез отказался исполнить это приказание, отговариваясь тем, что генерал не приказал себя будить. Тогда С. Ю. Витте заявил, что лучше свиданье отложить до более удобного момента, но Назаров, хорошо зная характер Черевина и опасаясь, что ему не удастся в другой раз уговорить его принять Сергея Юльевича, сам пошел в спальню и стал будить Петра Александровича. Спросонья генерал сначала послал как будившего его Назарова, так и ожидавшего в гостиной Витте ко всем чертям, однако не слушавшийся Василий Александрович стал уговаривать Черевина встать и принять Витте.

Наконец это ему удалось, и Петр Александрович, окатив себя холодной водою и наскоро одевшись, вышел к Витте, которого тем временем Назаров угощал мадерою, стоявшею еще с ночи на одном из столиков гостиной.

Разговор коснулся борьбы между Гюббенетом и Вышнеградским, причем Витте старался доказать, насколько политика министра путей сообщения вредна в общегосударственных интересах, а предложенный министром финансов способ постройки железных дорог на средства богатых обществ Московско-Рязанской и Рязанско-Козловской железных дорог, отвечает современному финансовому положению страны. Беседа продолжалась около часу, и Петр Александрович предложил Назарову и Витте поехать к Кюба⁷⁷ завтракать и там продолжать разговор, видимо, заинтересовавший Черевина.

Дней через десять после этого свиданья к В. А. Назарову приехал С. В. Дьяченко и сообщил, что С. Ю. Витте просит Назарова устроить свиданье Дьяченко с Черевинным с целью дать возможность казанскому городскому голове самому доложить генералу о настоятельной необходимости скорейшего разрешения вопроса о соединении Казани рельсовым путем с остальной Россией. Свидание состоялось, причем С. В. Дьяченко, заехав за Назаровым, чтобы вместе с ним отправиться к Черевину, подъехал к подъезду В. А. Назарова в сопровождении ландо, в котором, как оказалось, были помещены «дары» для генерала, как выразился голова, – местного казанского изделия великолепное сафьяновое седло, уздечка, нагайка и два ларца с казанским душистым мылом.

По приезде на квартиру Черевина «дары» были размещены на стульях приемной, и на вопрос удивленного генерала, что это за вещи, Дьяченко доложил, что взял на себя смелость преподнести эту мелочь как типично местные изделия и что он надеется, что генерал не откажется их принять в дар. Черевин поблагодарил за подарок и все принял.

Прошло несколько дней, и за завтраком у Кюба Петр Александрович сообщил Назарову, что «дары» казанские он поместил: седло подарил великому князю Михаилу Александровичу, а ларцы с мылом – один поднес Ольге Александровне, а другой Ксении Александровне, и что подарки эти доставили им большое удовольствие, причем государь спросил Черевина, откуда у него эти казанские изделия. На этот вопрос Черевин ответил, что он получил их от казанского городского головы, причем доложил государю о ходатайстве Дьяченко. Государь сказал Черевину, что действительно о Казанской дороге давно идет речь и что дело это нужно наконец

⁷⁷ Его точный адрес – Большая Морская ул., д. 16. Ресторан был известен встречами балетоманов и золотой молодежи. В начале XX века он приобрел большую популярность у банкиров, промышленников и купцов.

разрешить, причем тут же приказал сообщить министрам путей сообщения и финансов, чтобы в следующую пятницу они бы сделали ему совместный доклад о дороге. Доклад состоялся, причем И. А. Вышнеградский приехал с С. Ю. Витте, а А. Я. Гюббенет – с В. М. Верховским. Понятно, что два таких докладчика, как Вышнеградский и Витте, побили своих противников и, как я уже упомянул, министр путей сообщения согласился с мнением министра финансов, и дорога была построена от Рязани на средства Московско-Казанской железной дороги. Этот доклад имел пагубные последствия для А. Я. Гюббенета. <...>

Изнар Н. Н. Записки инженера // Вопросы истории. 2004. № 4. С. 93–101; № 5. С. 87–90; № 9. С. 90–92.

А. Ф. Кони С. Ю. Витте

Моя служебная деятельность дала мне возможность и случай неоднократных встреч с Витте и даже совместной работы. Я встретился с ним впервые в комиссии, учрежденной в 1876 году для исследования железнодорожного дела в России. В нее, под председательством Э. Т. Баранова (председателя Департамента экономии в Государственном совете) были назначены представители различных ведомств, и в их числе от Министерства юстиции Николай Андрианович Неклюдов и я, а также привлечены практические деятели, поставленные во главе местных подкомиссий, занимавшихся ближайшим изучением положения железнодорожного дела. Между ними видное место занимали С. Ю. Витте, военный инженер фон Вендрих, впоследствии так много напутавший в железнодорожном сообщении во время мобилизации, вызванной восточной войной⁷⁸, а также главный делопроизводитель комиссии М. Н. Анненков – впоследствии энергичный строитель Закаспийской железной дороги, – уснащавший свои поспешные заявления бесконечными «так сказать». Работы комиссии продолжались четыре года, и результатом их был проект Общего железнодорожного устава, построенный на весьма широких началах и проникнутый идеей объединения деятельности железнодорожных обществ путем создания высшего совета с распорядительным комитетом при нем и местных железнодорожных советов. Юридическая сторона проекта была выработана Неклюдовым и мною: им – по вопросу об ответственности железных дорог за вред и убытки, а мною – по вопросу о подсудности. В 1881 году Барановым был создан многочисленный съезд (85 человек) представителей железнодорожных обществ, городских и земских учреждений, торговых товариществ и выдающихся фирм. Эти лица, вместе с членами комиссий и подкомиссий, подвергли проект подробному обсуждению и внесли в него ряд поправок. Между членами этого съезда особенно живым и вдумчивым отношением к делу отличались будущие министры, Вышнеградский и Хилков⁷⁹, представители железнодорожных обществ – Половцов, Блиох и Перль, а также варшавский профессор Симоненко, автор интересной для своего времени книги «Государство, общество и право». Многие мнения, высказанные на этом съезде, были весьма характерны. В них рельефно сказывались, с одной стороны, заботы представителей капитала о всемерном ограждении представляемых ими интересов, а со стороны других представителей, и в особенности профессора Симоненко, – об ограждении положения служащих на железных дорогах и лиц, приходящих с нею в соприкосновение. Так, например, Вышнеградский и Блиох выражали против установления высшей нормы голосов, принадлежавших каждому из крупных владельцев акций, и защищали возможность и практическую неизбежность подставных акционеров. В своих обширных заявлениях Витте настаивал на упорядочении и объединении железнодорожных тарифов, приводя ряд фактических примеров, почерпнутых им еще из того времени, когда он был простым помощником, а затем начальником станции. Его замечания на устав отличались глубоким знанием дела и почти не встречали возражений со стороны других специалистов. Он высказался, однако, вместе с тем и против регулирования рабочих часов и настаивал на предоставлении управлению железных дорог права увольнять служащих без объяснения причин, подобно знаменитому *третьему пункту Устава* о службе гражданской. Окончательно выработанный железнодорожный устав поступил по заведенному, в высшей степени длительному, порядку на заключение отдельных министерств и встретил решительные возражения со стороны министра путей сообщения, считавшего недопустимым учреждение «высшего совета» и находившего, что гораздо лучше преобразовать совет его министерства.

⁷⁸ А. Ф. Кони, очевидно, имеет в виду Великую, т. е. Первую мировую войну. – *Примеч. ред.*

⁷⁹ Хилков Михаил Иванович (1834–1909) – министр путей сообщения в 1895–1905 гг.

В Государственном совете, куда наконец поступил устав, произошла обычная история, которую можно было назвать законодательным артериосклерозом. Эта болезнь выражалась двояко: или, если подлежал обсуждению проект какой-либо общей организации, главная принципиальная часть его отсекалась впредь до будущего времени, а второстепенные подробности утверждались, или, наоборот, проект удовлетворения иногда весьма насущных потребностей признавался несвоевременным впредь до представления работы об общих началах, связанных с интересами и задачами отдельных ведомств. Это направление Государственного совета было усвоено себе и отдельными ведомствами, которые своими заключениями прямо или косвенно тормозили работу, стоившую иногда большого труда. Так было, например, с вопросами об устранении тягостных условий паспортной системы. Три года заседала комиссия под председательством государственного секретаря Сольского, выработавшая замену паспортов, – с их пропиской и разными затруднениями при получении их из сельских обществ – простым бессрочным свидетельством о личности, причем петербургский градоначальник Трепов и представители судебного ведомства, в числе коих был и я, от которых скорее можно было ожидать каких-либо возражений с точки зрения предупреждения и преследования преступлений, – горячо высказались за такую реформу. Но когда проект комиссии пошел по министерствам, то ведомство финансов нашло его осуществление невозможным впредь до отмены подушной подати, что не входило в его предположения и нарушало прикрепление платежной единицы к платежному центру, а ведомство внутренних дел, с своей стороны, признало, что это недопустимо впредь до переустройства крестьянского самоуправления, упразднения круговой поруки и до выработки для нанимателей гарантий от ухода нанятых рабочих, что также не входило в его текущие предположения. Так и погиб пятьдесят лет назад этот проект, и долгие годы паспортная система тяготела над народной жизнью. Одно лишь министерство юстиции постаралось смягчить по возможности ее карательные последствия изменением подсудности по паспортным нарушениям.

Пожелания, высказанные Витте в барановской комиссии об упорядочении тарифного дела, нашли себе подробное выражение в ряде его статей в журнале «Инженер» и в изданной им в 1883 году книге «Принципы железнодорожных тарифов», представляющей обширный труд по истории тарифного дела в его экономическом значении – и о правильной постановке этого дела.

Руководящим началом в последнем отношении Витте признавал правительственный контроль над железнодорожными тарифами как по форме, так и по существу. Такой контроль необходим для устранения злоупотреблений, и в нем должны участвовать не только представители дорог, но и представители промышленности и торговли, действующие в условиях гласности и общественной публичности при посредстве печати. Он много останавливался на вопросе о выкупе железных дорог государством, рассматривая этот вопрос всесторонне и беспристрастно. В этой замечательной во многих отношениях книге, намечающей позднейшую деятельность автора, есть целая глава, трактующая о реалистической и классической школах политической экономии, о свободе экономических отношений и государственном вмешательстве – и о научном, государственном и христианском социализме. Можно не соглашаться с некоторыми из его оригинальных взглядов, но нельзя не отдать полной справедливости богатству и разнообразию обнаруженных им знаний в области государственной и общественной жизни, в особенности имея в виду, что этот труд принадлежит не ученому исследователю, а поглощенному практической деятельностью начальнику движения железной дороги.

Через пять лет нам пришлось встретиться в другой обстановке.

17 октября 1888 года в 1 ч⁴⁵ мин дня на 277-й версте Курско-Харьково-Азовской железной дороги, между станциями Тарановка и Борки, произошло крушение царского поезда, следовавшего с Кавказа. Значительная часть вагонов была повреждена,

некоторые совершенно разрушены и усыпали своими обломками оба высоких ската насыпи. Особенно пострадали вагон министра путей сообщения и вагон-столовая, в котором находилась вся царская семья, спасенная от гибели под тяжелыми стенами и крышей вагона лишь благодаря принятому разрушенными частями положению. Из находившихся в поезде 22 человека было убито и 41 ранен, из которых шесть – тяжело, со смертельным исходом.

Руководство исследованием этого несчастья, до крайности взволновавшего всю страну и породившего самые разнообразные слухи и предположения, было возложено на меня, как на обер-прокурора уголовного кассационного департамента Сената. Все перипетии и подробности этого исследования изложены мною еще в 1890 году по свежей памяти в особых воспоминаниях, предназначенных для печати, но один эпизод из них, касающийся Витте и идущий несколько вразрез с тем, что изложено в его мемуарах, может найти себе место и здесь.

Техническое изучение причин крушения, произведенное 15 экспертами – научными специалистами и инженерами-практиками, привело их к заключению, что непосредственной причиной крушения явился сход с рельс первого паровоза, произведшего своими боковыми качаниями в размерах, опасных для движения, расшיתие пути. Эти качания были следствием значительной скорости, не соответствующей ни расписанию, ни типу товарного паровоза, усилившейся при быстром движении под уклон поезда чрезмерной длины и тяжести. Вместе с тем эксперты признали, что ввиду ряда неправильностей в устройстве поезда, в его составе и управлении движение его производилось при условиях, не только не обеспечивающих безопасность, но и таких, которые никогда не могли бы быть допущены и для обыкновенного пассажирского поезда. Основанием для такого вывода послужили следующие данные: согласно установленным правилам, царский поезд в зимнее время (от 15 октября до 15 апреля) не должен был превышать 14 шестиколесных вагонов, или 42 осей, двигаться со скоростью не более 37 верст в час, иметь вполне исправный автоматический тормоз и правильно устроенную сигнализацию. В действительности вследствие допускаемых в течение многих лет вопиющих нарушений потерпевший крушение поезд состоял из четырнадцати восьмиколесных и одного шестиколесного вагонов, что составляло шестьдесят четыре оси вместо сорока двух и весьма увеличивало его вес, доводя его, не считая паровоза, до тридцати тысяч пудов, что превосходило длину и тяжесть обыкновенного пассажирского поезда более чем в два раза и соответствовало товарному поезду из двадцати восьми груженных вагонов, могущему двигаться со скоростью не выше двадцати верст в час.

Между тем этот поезд двигался со скоростью 67 верст в час – как показал аппарат Графтио, – с испорченным автоматическим тормозом и без каких-либо приспособлений для сигнализации, заменяемой маханьем рук и перелезанием на паровоз из ближайшего к нему вагона. Этот поезд тащил за собой, при такой скорости, товарный паровоз, диаметр ведущих колес которого не позволял для избежания крайней опасности расшיתия пути двигаться со скоростью более сорока с половиной верст в час.

Во время разнообразных осмотров, экспертиз и допросов на месте крушения и в Харькове судебному следователю были доставлены из Киева официальные сведения, что еще за два месяца до крушения, при следовании поезда через Ковель, начальник движения Юго-Западных дорог Витте вместе с правительственным инспектором Васильевым предупреждал министра путей сообщения Посыета через старшего инспектора железных дорог барона Шернвалля о несомненной опасности устройства поезда такой длины, тяжести и скорости и на то же обращал внимание секретаря министра Новопашенного. Прибывший по вызову следователя в Харьков Витте обратился через прокурора окружного суда ко мне с настойчивой просьбой о выслушании его наедине, до дачи им показания. На мой вопрос, какие же могут быть секреты между нами, Витте, видимо волнуясь, повторил свою просьбу. Приглашенный мною в кабинет старшего председателя палаты, он сказал: «Я вызван, конечно, затем, чтобы дать показание о тех объяснениях, которые я имел по поводу неправильности императорского поезда?» На

мой утвердительный ответ он прибавил: «Да, это было так. Но во имя нашей общей работы в барановской комиссии и рассчитывая на вашу любезность, я прошу вас войти в мое положение. Мне предстоит очень важное назначение, зависящее от министров финансов и путей сообщения, которым определится вся моя будущая карьера. Мне не только крайне неудобно, но и совершенно невозможно восстановить против себя Вышнеградского или Посьета. Это может разрушить всю созревшую комбинацию. Я не знаю, что делать. Прошу у вас дружеского совета. Скажите, как выйти из этого положения? Я решительно не могу рассказать всего, что мне известно». При этом он чрезвычайно волновался. «Какой же совет могу я вам дать? Вы вызваны как свидетель по делу первостепенной важности и по закону и совести обязаны дать вполне правдивые показания, ничего не утаивая. Вам остается это сделать, тем более что нам известна сущность этого показания из киевского сообщения. Я понимаю трудность вашего положения, но она существует часто по отношению к тому или другому свидетелю, которому приходится жертвовать собственными выгодами, удобствами и спокойствием ввиду интересов правосудия. Когда дело дойдет до суда, вам придется стать на перекрестный допрос, и то, о чем вы умолчите теперь, будет „вытянуто“ из вас совместными вопросами сторон, и тогда вы можете оказаться не только в неловком, но даже постыдном положении. Представьте себе хотя бы лишь то, что свидетелем будет кто-нибудь, кому вы, не ожидая крушения, сообщали свои сомнения и разговоры по этому поводу. Вас могут публично поставить на очную ставку. Поэтому единственный совет – говорите правду». – «Но ведь это значит, что я должен говорить против Посьета и создать из него себе врага...» – сказал Витте, волнуясь еще сильнее. «Может быть, и даже весьма вероятно, а все-таки другого исхода нет». – «Я вас все-таки очень, очень прошу, нельзя ли что-нибудь сделать, помочь мне». Разговор принимал весьма тягостный оборот. «Ведь про меня могут сказать, что я явился доносчиком на Посьета...» – «Вы явились не сами, а по вызову судебной власти, и в этом отношении я постараюсь устранить от вас такое несправедливое обвинение, даже теперь, не ожидая возможности сделать это в судебных прениях. При старом следственном, дореформенном порядке свидетелям предлагались вопросные пункты. Применительно к этому я предложу судебному следователю предоставить вам самому записать свое показание по главным пунктам допроса, причем вы можете начинать каждый пункт ссылкой на предложенный вам вопрос, из чего будет видно, что не вы рассказывали по собственному почину о тех или других обстоятельствах, а были вынуждены к тому категорическою формою предложенных вам вопросов, для которых у следователя имелся уже предварительно собранный материал. С этого показания вы можете получить копию». Этим окончилась наша беседа. Судебный следователь Марки очень удивился моему предложению, но исполнил мое желание, условившись со мною относительно содержания вопросов. Потом неоднократно, проходя через камеру прокурора судебной палаты, я видел Витте, сидящим за одним из столов и пишущим свое показание против каждого из вопросов, предложенных по временам подходившим к столу Марки, под необычно некрасивой наружностью которого билось доброе сердце достойного судебного деятеля.

Показание Витте было дано очень искусно. Ссылаясь на возможность ошибок с своей стороны вследствие субъективности своих взглядов, умалчивая о невыгодных или опасных для министра путей сообщения обстоятельствах и всячески выгораживая его, Витте, тем не менее, не мог не указать, хотя и в очень осторожных и уклончивых выражениях, на такие стороны в снаряжении и движении поездов чрезвычайной важности, которые получили огромное значение для выводов экспертизы.

Протокол этого показания, данного 4 ноября 1888 года, напечатан в I томе обширного следственного производства, которое было доставлено и в Министерство путей сообщения.

Я встретил Витте снова в мае 1889 года, едущим после представления государю в Гатчине, уже облаченным в мундир директора Тарифного департамента, и не мог не заметить неприязненного выражения, с которым он смотрел на меня. Это повторялось и при дальней-

ших случайных наших встречах. Его, по-видимому, беспокоила мысль, что я стану рассказывать о той странной роли, какую он играл в Харькове. Но он, безусловно, ошибался. Беспокойство по этому поводу особенно ярко проявилось однажды после обеда у М. Н. Островского – моего старого сослуживца по Государственному контролю и председателя Общества вспомоществования бывшим московским студентам, в котором я был сначала секретарем, а затем товарищем председателя. Когда Витте сел играть в карты, то некоторые из гостей, отойдя в сторону, пожелали узнать мое мнение об одном из дошедших до Сената интересных литературных процессов. Витте издали явно прислушивался к тому, что я говорил, постоянно бросая на меня беспокойные взгляды и, видимо, тревожась предположением, что я рассказываю дело о крушении и, быть может, упоминая и о его допросе. Вскоре, войдя в большую силу, причем его уверенность в себе выросла в меру его необыкновенных способностей, он, конечно, успокоился и, вероятно, позабыл о моем «дружеском совете», данном при следствии. Впрочем, иногда последний, по-видимому, всплывал в его памяти. Так, известный издатель «Zukunft» Максимилиан Гарден, приезжавший в Петербург на несколько дней, рассказал мне, что был принят Витте с крайней любезностью и почтен весьма откровенным разговором, который он и описал в своем журнале. «Долго ли вы останетесь в Петербурге?» – спросил его Витте при прощании. «Нет, я почти никого здесь не знаю и собираюсь посетить только сенатора Кони, к которому отношусь с большим уважением». При этом лицо Витте внезапно омрачилось, и он холодно выпустил из своих пальцев дружескижимаемую руку талантливого немецкого публициста.

В мемуарах Витте говорится, что за два месяца до крушения в Борках на станции в Фастове Александр III требовал чрезмерной и рискованной скорости и не пожелал выслушать его объяснений, причем он – Витте – громко сказал Посьету, так что государь должен был это слышать: «Пусть другие поступают, как знают, а я не согласен подвергать опасности жизнь государя. В конце концов вы сломаете ему шею!» – и что воспоминание о «смелом молодце», сказавшем это, вызвало, по словам покойного Вышнеградского, желание государя сделать его директором нового железнодорожного департамента и прочить его на еще более высокое место. Рассказ этот вызывает во мне некоторые воспоминания, тоже относящиеся к делу о крушении 17 октября 1888 года. В двадцатых числах ноября того года, в разгаре следствия, я был вызван из Харькова для личного доклада Александру III о выяснившихся причинах крушения. Характеризуя их и подробно излагая выводы экспертизы относительно скорости, тяжести и длины поезда, я высказал, что пришел к совершенно определенному заключению о крушении как о результате сплошного неисполнения долга теми лицами, которым была вверена в силу закона и обязательной предусмотрительности безопасность движения поезда, начиная с министра путей сообщения Посьета и барона Шернваля. При этом, указав, что свой долг в этом отношении исполнили лишь Витте и Васильев, я рассказал о тех предупреждениях, которые своевременно были ими сделаны Посьету, но оставлены без надлежащего внимания. Это указание было выслушано Александром III с видимым удовольствием, и он в конце моего более чем часового доклада в присутствии министра юстиции переспросил меня о том же. На вопрос его, как вообще объясняют причину крушения, я сказал, что правление Курско-Харьковско-Азовской железной дороги сваливает всю вину на низших служащих, следуя укоренившемуся обычаю выставить ответственным лицом несчастного «стрелочника», и что существует ничем не подтверждаемое предположение о взрыве адской машины, внесенной в поезд каким-то никому неизвестным поваренком, на что Александр III заметил: «Я знаю, что это неверно, хотя Посьету и хочется меня в этом убедить». Наконец, ходит слух, что чрезмерная и опасная скорость поезда вызвана его, государя, желанием. «Я нигде и никому такого желания не высказывал, это тоже неверно, – сказал Александр III. – Только раз в Закавказье я сказал Посьету: „Почему мы то летим как птица, то ползем как черепаха? Нельзя ли ехать ровнее?“ Но ни до, ни после этого я ни о каком увеличении скорости не приказывал и в ней не виноват».

Эти слова совсем не мирятся с сознательным и несвойственным Александру III умолчанием о таком обстоятельстве в Фастове, которое притом не могло быть неизвестно сопровождавшим его лицам, и с отношением его после крушения к Посъету, уволенному от должности министра.

Кони А. Ф. С. Ю. Витте // На жизненном пути. Т. 5. Л., 1929. С. 246–256.

В. П. Мецкерский

Мои воспоминания

LVIII

<...> Я познакомился с этим государственным человеком, наделавшим столько шума собой и около себя, в то время, когда все вокруг него было тихо, и помню, что в этой мирной обстановке нашего первого знакомства ничто не могло предвещать той бури, про которую могу сказать, что на моей памяти, в течение шестидесяти лет, никто из государственных людей собой не создавал. Я познакомился с ним в кабинете министра финансов Вышнеградского в конце восьмидесятих годов. Вышнеградский кроме большого творческого ума обладал способностью находить подходящих для его трудной и кипучей работы людей; по каждой части его сложного ведомства ему нужен был крепкий силами и способный работник, и действительно, Вышнеградский, благодаря подбору лиц, завел в своем министерстве такую всегда горячую и всегда энергичную работу, которая не только длилась во все краткое время его управления, но пережила его и продолжается до сего времени, ставши не только преданием, но как бы потребностью этого ведомства. Витте был начальником Юго-Западных железных дорог и жил в Киеве. На этой должности он составил себе имя выдающегося администратора, и Вышнеградский на нем остановился, чтобы ему поручить новое учреждение Департамента железнодорожных дел. Витте с огненной энергией принялся за порученное ему дело и так исполнял свои обязанности, как все начальники частей министерства и как сам Вышнеградский, – работая как вол. Вышнеградский напоминал мне одной особенностью министра юстиции давно минувших дней, графа Панина, находившего, что самая блестящая работа подчиненного есть только исполнение служебного долга, и потому никогда не хвалившего своего подчиненного. Вышнеградский тоже был скуп на хвалу своим подчиненным, и только блестящие способности, проявленные Витте, дозволили ему в разговоре со мной сказать про него: «Да, это хорошая голова». Дальше этого похвала его не пошла. И вот с этой «хорошей головой» мне пришлось познакомиться в кабинете Вышнеградского. Я увидел перед собой высокого роста, хорошо сложенного, с умным, живым и приветливым лицом человека, который всего сильнее впечатлил меня полным отсутствием всякого подобия чиновнического типа; это сказывалось наглядно в отсутствии двух черт, отличающих одного чиновника от другого: деланной приниженности и деланного самопоклонения. Витте мне сразу стал симпатичен своей естественностью, безыскусственностью в проявлении им своей личности. В черном сюртуке, развязный и свободный в своей речи и в каждом своем действии, он мне напомнил наружностью английского государственного человека. Я также обратил внимание на тот замечательный внимательно-умный взгляд, с которым он слушал обращенные к нему слова своего министра, и потом, в беседах с ним с глазу на глаз, этот же внимательный слушающий взгляд, столь редкий на лице наших бюрократов, я видел обращенным ко мне.

Потом мы стали видеться и беседовать. Живо помню наши вечерние беседы летом на Крестовском острове, где он жил на даче, на которых, знакомясь постепенно с этим новым для меня по типу человеком, я испытывал большое удовольствие. Ум его был живой, оригинальный, порой глубокий, порой тонкий и в то же время любознательный и пытливый. Кроме того, в нем нельзя было не ценить свойство, которое я очень редко встречал в петербургских умных людях: Витте умел слушать, и внимательно слушать, причем главная прелесть беседы с ним заключалась в том, что он необыкновенно быстро схватывал высказываемую мысль, и растягивать речь для ее пояснения не было никогда надобности. Порой неожиданность и новизна

мысли много придавали прелести беседе с ним. Во время беседы он всегда был скромн, в споре всегда проявлял уважение к возражению или к опровержению и никогда не выходил из спокойного и беспристрастного отношения к вопросу и к собеседнику. Мне казалось, что он слушал, желая поучиться, особенно в области государственной жизни и Петербурга, которая ему была мало знакома.

Таким был С. Ю. Витте в то время, когда он начинал тихо, скромно свою служебную карьеру в Петербурге. Круг его знакомых был небольшой, он создавался для него в гостиниой Вышнеградского, и я помню, как один из моих близких приятелей, прелестный поэт Майков, в самых восторженных выражениях высказывал свое очарование прелестями ума Витте. Но, как беспристрастный летописец, я должен сказать, что эти умственные прелести Витте исходили от ума, в котором слышался самородок. Он не был самородком в области его знания железнодорожного дела, ибо не для нас, профанов, а для людей, знающих это дело, он являлся в полном смысле слова ярко образованным практикой, мышлением и знанием авторитетом, но в то же время в нем слышался недостаток государственного образования. Он очень слабо владел французским языком, совсем не знал немецкого и с европейским умственным миром был знаком только посредством нескольких переводных отрывков, а литература, кроме научной и его специальности, литература всего образованного мира и русская, мир искусств, знаний истории – все это было для него чужое и очень мало известное; и если, невзирая на это, люди образованные и умные испытывали удовольствие от беседы с ним, то это доказывало, как даровит был природный ум Витте.

Но тем не менее, как бы даровит ни был его ум, эти крупные пробелы в его образовании сказались после, когда он занял высокое положение в государственной иерархии и должен был из специалиста-техника превратиться в государственного человека. Сознвая нужду в государственном образовании не только русском, но и европейском, он стал урывками заглядывать в книги, но дело служебное лишило его времени для этого государственного образования, даже русского, и когда много лет спустя, после блестяще пройденного им пути министра финансов, ему пришлось играть первую роль на сцене государственного управления, его большой ум, его дарования, его энергия не могли помешать отсутствию политического европейского образования и недостаточному знанию России, являться непобедимыми препятствиями к успеху в его новой государственной деятельности.

Так мирно и спокойно предавались мы беседам до 1892 года. В начале этого года петербургские сферы, в которых произносилось имя Витте, вдруг расширились благодаря тому, что стали ходить толки об уходе с должности министра путей сообщения Гюббенета и в преемники его стали прочить Витте. Прежде всего об этом заговаривать стал Вышнеградский. Гюббенет был хороший и честнейший человек, но государь, как мне пришлось узнать из его уст, находил его недостаточно энергичным и твердым в исполнении той задачи, которую он хотел на него возложить, – очистить ведомство от некоторых деятелей, которых он считал, на основании ему известных данных, ненадежными. По этому поводу государь заговорил с Вышнеградским, и Вышнеградский ему высказал мнение, что Витте, несмотря на его сравнительно молодой возраст, мог бы быть ему чрезвычайно полезным как знаток железнодорожного дела и как крупный административный ум. Затем, после разговора, государь спрашивал меня, знаю ли я Витте. Я ему высказал свои впечатления и прибавил, что, невзирая на то что я искренно уважаю Гюббенета, мне представляется, что ему уже не по силам предпринимать какие-либо коренные изменения в деле и в личном составе, а Витте, благодаря своей энергии, своему знанию и своей молодости, представляется мне способным исполнить то, чего нельзя ожидать от Гюббенета. Вскоре я узнал от Вышнеградского, что на докладе государь ему сказал о своем намерении назначить Витте на место Гюббенета. И действительно, вслед за тем появилось назначение Витте управляющим министерством путей сообщения, а с Гюббенетом государь расстался с самыми добрыми чувствами и назначил его членом Государственного совета.

Тут опять я должен сказать похвальное слово в честь Витте. Мне он очень пришелся по сердцу простотой и скромностью, с которыми он сделал этот громадный шаг вверх по иерархической лестнице. Нельзя было принять это повышение смиреннее, но в то же время с удовольствием пришлось заметить, что в нем сразу послышались энергия и твердая решимость. Без преувеличения можно сказать, что ведомство путей сообщения под влиянием первых же шагов нового своего начальника точно помолодело, поднялось и вдохновилось живым усердием к работе. Получилось впечатление, что нашелся в лице Витте хозяин ведомства и дела. Завелись и новые порядки: явились простота и доступность отношений подчиненных к главному начальнику, но не в ущерб принципам дисциплины. Новый начальник всех по делу выслушивал, от всякого требовал правды, но не давал никому переступить грани, далее которой сверчок перестает знать свой шесток; в то же время упразднилась одна из язв ведомства – подпольная интрига и разные собственные политики. В царствование Александра III это было третье назначение в министры, которое так наглядно и так скоро оказывалось блестящим по своей удаче и по результатам: первое было назначение графа Д. А. Толстого министром внутренних дел, второе – назначение Вышнеградского министром финансов и третье – назначение Витте управляющим Министерством путей сообщения, невзирая на то что последний в бюрократическом мире был назван министром нового типа. Но не успел Витте пробыть несколько месяцев на своем посту, как случилось печальное неожиданное событие. От усиленной работы Вышнеградский заболел приливом крови в голову, и хотя опасное состояние миновало, но, увы, доктора признали необходимым ему отойти от ежедневной работы, и к концу лета пришлось государю искать преемника Вышнеградскому. На последнем докладе своем Вышнеградский считал своим долгом сказать государю, что он другого преемника себе не может рекомендовать, как Витте. Государь, успевший познакомиться с ясным и дельным умом Витте, послушался совета Вышнеградского и назначил Витте управляющим Министерством финансов.

Это назначение оказалось событием огромной важности для России, но в то же время оно получило значение важного события в служебной жизни преемника Вышнеградского. Об его 11-летней деятельности на посту министра финансов я говорить не буду – она слишком известна по своим громадным делам и по своим блестящим результатам, – но я хочу только заключить главу моих воспоминаний о Витте кратким очерком той характерной метаморфозы, которая в нем произошла по переезде из дворца министра путей сообщения в дом министра финансов на Мойке.

На первом министерском посту Витте, по свойству своих обязанностей, мог оставаться тем, чем он был, имея отношения только к государственным людям по служебным делам, и из тесного делового круга не выходил; к тому же он пробыл на этом посту лишь несколько месяцев. С петербургским светом в его разнообразных видах ему знакомиться не пришлось. С назначением министром финансов для Витте сразу открылся громадный новый мир людских личных интересов, личных вожеланий и самых разнообразных поводов обращаться к нему; а рядом с этим в мире государственных людей ему пришлось сразу познакомиться со всеми теми элементами, отношения к которым должны были устанавливаться в зависимости от его умения приобретать союзников и помощников и парализовывать противодействие ему противников. Словом, создалась целая огромная новая школа для человека, вступившего в нее без всяких о ней понятий. И вот началась двойная жизнь в судьбе Витте как министра финансов. Одна жизнь была жизнь напряженного крупного ума в области творчества и труда по министерству финансов, а другую жизнь составляли всевозможные новые отношения к людям всяких положений, и в особенности к так называемому большому свету, где охотников до казны всегда было больше, чем в других сферах. И вот эта вторая жизнь постепенно изменяла духовную личность человека в Витте, по мере того как для него выяснилось, какой политики он должен держаться и какими услугами должен покупать себе связи в большом свете и друзей в государственном мире. Школа эта дала ему то и другое – связи в большом свете и друзей

в политическом мире, но в то же время то и другое, как я сказал, сделало его другим человеком. Как министр финансов, он оставался в своем кабинете тем же даровитым тружеником и творцом идей, но как собеседник, как человек, он утратил свою прелесть девственной, так сказать, простоты и естественной самостоятельности мысли; в нем стал слишком часто слышаться вопрос: а что скажет «княгиня Марья Алексевна»? – и все, что значительно позже с ним случилось, в 1904–1905 годах, – его подъем на огромную высоту и бессилие на ней удержаться, – явилось финальным последствием той метаморфозы, против которой он не мог устоять в доме министра финансов и которая влекла его постоянно на путь искушения грешить излишком в выборе себе друзей от мамоны, вместо того чтобы искать опоры в своей самобытности и в разных других элементах своей силы. Судьба его за это наказала, и даже слишком строго. Друзья от мамоны сказались в своей некрасивой наготе и создали для него драматический момент.

Больше ничего не могу сказать об этом крупном государственном человеке, коего главное несчастье заключалось в том, что он не сумел остаться самородком, а захотел украшаться мишурой *vanitatum* (тщеславия).

Мещерский В. П. Мои воспоминания. М., 2001. С. 643–646.

И. И. Колышко **Великий распад**

Глава XIV. Витте

1. Восход

* * *

<...> На одной из «сред» кн<язя> Мещерского, густо усеянной сановниками и чающими движения воды, я возлежал в маленькой гостиной на моей любимой турецкой тахте, вслушиваясь издали в гул торжествующих и заискивающих голосов. Хозяин предоставлял полную свободу гостям и часто не мог толком назвать их фамилии. Был он тогда в зените своего влияния, хотя им не кичился, принимая, со свойственной ему неуклюжей грубоватостью, всех, кто к нему льнул. А льнули к нему, после назначения Вышнеградского, массы. Сидя в центре собрания, где каждый примащивался как мог и умел, Мещерский по обыкновению больше говорил, чем слушал, и говорил, как всегда, на злобу дня. Злобой же дня было обретение нового кудесника финансов. Увлеченный своей победой, ментор дома Романовых безапелляционно решал проблемы, в которых мало смыслил. Возражающих почти не было. От времени до времени только пытался в чем-то усомниться заика Сазонов, специализировавшийся на народном хозяйстве, единомышленник ненавистного Мещерскому Шарапова. В ту пору этот Сазонов играл в четыре руки – у Мещерского и у Шарапова. Спустя шесть лет он доигрался до редакторства известной газеты «Россия», закрытой за амфитеатровский фельетон о семье «Обмановых». А еще через шесть лет пригласил старца Распутина.

Под гул голосов из соседней комнаты я начинал дремать. Но дверь распахнулась, и в гостиную вошел огромными шагами огромный человек в длинном сюртуке. Из-под одной его штанины нагло болталась белая тесемка. Я уставился на эту тесемку.

– Витте, – раздался надо мной сочный тенорок.

Ко мне протянулась большая рука, но я, как загипнотизированный, смотрел на тесемку.

– Не можете встать?

– Извините... Тесемка...

Витте оборвал тесемку, и я наконец встал и отрекомендовался.

Витте тоже зарылся в тахту, и мы обменялись первыми фразами.

– Иван Алексеевич здесь?

– Кажется, сегодня нет.

– Кто же там?

– Все те же почти: Филиппов, Ермолов, Плеве, Стишинский. Много новых...

– Пишете?

– Стараюсь.

– Где служите?

– У путейцев...

– У Гюббенета?

Витте рассыпался сиплым смешком.

– Я ему салазки загнул... И всему вашему ведомству... Гермафродиты какие-то...

В лице со сломанным носом, высоким челом, вишневыми глазами и влажным ротиком было что-то детски задорное. И лицо это вовсе не подходило к репутации Витте – циника и нахала. Я с места был им пленен. Мы дружески болтали.

– Ну, идем, – встал Витте. – Представьте меня князю и сановникам. А то я трушу...

Он лукаво ухмылялся.

Мы прошли в кабинет, и Витте тотчас стал центром общего внимания. Мещерский к нему отнесся почти с отеческой нежностью; сановники куксились, и прочая братия, разинув рты, жадно в него всматривалась, ловила его приказчиный говорок, внимали его дерзким речам. Витте говорил о разнузданности путейцев, об оторванности Петербурга от России, о глупости и тупости тех, кто не верил в Россию, о Новом Завете русской экономики, которую только такой царь, как Александр III, и такой министр, как Вышнеградский, могли подарить погрязшей в рутине стране. Говорил он много и хорошо, чуть в нос, с сипотцой, с неуклюжими местами, но с чарующей убежденностью и юным задором. А вишневые глаза его чуть насмешливо обводили нахохленных сановников, часто останавливаясь с вопросом на мне. В этом смешливом вопросе я читал:

– Здорово?

В моем ответном взгляде он, вероятно, читал одобрение. Прощаясь, крепко сжал мне руку:

– Заходите! В департамент.

Когда сановники разошлись, мы обменялись с Мещерским мнением о Витте. Оказалось, старик влюбился в него, как и я.

– Его надо сделать министром, – изрек он.

– С этой неуклюжестью, говорком?

– В этом его прелесть...

Витте унес мою ильковую⁸⁰ шинель вместо своей. (Моя была без хвостов, его с хвостами.) Наутро я ему ее вернул. Мы опять дружески поболтали, и он пошутил, что этот обмен шубами знаменует наши будущие хорошие отношения.

Департамент жел<езно>дорожн<ых> дел, который вручил ему Вышнеградский, помещался в двух этажах над рестораном Кюба на Большой Морской. Это был и географический, и кутежный центр Петербурга. Покуда Витте управлял этим департаментом, он затмевал собой все остальные правительственные учреждения. А среди финансовых и железнодорожных тузов, подъезжавших к дому на углу Кирпичного переулка, трудно было различить, кто собирался покутить у Кюба, а кто – пошептаться с Витте. Шептался с ним в ту пору весь Петербург, да, почитай, и вся Россия. Уж очень много аппетитов разжег его сиплый говорок. Во всяком случае, с первых же шагов его государственной карьеры Витте стал для одних – желанным, для других – одиозным.

* * *

<...> Мне придется остановиться на ходком и нудном слове – тарифы. Все мы знаем, что такое тарифы; но мало кто из нас задумывался над вопросом, какую огромную (по мнению многих – роковую) роль сыграли они в судьбах нашего отечества. Железнодорожные тарифы – это новая география России, оружие в борьбе с самым страшным русским врагом – пространством. И это оружие было первым, которое судьба дала в руки своему новому избраннику, Витте, для осуществления его целей. Ниже мы увидим, каковы были эти цели. Для характеристики же этого могучего оружия скажем, что если на закате карьеры судьба вручила Витте хирургические щипцы для добытия русской свободы, то на заре ее она дала ему ножницы для

⁸⁰ *Ильковая* – из меха ильки, представителя крупных кунных.

закрепления русской неволи. Ибо тарифами, как они были применены, Витте создал в России новое крепостное право.

Заключалось оно в том, что народ потерял свой нормальный вековой эквивалент труда и был прикреплен к тяглу государственных, вне его лежавших, от него не зависевших, ему непостижимых целей. Потеряла смысл основная аксиома быта, по которой все ближнее, сподручное, оценивается выше дальнего, несподручного. Потеряла смысл и другая аксиома – что все более ценное должно давать больший доход, чем менее ценное. Потеряла смысл и третья аксиома, что более населенные местности составляют предмет больших забот государства, чем менее населенные. В руках Витте все эти аксиомы перевернулись вверх тормашками. Своими дифференциальными тарифами он сдавил густо населенный, с дорогими землями и дорого налаженным хозяйством центр России на экономическое дно и притянул к экономической поверхности малонаселенный, мало еще ценный российский бордюр. Получилось нечто похожее на узелок со сдавленной середкой и вытянутыми в руке, несущей его, концами.

Схема дифференциальных тарифов заключалась в том, что чем расстояние больше, тем стоимость провоза по нему дешевле (если не абсолютно, то относительно). При известных условиях за пуд груза, перевозимого к балтийским и черноморским портам из ближайших к ним мест, взималось дороже, чем из дальнейших. Весь русский населенный центр оказался таким образом отодвинутым от рынков сбыта, а ненаселенные окраины – придвинутыми. И отсюда – первый удар по индивидуальному хозяйству. Я был помещиком Рязанской губ<ернии> и хозяйничал на землях средней стоимости в 200 руб. дес<ятина>. Стоимость рабочих рук и процент на капитал делали мне себестоимость ржи – 80 к., овса – 1 р., пшеницы – 1 р. 20 к. Мой приятель хозяйничал на Оренбургских степях, купленных от 40 к. до 3 руб. за десятину, и при машинном труде и огромных запашках пуд ржи обходился ему в 30 коп., овса – в 50 коп., пшеницы – в 70 коп. И этот груз перевозился к портам **дешевле**, чем мой. А потому, когда в портах цена на рожь устанавливалась в 60 коп., на овес – в 80 коп., а на пшеницу – в 1 руб., то он хорошо зарабатывал, а я в лоск разорился. Вот что случилось с земледельческой Россией по введении виттевских дифференциальных тарифов.

Катавасия эта целыми годами служила в экономическом обществе, в земствах и в разных специальных собраниях темой для идиотского спора: что выгоднее для России – высокие или низкие цены на хлеб? А в публике, наряду с разорением мелкого дворянского землевладения, она развила бешеную земельную спекуляцию, предшествовавшую биржевой.

Целью Витте, как всякий поймет, была разработка втуне лежавших русских окраин. Цель эта в свое время создала ему ореол. Но была и другая цель, менее показная: поддержание русской золотой валюты и сосредоточение в руках казны доходов от железных дорог (коллективизация). Валюта была блестяще поддержана. Но по головам голодавшего русского центра неслись к Риге, Либаве, к Одессе поезда с сибирским маслом, яйцами, птицей, мясом, а великоросс, провожая их, только облизывался в заботе – как и куда выпустить куренка? Русским сахаром откармливала Англия своих свиней, на вывоз сахара в Персию, Турцию, на Балканы давались вывозные премии, а великоросс пил чай вприглядку. В Берлине в дни привоза русского мороженого мяса и птицы немцы обжирались ими до отвала; а великоросс ел мясо лишь по двенадесатым праздникам⁸¹. Коллективизация же русского железнодорожного хозяйства, дав бюджету могучее подспорье, осушила каналы внутреннего денежного обращения, убила частную инициативу и дала толчок к образованию оторванного от производительного труда 3-го сословия. (Чему в огромной степени помогла и винная монополия.)

⁸¹ Двенадесатые праздники – двенадцать важнейших православных праздников после Пасхи.

2. Витте – министр

<...> Те несколько месяцев, что над Кюба властвовал Витте, были месяцами незнакомой еще столице и стране деловой лихорадки и чудовищных сплетен. Витте был в ту пору для Петербурга и для России тем, чем четверть века спустя стал Распутин, – объектом всеобщего внимания и нескончаемых разговоров. С Витте норовили познакомиться, на Витте звали, за тенью Витте, как перекасти-поле, вился ком бесчисленных проектов, темных и ясных дел и такого напряжения, таких аппетитов, такой дерзости, о которых не знали и на Западе. Витте был в фокусе того русского делячества, что спорадически охватывало страну в пору Губонина, Кокорева, бр<атьев> Поляковых, – того крупного мошенничества, что началось у нас с Юханцева, мат<ушки> Митрофании и запечатлелось в литературе Сухово-Кобылиным в типе Кречинского⁸². Витте был в той сверкающей пене лозунга «enrichissez-vous»⁸³, что с приходом к власти Вышнеградского начала покрывать патриархально-земледельческую страну. <...>

* * *

<...> Весь Петербург и вся Россия следили за титанической борьбой между ведомствами финансов и путей сообщения. Финансы представлял собой Витте, пути сообщений выдвинули двух способнейших инженеров – Изнара и Пеньковского и бойкого секретаря министерства – Спасовского. Эта тройка лихо неслась по тарифным дебрям, пытаясь опередить воз Витте. Полем схваток был Тарифный комитет – междуведомственное учреждение, где заседали сановные представители разных ведомств. В Петербурге только и говорили, что о скандальных встречах Витте с путевой тройкой.

– С таким нахалом мы отказываемся заседать, – обрывали Витте путейцы, собирая свои портфели.

– С такими идиотами и я не могу работать, – отвечал Витте.

Сановные члены воздевали к небу руки, и заседание закрывалось.

Тарифы спали, зато бешено свивалась интрига. Столица поделилась на виттистов и анти-виттистов. К первым принадлежали дельцы во главе с братьями Скальковскими, ко вторым – почти весь бюрократический и аристократический Петербург. Имя Витте стало синонимом всякого непотребства. А когда Скальковский познакомил его с пользовавшейся громкой известностью среди петербургской золотой молодежи Матильдой Лисаневич и Витте, с места влюбившийся в нее, решил на ней жениться, негодованию матрон и Катонов не было предела⁸⁴. В Петербурге образовалась Лига защиты добрых нравов. Лига эта послала Александру III донос, обличавший Витте во взяточничестве. В карьере Витте открылась самая интересная

⁸² «Дело Юханцева» было рассмотрено Петербургским окружным судом в январе 1879 г. К. Юханцев – кассир Общества взаимного поземельного кредита – похитил и растратил 2,5 млн руб. денег общества, что выявила проведенная ревизия. Процесс потряс общество тем, как легко были украдены колоссальные деньги и как плохо обстояло дело с охраной и контролем над значительными суммами. По приговору суда виновный был отправлен в ссылку в Енисейскую губернию. Матушка Митрофания (в миру – баронесса Прасковья Розен) – игуменья Владычного Покровского монастыря (с 1861 г.). Она с помощью поддельных векселей стремилась завладеть средствами купчихи П. Медынцевой, на которые была наложена опека, а также обманном образом подделывала векселя от имени фабриканта М. Г. Солодовникова, чрезмерно доверявшего ей, чье состояние превышало 1,5 млн руб. Суд, происходивший 5–18 октября 1874 г., приговорил ее к ссылке в Енисейскую губернию сроком на три года. Царь смягчил приговор, разрешив переместить предприимчивую настоятельницу в монастырь в Ставрополе. Об этой истории А. Н. Островский написал пьесу «Волки и овцы» (1875 г.).

⁸³ «Обогащайтесь!» (*франц.*) – один из лозунгов капитализма, призывающий пользоваться экономическими свободами. – *Примеч. ред.*

⁸⁴ У покровителя Витте, адмирала Чихачёва, было с полдюжины дочерей. Одну из них он прочил за Витте. «Если бы этот брак состоялся, – говорили провидцы, – жизнь Витте сложилась бы иначе». Ну, и история России. – *Примеч. авт.*

страница. На Малой Морской, в роскошном особняке, проживал известный всему Петербургу А. А. Татищев. Это про него Щедрин писал: «губернатор с фаршированной головой». Глупый, но добрый, один из последних могоикан старорусского барства, Татищев устроил у себя политические четверги. На этих четвергах «дворянин Павлов» разжигал монархические страсти, а юный Стахович читал реферат «о свободе совести». Не разбираясь ни в том ни в другом, хозяин всех одобрял и кормил чудесными пирожками. Татищевские четверги посещал и Витте, привлекая к себе и правых, и левых.

На один из таких четвергов будущий диктатор явился бледным, но с особо гордо поднятым челом и сверкающим задором взглядом.

– Господа, счастливо оставаться. В отставку выхожу...

Переполох. И «дворянин Павлов», и революционер Стахович, и – главное – милейший хозяин, для которого Витте являлся приманкой, осадили модного сановника.

– Что? Почему? Зачем?

– Обвинен во взяточничестве. Утин (директор Учетно-Ссудного банка) предложил место председателя... 200 тысяч оклада. Тантьема...⁸⁵ Свои дела поправлю.

Цифра 200 000 произвела ошеломляющее впечатление.

– Ну, если двести... – протянул Татищев.

Но гости уже отхлынули от опального сановника. И он, поблескивая глазами, мерил кабинет своими огромными шагами. А один из тех, кто все знал, загадочно улыбаясь, вполголоса говорил ему:

– Департамент вы бросите, это верно. А к Утину не попадете... Не про него писано.

Витте загадочно улыбался.

– Не смущайте душу!

* * *

Путейское ведомство переживало тяжкие дни. На железных дорогах свирепствовал полковник Вендрих. Сочинил его, как и Вышнеградского, кн<язь> Мещерский. Аккуратный, честный немец, военный инженер, Вендрих довел до сведения издателя «Гражданина» о вопиющих беспорядках транспорта. На южных железных дорогах случилась очередная «пробка». Застряли без движения тысячи вагонов с хлебом, углем, рудой. Остановились заводы, срывалась хлебная кампания. Но Юпитеры на Фонтанке (в Министерстве путей сообщения) не волновались: отдавая рутинные приказания, считали себя вне досягаемости. И вдруг гром с ясного неба. В очередном письме к царю Мещерский познакомил его с Вендрихом. А т. к. дело было после крушения у ст<анции> Борок⁸⁶ и царь относился к путейскому ведомству с крайним недоверием, Вендрих был вызван в Аничков дворец, там понравился и получил командировку, о которой путейцы и поднесь не забыли. Эпоха эта перешла в историю под кличкой Вендрихиада. С правами и полномочиями, превышавшими министерские, Вендрих, не объявившись даже в министерство, бросился в омут транспорта. И началось. Гюббенет, тогдашний министр путей сообщения, заболел, Салов куда-то исчез. А в управление железных дорог посыпались депеши: «Отстраняю, увольняю, предаю суду!». Самоубийства, сумасшествия, стон и скрежет! Как разъяренный тигр, миролюбивый немец метался по железным дорогам, выталкивая «пробку». «Пробка» была наконец пробита, но с ней и ведомство. Добивал его в Тарифном комитете Витте.

⁸⁵ Тантьема – процент от прибыли, выплачиваемый руководству как вознаграждение

⁸⁶ Правильно – Борки.

Гюббенет скончался. Управлял ведомством Евреинов⁸⁷. Тузы ведомства примолкли. Зажатое между Вендрихом и Витте, ведомство стонало. Нужен был какой-то решительный шаг. Нужен был новый министр. Его вот и искали. Приманкой был чудный Юсуповский дворец – резиденция министра, лучшая среди подобных.

Среди конкурентов впереди шел принц Ольденбургский, в ту пору кандидат на многие высшие посты. За ним – друг вел<икого> кн<язя> Владимира Александровича – магнат Половцов. За ним – популярный св<етлейший> князь Имеретинский. За ним еще несколько вечных кандидатов в министры. И, наконец, знатные путейцы: Салов, Кербедз и друг<ие>. Эта погоня за постом министра путей сообщения приняла тогда почти гомерические размеры. В нее замешались придворные сферы, высшая аристократия, бюрократия, и продолжалась она около месяца. Путейское ведомство стало самым модным. На одном из семейных обедов государь сказал:

– У всех свои кандидаты, только о моем не справляются. Впрочем, вряд ли я сумею его провести – Ванновский (министр военный) не хочет произвести его в генералы.

Речь шла о Вендрихе, за которого хлопотал кн<язь> Мещерский. Но у Мещерского был и другой кандидат – Витте. Тот самый Витте, на которого только что поступил к царю донос и просьба об отставке коего лежала на царском столе.

* * *

В ясный мартовский день на Фонтанке к подъезду Министерства путей сообщения тянулась вереница экипажей. Из открытой коляски тяжело сошел, поддерживаемый двумя рослыми швейцарами, Витте. Вошел в широко распахнувшиеся перед ним двери, скинул на руки швейцаров бобровую шинель, бросил в воздух подхваченную кем-то мерлушковую шапку и предстал в скромном путейском вицмундире с серебряными пуговицами и с единственным орденом Анны на шее. Оглянулся. Обширная швейцарская, почтительно замершие бравые швейцары и прямо перед входной дверью широкая лестница, разветвляющаяся на первой площадке. На ступенях лестницы в почтительных позах, в расшитых мундирах, лентах и звездах – у начала лестницы чины 3-го и 4-го классов, чем выше, тем моложе. На первой ступеньке – согнув старые спины, охваченные красными и синими лентами, склонив обрамленные сединами головы, в позе покаяния и покорности – всемогущий инженер Салов, начальник казенных железных дорог генерал Петров, начальник водяных и шоссейных путей Фаддеев и товарищ министра Евреинов.

Коллежский советник Витте с его скромной Анной взглядом вишневых глаз скользит по стенам швейцарской, в которую входил мелким чиновником, по лестнице, по рядам сановников. На щеках его играет румянец, на влажных губах – усмешка, орлиный лоб вскинут.

К новому главе ведомства робко подходит управлявший министерством, тот самый, что всего несколько дней назад грозил уволить меня «за распространение позорящих министерство слухов» (о назначении Витте).

Это восхождение Витте между шпалерами вчерашних врагов, торжество оклеветанного над клеветниками, взлет коллежского над тайными советниками, ниспровержение всех бюрократических традиций, пощечина общественному мнению и кругам, куда доступа Витте не было, – минута эта, вероятно, до смерти не изгладилась из памяти триумфатора, как и тех, кому случилось быть свидетелем его триумфа.

⁸⁷ А. Я. Гюббенет возглавлял Министерство путей сообщения с 30 марта 1889 г. (9 апреля был утвержден министром) до 17 января 1892 г. Вместе с отставкой он получил назначение членом Государственного совета. Скончался 24 марта 1901 г. в Париже. Г. А. Евреинов управлял Министерством путей сообщения с 19 января по 15 февраля 1892 г.

В министерском зале стоял новый министр, косноязычно, но с необыкновенной ясностью и силой произносивший свою первую речь.

Как стадо овец перед забравшимся в овчарню волком, подчиненные жались от него к противоположной стене. Министр кончил, скрылся в свой кабинет. И тотчас, один за другим, вызвали к нему лихую тройку, с которой он воевал в Тарифном комитете. Все трое получили отставку. За ними, как бараны на бойне, упираясь, крестясь, входили в страшную дверь другие. На искаженных лицах читалась их судьба.

Зайдя к Витте после общего приема, я воскликнул:

– Сергей Юльевич, кабинет ваш залит кровью...

– Что поделаешь. Государь приказал очистить авгиевы конюшни.

– Без жалости?..

Не отвечая, он мерил кабинет своими характерными шагами. Глаза его уже потухли, чело морщилось новыми мыслями.

– Вот что: в железнодорожном деле у меня комар носа не подточит... А вот шоссейно-водяное – загадка. Знаю лишь, что там царствует произвол и взятка... Загнивший омут... Поезжайте и осветите его! Дайте материал, чтобы можно было из пушки пальнуть. Но не по воробьям... Я доложил уже о вас государю...

– Смилуйтесь! Ведь вы меня на смертоубийство посылаете.

– Знаю... Но у меня никого нет.

– Куда же ехать?

– Куда хотите. Составьте сами маршрут... В вашем распоряжении пароход, поезд... Ну, словом, действуйте. А мне некогда. Прощайте!

– Но... вы будете милостивы?

Витте взглянул на меня с слегка презрительной усмешкой. Глаза его сверкнули.

– Я разворочу осиное гнездо...

Через четыре месяца я возвратился с Днепра, а Витте – с Волги. Он вызвался ехать туда «на холеру». Это было дело министра внутренних дел. Но Дурново струсил. Для Витте же это был жест. И он решился на него так же быстро, как на все, когда нужно было. Например: тотчас же после его назначения в Петербург приехала иностранная делегация железнодорожников. Явилась к нему. Витте не знал ни одного иностранного языка⁸⁸. Беседовали через переводчика. Через неделю он устроил для гостей блестящий раут с ужином. И за ужином произнес речь... по-французски.

Во дворце князя Юсупова были чудные комнаты и старинная мебель empire. Витте ничего в ней не понимал и велел две комнаты – кабинет и спальню – очистить от нее. Застав его в огромном кабинете с вульгарными турецкими коврами и диванами, я удивленно оглядывался.

– А где же empire?

– Черт с ним. От него холодом веет...

Схватился за живот.

– Да я кажется того... Заразился.

Схватка прошла, и лицо его просветлело.

– Ну, доклад вы мне подадите после... А теперь хочу вас удивить: прежде всего – женюсь. Затем – меня прочтут в министры финансов...

Лукавая усмешка кривила его мокрый рот.

– На Лисаневич?

– Само собою...

– Государь разрешил?

⁸⁸ И. И. Кольшко преувеличивает: С. Ю. Витте владел, но посредственно, французским языком. Других он действительно не знал.

– Его величество сказал: женитесь хоть на козе...

– А развод?

– Приказано в три дня покончить...

Чтобы не показать всего скорбного удивления, я перешел к другой теме.

– Разве Вышнеградский уходит?

– Его уходят...

Он опять схватился за живот.

– Положительно, я заразился...

Когда прошла и эта схватка, на мой вопрос:

– А что же будет с путями сообщения? – он заговорил как бы сам с собой:

– В России тот пан, у кого в руках финансы. Этого до сих пор не понимали. Даже Вышнеградский. Но я их научу. Пути сообщения? И они будут в моей власти... Как и всё. Кроме министра финансов в России есть еще только власть министра внутренних дел. Я бы не отказался и от нее. Но это еще рано. Надо дать в руки власти аппарат денег... С деньгами я прекращу любое революционное движение. Этого тоже не понимают. Тюрьмы, виселицы – ерунда. Тех, кто делает революцию в России, нашего разночинца, – надо купить. И я куплю его. У меня целый план. И я его проведу, хотя бы все лопнуло кругом.

Беседа наша затянулась, и я ретировался только после третьей схватки у Витте.

По моему докладу были преданы суду два начальника округа и сонм служащих. Был раскассирован Могилевский округ путей сообщения⁸⁹. Витте выстрелил не по воробьям. Но сделал он это *par acquies de conscience*⁹⁰. Путейское ведомство его больше не интересовало. Тотчас по назначении министром путей сообщения он написал Вышнеградскому сухое требование о возвращении в путейское ведомство Тарифного департамента. А ответил уже сам себе в качестве министра финансов – разумеется, решительным отказом.

3. Апофеоз

<...> Как и следовало ожидать и согласно с намеченным еще в бытность Витте министром путей сообщения планом он занялся прежде всего подведением материального фундамента под здание императорской (своей) власти – скоплением денежной силы, распыленной тогдашней, дореформенной (эпохи Абазы, Рейтерна, Бунге) русской экономики, наращением того кулака, что должен был грозить и внутрь, и извне, придавая власти министра финансов атрибуты голого диктаторства. Этот кулак можно назвать государственным коллективным – во имя торжества самодержавия.

<...>

В один прекрасный день Витте сказал мне:

– На днях совершится событие, о котором до сих пор знаем лишь я и государь. Возрвется бомба... Выкуп в казну железных дорог Главного общества: Николаевской, Варшавской и Нижегородской⁹¹.

⁸⁹ Это случилось в 1893 г., уже после того как С. Ю. Витте покинул Министерство путей сообщения.

⁹⁰ Для очистки совести (*франц.*).

⁹¹ Главное общество российских железных дорог было учреждено в 1857 г. для строительства ряда магистралей в европейской части империи (около 4 тыс. верст) в течение 10 лет. Ему была передана лишь начатая к тому времени железная дорога Петербург – Варшава, в 1868 г. оно получило в эксплуатацию железную дорогу Москва – Петербург. Общество выпустило акций на 75 млн руб., а затем – облигаций на сумму свыше 37 млн руб. Однако на собранные средства общество лишь достроило железную дорогу Петербург – Варшава и соорудило трассу Москва – Нижний Новгород (1862 г.) – всего чуть более 1600 верст. В общем, это было предприятие, ориентированное на получение прибыли, сопровождавшееся немалыми хищениями государственных средств. В 1894 г. дороги, находившиеся в распоряжении общества, выкупила казна.

Поистине – бомба! Главное общество было могущественнейшее русское учреждение, управлявшееся могущественнейшим русским вельможей Половцовым, вкупе с сильнейшими банкирами и финансистами, русскими и иностранными. В управлении этом в качестве крупнейших акционеров участвовали великие князья во главе с всемогущим при Александре III Константином Николаевичем. Главное общество было своего рода святыней русской экономики, коснуться которой не посмел даже не церемонившийся ни с чем Вышнеградский. Концессия его была продолжительной, и нарушить ее по закону мог только Государственный совет с высочайшего одобрения. Нарушение этой концессии затрагивало крупные интересы не только в России, но и за границей, ссудившей обществу крупные облигационные займы. Тот, кто был заранее осведомлен о нарушении концессии, мог нажать на биржах России и Европы большие деньги. Не знаю, успел ли кто? Но один из петербургских банкиров в день обнародования выкупа сказал мне:

– Если бы вы мне сказали об этом за 24 часа раньше, мы бы заработали с вами миллион.

В типографии «Правительственного вестника» высочайший указ о выкупе печатался глубокой ночью под охраной полиции. Половцов, банкиры и великие князья узнали о нем за утренним кофе. Эта первая бомба Витте взорвалась с артистической точностью, посеяв в России и за границей панику. За ней последовали и другие. За Главным обществом было выкуплено таким же упрощенным способом (по высочайшему повелению) и Общество Юго-Западных железных дорог, управлявшееся всемогущим Суцовым⁹². Удар был настолько силен, что его ненадолго пережил известный всей России толстяк Суцов. А вслед за Юго-Западными дорогами стали падать в казну, как спелые плоды, второстепенные железные пути, и совершенно прекратилось частное железнодорожное строительство.

Одна только эта мера, проведенная в строгой конспирации и с нарушением если не законов, то обычаев (самодержавная воля была в ту пору законом), – одна эта мера дала в руки власти огромную денежную силу, осушив внутренние денежные каналы страны. Сила эта не ограничилась единовременным сдвигом ресурсов от периферий к центру государства: она давала в руки власти насос для постоянного выкачивания соков страны. Насос этот был – железнодорожные тарифы. Став хозяином железных дорог, Витте сделался бесконтрольным хозяином и их тарифов. Перекраивая их по своему усмотрению, он перекраивал географию страны, а с ней полностью и ее экономику.

Витте облепила стая великосветских спекулянтов. Я близко знал одного из них, члена Государственного совета Охотникова. Друга с Витте, он успел променять свои тамбовские латифундии на уфимские, продав через Крестьянский банк первые по 200 руб. за десятину, а купив вторые по 3 рубля, с тем чтобы вскоре через тот же Крестьянский банк продать их по 30–50 руб. Огромное имение министра двора гр<афа> Воронцова-Дашкова в Самарской губ<ернии> Витте купил для крестьян за 8 миллионов рублей, а имению этому до Витте была цена максимум один миллион. Ту же операцию он проделал с огромными имениями в той же губернии своего зятя Нарышкина.

Глава VII. Плеве

<...> На Гродненском переулке был исторический обед – кн<язь> Мещерский сводил двух тигров. Витте был еще в расцвете лет, Плеве дряхлел. Одна уже внешность соперников давала мало надежды на успех задуманного. Задорный тон, гнусавый тенорок и сиплый смешок, заискивающий и задирающий взгляд вишневых глаз, разухабистые манеры семинариста

⁹² Общество Юго-Западных железных дорог образовалось в 1878 г. путем слияния дорог Киево-Брестской, Брестско-Гравеской и Одесской (более 2000 верст). В 1895 г. Юго-Западные железные дороги перешли в казну, причем было списано со счетов около 106 ¹/₂ млн руб. долгов по гарантии.

– в общем, смесь чего-то непосредственного с наносным, какая-то «беспокойная ласковость взгляда», что-то наивное с «себе на уме», хозяйское с приказчицким, вдохновенное с плоским, добродушное с мстительным, душа нараспашку, подшитая лукавством, – таков был Витте. Плеве, чуть согнутый, но еще стройный и статный, с гордым поставом головы, с седыми, назад закинутыми кудрями, классически умным лбом, чуть загнутым красивым носом, породистым оскалом под нависшими усами, – весь гармоничный, бархатный, спокойный, без наглости самоуверенный, без задору смелый, без шаржу хорошо воспитанный, без всяких признаков вдохновенности, но с печатью несомненной тонкости и умственной эрудиции, без тени наивности и без выжидательности, но и без готовых решений, – победитель, которого не удивила и не утомила победа. Таковы были эти два тигра. О чем ворковали они? Витте доказывал, что он не может создать хороших финансов без хорошей политики. Плеве иронически отвечал, что благодаря виттовскому гению русские финансы безмерно лучше русской политики и что ему, Плеве, остается только догнать на этом пути Витте, т. е. проявить если не гений, которым его Бог обидел, то хоть систему, последовательность, каковых русская государственность с некоторых пор лишена.

– Но ведь кроме системы нужен еще план, – горячился Витте.

– А какой же был план у моего предшественника, незабвенного Дмитрия Сергеевича (Сипягина), которым так мудро руководил наш любезный хозяин и с которым так сердечно близки были вы, Сергей Юльевич?

Удар был не в бровь, а в глаз. Витте беспомощно переглянулся с Мещерским.

– Сергею Дмитриевичу⁹³ не дали осуществить его плана...

– А мне, вы думаете, дадут? Ведь план планом, а жизнь жизнью. Россия тем и отлична от Европы, что у нас жизнь то отстает, то перегоняет планы, почти всегда мешая их осуществлению. Мне вас не учить, Сергей Юльевич. Ваши экономические планы не потому ли и удались, что вы, извините, до известной степени начхали на жизнь?! – лукаво усмехнулся Плеве.

Разговор становился пряным. Ни Витте, ни, тем более, Мещерский не ожидали такого оборота. Витте искал глазами помощи Мещерского, но тот угрюмо молчал.

– Я был бы счастлив, Вячеслав Константинович, если бы вы... ну, просто удостоили меня тем доверием и той сердечностью, которыми я пользовался у вашего предшественника. Это дало бы мне силы для дальнейшей работы на пользу России. Ибо, повторяю, финансы и политика у нас заплетены как нигде. Править страной мы сможем лишь при гармоничном умственном и сердечном единении.

Плеве dokonчил вкусный десерт (был шедевр повара князя – вафельный пирог с каймаком), отер усы, сверкнул клинками глаз и, берясь за кофе, вкрадчиво, с чуть слышной дрожью сдержанного напряжения, ответил:

– Сергей Юльевич, – вы уже столько лет правите страной **единолично** (это слово он отчеканил), что я, признаться, удивляюсь, для чего вам понадобилось согласование деятельности двух ведомств именно теперь, когда его величеству угодно было вручить внутреннюю политику в мои слабые руки? Ведь до меня были такие **столпы** государственности, как Иван Николаевич (Дурново), Горемыкин, Сипягин. (Слово «столпы» Плеве опять насмешливо отчеканил). Вы не ладили лишь с Иваном Логгиновичем (Горемыкиным). Но вы же его и скушали. Хе-хе! А с другими двумя вы жили в ладу, и плоды вашего сердечного с ними единения, т. е. согласования финансов и политики, о котором вы изволите говорить, – плоды эти налицо. Я со стороны любовался вашими талантами и даже, можно сказать, учился... Заочное обучение, как это называют, хе-хе! Но вот результаты. Бедный Дмитрий Сергеевич в гробу, народ пьян и дик, общество бунтует, Россия взьерошена. Если бы было иначе, меня ведь не призвали бы к власти, – меня, старого, немощного, после того как меня забраковали молодого и сильного...

⁹³ Надо: Дмитрию Сергеевичу (Сипягину).

Плеве опять хихикнул и сверкнул глазами.

– Раз уж такое случилось, рассудку вопреки, наперекор стихиям, значит, от меня требуется что-то другое, более сложное, чем согласование внутренней политики с финансами, сердечного и умственного единения с моим старшим и опытейшим коллегой... Хе-хе! А что именно требуется от меня, этого я пока еще не знаю. Его величество я видел пока один раз и не получил еще соответствующих указаний, за исключением, впрочем, пароля и лозунга данного момента: «Старый курс»! Я понял общий смысл этого пароля, но, смею думать, имеются еще детали, истекающие из обстановки, приведшей к данному моменту. Иначе, повторяю, обо мне бы не вспомнили после десятилетнего забвения... Хе-хе! Так вот, в ответ на ваше столь любезное и искреннее предложение сердечного и умственного содружества я и отвечаю: дайте мне ближе ознакомиться с предначертаниями его величества, которым я намерен следовать не за страх, а за совесть...

Не кончив своего любимого вафельного пирога, Витте сидел бледный, ожидая вмешательства Мещерского. Тот наконец решился.

– Вы, может быть, и правы, Вячеслав Константинович, – сказал он, – но вы упускаете из виду, что государю надо помочь найти подходящее решение. В этом ведь и есть наша задача. Государю нужны не только исполнители, но и советчики. Лично я получил от государя поручение, что ли, координировать ваши с Сергеем Юльевичем деятельности. Объединять их в тех частях, где политика требует поддержки финансов и наоборот. Вы поймете, что тут нет и тени официальности, а просто пожелание, вытекающее из постоянной заботы государя о благе России. Вы, надеюсь, не придадите моим словам иного смысла. Государь лишен тех возможностей, которые открыты нам, – т. е. сердечной дружественной беседы вне рамок официальности. Я надеялся, что вы именно так и поймете мою попытку вызвать обмен мыслей между вами и Сергеем Юльевичем...

Плеве почтительно склонил свою красивую голову. Витте тяжело дышал. У него хрипло вырвалось:

– И я иду навстречу этим справедливым желаниям его величества. Для меня он – высочайшие повеления.

Плеве старался овладеть собой. Рука, которой он мешал кофе, дрожала. Но вот он справился с волнением и заворковал по-прежнему полудружественно, полунасмешливо:

– Покуда таких пожеланий его величество мне прямо не высказал, я не могу их считать высочайшим повелением. Я целиком доверяю милейшему Владимиру Петровичу, облеченному доверием государя, но ведь ответственным лицом являюсь я один. А чтобы принять на себя ответственность, я должен знать точно, что от меня хотят. Дайте сроку! Мы не последний раз видимся... Я только, к слову, хотел бы еще заметить, что кроме чужого у меня может быть и должно быть собственное мнение. За эти десять тревожных лет им не интересовались. Так что между нами может оказаться расхождение в самых принципах. Но это, несомненно, сгладится. Дайте оглянуться, разобраться! Россия не берлога, а мы с Сергеем Юльевичем не медведи. В России найдется место и для министров высокоталантливых, как Сергей Юльевич, и для посредственности, как ваш покорный слуга. И, пожалуй, ни финансы не должны у нас зависеть от политики, ни политика от финансов. У каждой своя дорога. Будем же им следовать. А там видно будет... Чудесный у вас повар, Владимир Петрович. Бедняга Сипягин тоже любил покушать...

Это была первая и последняя «дружественная встреча» двух тигров. <...>

Глава XIV. Витте

6. «Выгнали»

Первые семь-восемь лет владычества Витте были годами несомненного его триумфа. Покончив с коренными экономическими реформами – с индустриализацией, с укреплением русской денежной системы, переведя российскую экономику с рельс страны возделывающей на рельсы страны обрабатывающей, перекроив русскую географию, подчеркнув сословную рознь между дворянством и крестьянством и вдохнув жизнь в инертное для него третье сословие, опираясь на банкиров не только русских, но и мировых (Мендельсон, Блейхрöder, Ротшильды, Рокфеллер и др.), заложив прочный фундамент своему личному крупному состоянию, завязав прочные связи с русскими малыми дворами и русской высшей аристократией, выдав дочь своей жены за одного из русских аристократов – из разночинца шагнув в вельможи, из нищего – в Крёзы⁹⁴, из управляющего железной дорогой – во всемогущего диктатора, Витте, казалось бы, мог почтить на лаврах. Но...

Властолюбию и честолюбию временщика, подогреваемым его супругой, не было пределов. Как в «Золотой рыбке», Витте захотел, чтобы прислуживала ему за столом эта самая рыбка. Первые его столкновения с императором Николаем II начались на этой почве.

Во время одного из его докладов в Царском Селе, когда он со свойственной ему авторитетностью и грубостью требовал подписи царя на одном из указов, шедших вразрез с мнением большинства Гос<ударственного> совета, царь поднялся, подошел к окну и, слушая своего министра, барабанил по стеклу. На губах его бродила загадочная улыбка, глаза весело искрились. И вот от окна раздалось «деликатные» слова, прогремевшие над временщиком, как гром в ясный день.

– Сергей Юльевич, вы и впрямь считаете меня за мальчика.

Витте помертвел. Именно это выражение употребил он в одной из бесед с Вильгельмом в одну из своих заграничных поездок. Поняв, откуда надвигается гроза (Вильгельм, в ту пору недовольный мерами Витте в экономическом содружестве России и Германии, хотел его свалить), Витте решился на опасный, но радикальный шаг.

Нашим финансовым агентом в Берлине был в ту пору Тимирязев – впоследствии министр и банкир. Тимирязев был обласкан Вильгельмом и подробно информировал Витте о настроениях берлинского двора. Собственно, в этом и состояла его главная роль. Шифрованной телеграммой Витте вызвал Тимирязева, привез в автомобиле в свой дом и запер на ключ в одной из отдаленных его комнат (кажется, в кладовой). И началась работа. При закрытых от всех дверях, при свече Витте диктовал своему подчиненному доклад самому себе. В этом подложном документе Тимирязев распространялся о ненависти Вильгельма к временщику, слишком ярко защищавшему интересы России, и доносил, что, по сведениям Вильгельма, положение временщика непрочно – он надоел царю. Все это было уснащено указаниями на надежды германской индустрии на лучшие условия предстоявшего торгового договора, якобы невыгодного Германии в тех рамках, кои проектировал Витте. Доклад был составлен с мастерством, присущим Тимирязеву, датирован задним числом и помечен Берлином. Обед и завтрак Витте сам приносил в кладовку, сам отвез своего сообщника на вокзал, усадил, расцеловал и обещал в будущем министерский пост.

Посланный к царю доклад возымел ожидаемое действие. С надписью: «Охота Вам, Сергей Юльевич, верить всяким сплетням? Работайте на пользу России», – он был возвращен

⁹⁴ Крёз (595–546 гг. до н. э.) – царь Лидии, прославившийся своим богатством.

Витте, положение коего вновь упрочилось. Но предупрежденный временщик решил связать своего повелителя узами более прочными, чем экономика. Витте решил перенести свое влияние на внешнюю и внутреннюю политику России. <...>

* * *

<...> [16 августа 1903 г. С. Ю. Витте] был экстренно вызван к царю в Петергоф с просьбой привезти с собой управляющего Государственным банком Плеске. В этот день я был в Царском. Звонок телефона. Витте говорил из Петергофа.

– Выезжайте немедленно, встретьте на Варшавском вокзале.

Витте вышел из своего вагона вместе с Плеске. У Плеске был вид сконфуженный, у Витте – крайне возбужденный. Отойдя в сторону, он ударил себя по колену и сделал вульгарный жест, каким выражают насильственное удаление.

– Выгнали...

Больше он говорить не мог. Но в автомобиле, по дороге на свою каменноостровскую дачу, он сипло, почти по-мужицки ругался. Подъезжая к даче, однако, взял себя в руки.

– Ну, что ж... Председатель Комитета министров – тоже птица... Классом выше... Шитья на мундире больше... Мерзавцы!

С этим застывшим на его мокром рте словом он пошел к жене, а я – в его крошечный кабинет. Через четверть часа он вернулся значительно успокоенный.

– Ну, вот... Свершилось... Но, как всегда, удар в спину... Его величество верен себе... Огладит и вонзит нож... Так будет и с Россией... Со всеми... С Безобразовым, с Плеве... Я знаю, что этого мерзавца убьют. Но если этого не случится, его, как и меня, выгонят...

Я старался направить его мысли в другую сторону.

– Но почему же назначили Плеске? Божья коровка...

– Такая им и нужна...

– И в такое время...

– Что им время, что им история, что им Россия? Выигрышная партия в теннис вознаграждает за Ляоян и Мукден. Камарилье нужны всё новые люди, чтобы их возвеличивать и свергать, обдывая свои делишки. Уж если они сломали шею Оболенскому...

– Как? И он?

– Назначен начальником Кабинета его величества. Почетная отставка, как и моя...

После лихорадочной прогулки по кабинету он продолжал:

– Хотите знать, чего мне стоит этот человек?

Сорвал вицмундир, рванул рубашку и показал тело, покрытое крупными, в пятаяк, черными пятнами...

– Вот что со мной сделал его величество...

* * *

После убийства Плеве и неудачных попыток Витте наследовать своему врагу на посту министра внутренних дел⁹⁵ я как-то заглянул на Каменный остров. Витте доживал лето на своей министерской даче. Я застал его сающимся на жирного коня. На нем была форма шефа пограничной стражи (сохраненная за ним): мундир с генеральскими погонами, рейтузы в обтяжку, ботфорты. В этой форме я его видел впервые. И впервые я видел его столь сияющим. Даже после первого назначения своего министром и после всех своих побед над супоста-

⁹⁵ Так в оригинале.

тами вишневые глаза его так не сияли, а влажный ротик так не улыбался. Затянутый в форму, он казался располневшим. Неуклюжая фигура его и длинные «коровьи» ноги в маскарадном костюме были несколько смешны. Но всадник, видимо, наслаждался собой, и буцефал, слегка согнувшись под его тяжестью, был доволен. Собрав поводья и приняв позу, глядя на меня сверху вниз, он заговорил своим сиплым говорком:

– Ну что? Прав я был? Возмездие следует по пятам за каждым из нас... Я рад назначению Мирского... Мы – приятели... Но Мещерский сыграл двойную роль... И это ему не простится...

– В чем же?

– За Штюрмера хлопотал. А меня уверял... Ну, это прошлое... Я рад, что меня минула сия чаша. Мирского мне жаль. Он слишком порядочный человек. И не волевой... Разве такой нужен его величеству с камарильей? Увидите...

Он прищипорил коня.

7. Чаша

* * *

<...> Время после отставки кн<язя> Мирского и назначения Булыгина, когда наконец назрел вопрос о «реформе» и стряпалась булыгинская Дума, прошло для Витте оживленно. В эти дни он то вел переговоры с общественными деятелями, стремившимися в «Белый дом» в предчувствии его грядущей роли, то со всемогущим в ту пору Треповым. Отношения Витте с этим последним, весьма натянутые в пору влияния Безобразова, теперь стали тесными. Для Витте Трепов стал тем рупором в Царское Село, каким прежде были кн<язь> Мещерский и Оболенский. Не решаясь лично выступать с взглядами, которые бы противоречили его прежним взглядам (реакционным), Витте толкал в направлении к конституции недалекого в политическом смысле, но рыцарски преданного монарху Трепова.

Чтобы понять затруднительность положения Витте той эпохи, нужно вспомнить, что первым и едва ли не самым убедительным, после Победоносцева, глашатаем антиконституционного направления был он сам. По его заказу молодой профессор Демидовского лицея в Ярославле написал нашумевшую записку «о земстве»⁹⁶. Записка доказывала, что выборные учреждения являются преддверием к конституции и что потому расширение их прав есть расширение пути к конституции. Спрятавшись за этим тезисом, Витте не выявлял себя антиконституционалистом, но давал понять: кто расширяет права самоуправления, тот ведет к конституции.

Всколыхнувшая русскую общественность эта макиавеллическая записка стоила портфеля врагу Витте Горемыкину, собиравшемуся расширить права самоуправления. Витте же поспешил загладить ее впечатление рядом демократических реформ по своему ведомству. Податная инспекция как противовес земским начальникам, расширение деятельности Крестьянского банка в противовес Дворянскому, страхование рабочих и всяческое покровительство третьему элементу, нашедшему приют в многочисленных учреждениях финансового ведомства, – все эти частичные либеральные реформы затушевывали в свое время реакционность Витте.

Но враги его не дремали, и нужна была осторожность. Кроме Трепова в роли политического рупора Витте выбрал еще среди высшего петербургского общества рупор этический –

⁹⁶ В. Б. Лопухин назвал этого профессора Демидовского лицея – М. А. Липинский (*Лопухин В. Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. СПб., 2008. С. 81*).

известного Мишу Стаховича (при Временном правительстве финляндского ген<ерал>-губернатора). С этим великосветским болтуном Витте вырабатывал закон о свободе религиозной совести. Итак, выдвигая вперед то Трепова, то Стаховича, перешептываясь в своем кабинете то с консерваторами, то с либералами, опальный сановник, переступая с правой ноги на левую, подкрадывался к власти.

Кольшико И. И. Великий распад: Воспоминания. СПб., 2009. С. 73–75, 112–114, 116–125, 141–147.

С. М. Проннер

Первый день министра (листки из воспоминаний)

Благодаря особому случаю мне пришлось быть свидетелем момента, когда Сергею Юльевичу Витте, директору Департамента железнодорожных дел М<инистерст>ва финансов, был вручен высочайший указ о назначении его управляющим Министерством путей сообщения, и быть неожиданно также свидетелем его первых шагов уже в должности министра.

Было 11 час<ов> утра. Мы условились с С. Ю. накануне, что я зайду к нему на следующий день к этому времени. Шел вопрос о выпуске второго лотерейного займа. Витте был делопроизводителем комитета под председательством наследника цесаревича, учрежденного для организации частной помощи голодающему населению. Заем был придуман С. Ю. совместно с директором Горного д<епартамен>та Скальковским, выработка условий займа была мне поручена, все совещания носили весьма секретный характер. Билеты были 5-рублевые, главный выигрыш – 200 000 рублей.

Мы только что собрались приступить к работе, как в кабинет влетел, весь в волнении, дежурный чиновник, высоко держа большой синий конверт; благодаря крупному почерку можно было уже издали прочесть изображенную на конверте новую должность адресата. Факт назначения министром явился и для самого Витте сюрпризом; его ожидания не шли дальше назначения товарищем министра.

С. Ю. побледнел, хотел подняться, но ноги отказались ему служить. Тяжело дыша, он дрожащей рукой взял пакет и долго держал, не вскрывая конверта. Поднимаюсь и хочу поздравить. Жестом руки (говорить он еще не мог) просил С. Ю. обождать. Он стал перед образом Божьей Матери в углу комнаты, опустил на колени, осенил себя большим крестом (С. Ю. был очень религиозен), подошел опять к письменному столу, поднял конверт, перекрестил, читал медленно пересланный ему министром двора указ государя, прикрыл глаза рукой и через несколько времени, показывая свои блеснувшие счастьем глаза, сказал дрожащим от волнения голосом:

– А теперь, Станислав Максимилианович, можете меня поздравить. Я назначен управляющим Министерством путей сообщения.

Мы поцеловались.

В промежутки времени наполнился кабинет сослуживцами С. Ю. Дежурный чиновник успел уже их оповестить. Тут были оба вице-директора департамента Романов и Ягубов, члены Тарифного комитета Ковалевский и Максимов, секретари Зельманов и Циглер фон Шафгаузен, все товарищи Витте еще со времен его службы на Юго-Западных жел<езных> дорогах. Поздравления, объятия, оживленная беседа о планах будущего, о предстоящей работе нового министра.

* * *

Февраль 1892 г. был на исходе. В 17 губерниях Приволжья, Камской области, Урала и Севера гибли люди от голода. Неурожай 1891 г. был катастрофический. Небольшие запасы предыдущего года были давно съедены, от рабочего скота осталось только воспоминание в виде содранной кожи; население кормилось древесной корой, мхом, еловыми шишками, сушеной листвой, лебедой, отрубями с примесью некоторой доли ржи и овса. Трагизм положения усиливался тем, что остальные губернии имели хороший, отчасти блестящий урожай и, тем не менее, были лишены возможности помочь своим братьям. Хлеб отправлялся вместо голодающих в балтийские и черноморские порты для вывоза за границу; в Ревеле, Риге, Либаве, Одессе

лежали миллионы пудов хлеба; пароходы грузились день и ночь, чтобы уйти до опубликования ожидаемого запрещения вывоза. На железных дорогах господствовал невероятный хаос; все они были оборудованы исключительно на вывоз; две колеи путей существовали только на линиях, ведущих к портам. Начиная же от Москвы в направлении на восток и север все железные дороги имели лишь одну колею и не смогли, когда к этому явилась необходимость, перевозить сотни тысяч и миллионы пудов в обратном направлении с юга и запада на восток и север. Уже на первых станциях за Москвой получалась закупорка. М<инистерст>во путей сообщения пробовало то тот, то другой паллиатив, но все безуспешно.

Транспортный хаос усиливался с каждой неделей. Трудно и было ожидать другого результата. Принцип замещать министерские посты людьми, единственная заслуга коих заключалась в том, что они успели благополучно пролезть по чиновничьей лестнице до мест, с которых высочайшей воле подобало назначать «главы» министерств, потерпел явное банкротство. Во главе М<инистерст>ва путей сообщения стоял д<ействительный> с<татский> с<оветник> статс-секретарь А. Я. Гюббенет, который товарищем, а затем и министром прошел службу по М<инистерст>ву финансов в Департаменте... счетоводства и славился как отличный бухгалтер. Его предшественник, который более десятка лет до катастрофы в Борках заведовал Министерством путей сообщения, вице-адмирал и генерал-адъютант Посыет, черпал свои железнодорожные познания в службе по морскому ведомству. Управляющими и начальниками движения железных дорог были исключительно питомцы Института инженеров путей сообщения, связанные молчаливым соглашением не допускать к таким должностям никого, кроме вышедших из названного института. Все они были несомненно хорошими строителями, вероятно, и прекрасными техниками, но им не хватало, за малыми исключениями, главного – административн<ых> способностей. Это последнее и было одной из причин, что министр финансов А. И. Вышнеградский⁹⁷, не желая далее покрывать из госуд<арственных> средств всё усиливающиеся дефициты железных дорог, решил устроить у себя особый Департамент железнодорожных дел, во главе которого им был поставлен управляющий железнодорожной сетью в 2 500 верст, не «путеец» и даже не инженер, – Витте.

Хаос на железных дорогах и вызванные им затруднения в снабжении хлебом голодающих вызвали всеобщее возмущение, нашедшее свой отклик в громких статьях печати, требующей с непривычным в России единогласием замены Гюббенета деловитым специалистом-железнодорожником с предоставлением ему диктаторских полномочий. Имя Витте было у всех на устах, не сходило со столбцов печати. Могла ли, однако, бюрократия мириться с назначением в министры человека, ей все еще чуждого, «пришельца со стороны», который еще четыре года до того имел скромный чин коллежского асессора и при назначении в директора департамента перескочил сразу семь ступеней Табели о рангах, сделавшись сразу д<ействительным> с<татским> с<оветником>? С мыслью видеть Витте товарищем министра бюрократия уже начала, хотя и против воли, свыкаться, но на министерском посту?.. Нет! И целые недели обсуждались всё новые и новые комбинации, искали кандидатов в среде членов Госуд<арственного> совета, хватались и за кандидатуру принца А. П. Ольденбургского, выдвигавшего себя самого, где бы какая вакансия ни открывалась. Во всех, однако, комбинациях фигурировало имя Витте как товарища министра и фактического главы железнодорожного управления. Александр III решил рассечь гордиев узел и назначил Витте прямо министром.

* * *

В то время как в кабинете нового министра шли эти разговоры, главари М<инистерст>ва путей сообщения обсуждали положение, созданное сделавшейся только что известной отстав-

⁹⁷ Правильно – И. А. Вышнеградский. – *Примеч. ред.*

кой А. Я. Гюб-бенета. Их, однако, ожидала еще худшая беда. По телефону было передано, что Департамент железнодорожных дел М<инистерств>а финансов празднует назначение Витте преемником Гюббенета. Верхи сразу почувствовали, что их дни в министерстве сочтены. В борьбе между Витте и Гюббенетом, ведшейся с обеих сторон с невероятным ожесточением, не брезгуя личными выпадами и клеветой, принимали деятельное участие все высшие чины министерства. Назначенная уже дуэль между Гюббенетом и Витте была задержана вмешательством вел<икого> кн<язя> Михаила Николаевича. Витте обратился к министру внутр<енних> дел И. Н. Дурново и к издателю «Гражданина» кн<язю> Мещерскому с просьбой быть его секундантами. Вызывающим был Сергей Юльевич. Если Витте в душе желал, чтобы эта дуэль не состоялась, то он не мог сделать лучшего выбора своих секундантов.

Верхи министерства поэтому постановили отправить делегата к новому министру и просить директора канцелярии тайного советника Мицкевича, он же и гофмейстер, принять на себя эту миссию. Через полчаса явился на Б<ольшую> Морскую Мицкевич и просил доложить о себе Сергею Юльевичу. Сразу опустел кабинет.

С. Ю. просил меня настойчиво остаться. Я не мог понять, что может означать это странное и, пожалуй, в данном случае более чем неуместное желание С. Ю.

Войдя в кабинет и увидев там постороннего человека, в то время как он надеялся на конфиденциальную беседу с новым министром, Мицкевич был не менее меня озадачен и не сразу нашелся. Витте не дожидаясь обращения к нему нового своего подчиненного и, не приглашая его садиться, спросил резким голосом:

– Цель вашего визита?

Мицкевича передернуло. Невежливый тон, нарушение обычных светских форм, присутствие свидетеля нанесенной ему обиды сразу дали ему понять, что ему нет места в министерстве при новом начальнике. Привыкший сдерживаться, светский человек, каким он был, Мицкевич корректным и ровным голосом отчеканил:

– Явился по поручению высших чинов министерства узнать, когда и где будет вашему превосходительству угодно принять их (назвав Витте превосходительством вместо «высокопревосходительства», какое обращение ему, как министру, полагалось, хотя он не был действительным тайным советником, Мицкевич пожелал, в свою очередь, уколоть Витте).

– Завтра в 11 часов я буду принимать в кабинете министра.

– Позволяю себе доложить вашему превосходительству просьбу бывшего министра разрешить ему остаться в министерской квартире еще 8 до 40 дней⁹⁸ до приискания частной квартиры.

Витте как будто задумался несколько секунд, затем, не отвечая на вопрос, процедил тем же резким, враждебным голосом:

– Имеете еще что-нибудь доложить?.. Нет!.. Прощайте!

Не теряя дальнейших слов, Мицкевич вышел из кабинета. Только во время сцены, разыгравшейся в моем присутствии, я понял, чем руководился Сергей Юльевич, задерживая меня в кабинете. Вся эта сцена была у него уже предreshена в момент, когда ему доложили о Мицкевиче. Витте хотелось иметь свидетеля своей мести, свидетеля независимого, не связанного обязательством служебной тайны. Мицкевич имел по своей должности гофмейстера большие связи в высших придворных кругах и не преминул их использовать во вред Витте, будучи душой всех против него интриг. Новый министр не имел мужества или не считал себя еще достаточно сильным, чтобы уволить самому долголетнего службиста, но желал заставить его уйти и избавиться от него косвенно. Мицкевич сам подал тотчас в отставку, а А. [Я.] Гюббенет в тот же день переехал в гостиницу.

⁹⁸ Так в оригинале.

* * *

Вечером следующего дня я по приглашению Сергея Юльевича посетил его в министерском кабинете на Фонтанке. Из всех министров того времени министр путей сообщения имел самую красивую квартиру. В его распоряжении был целый дворец, специально пристроенный к зданию министерства и имеющий выход в чудный Юсуповский сад. Мы шагали почти всю ночь взад и вперед по огромному кабинету с высоким куполом и дивными фресками, бродили по длиннейшим коридорам, осматривали достопримечательности дворца, выходили в сад. Ночь была сухая, безветренная и почти теплая, несмотря на февраль. Все время мы обсуждали программу предстоящей деятельности нового министра, его планы к реорганизации железнодорожного движения, меры помощи бедствующему населению голодающих губерний и обеспечению его, пока еще возможно, посевом для следующего урожая.

Уже светало, когда наша беседа перешла на другие вопросы, уже постороннего характера. Сергей Юльевич сообщил о своем намерении жениться вторично. Год тому назад он сделался вдовцом. Ему тяжело одиночество. Мне были известны городские слухи, вертевшиеся около этого брачного плана, и я предвидел, какие уколы самолюбию и тяжелые испытания готовит этот брак С. Ю. Против воли я покачнул головой и на моем лице выразилось, вероятно, ясное сомнение, ибо Сергей Юльевич, усадив меня против себя, стал говорить с непривычной для него горячностью.

– Я люблю эту женщину и хочу, хоть раз в жизни, сделать что-нибудь для своего личного счастья. До сих пор я жил только для своего честолюбия. Сейчас, когда я достиг того, о чем я уже мечтал, будучи начальником дистанции, живя в еврейском местечке, я хочу иметь свой домашний уют. При моем характере и известном вам пренебрежении к светским формам жизни ни одна женщина из высших кругов – а там должен был бы делать свой выбор министр, собираясь жениться, – не может мне обеспечить то, чего я желаю, – домашний очаг. Вы знаете, каким несчастным был мой первый брак. Я не слеп и не скрываю от себя тех осложнений, которые я вызываю своим браком, но я их не пугаюсь и одолею. Пока же мне нужны деньги для брака.

С. Ю. назвал сумму 35 000 рублей, которые требует муж его будущей жены за свое согласие на развод. Я отлично понял, почему Витте мне все это рассказывает, но не мог реагировать на его намек. Моя газета в то время еще не имела своего позднейшего распространения, и я не имел еще материальной базы, создавшейся впоследствии.

Как человек большого ума, С. Ю. не настаивал и перешел на другие темы.

Проппер С. М. Первый день министра: (Листки из воспоминаний) // Сегодня. Рига, 1928. № 272 (7 октября).

Н. А. Вельяминов

Встречи и знакомства

Я знал С. Ю. в течение многих лет – 24 года с момента его появления на петербургском горизонте и до смерти, был врачом-консультантом его и его семьи, на правах врача-друга был принят в его доме, часто беседовал с ним, больше слушал, но иногда удостаивался слышать откровенные его мнения. Он доверял мне как врачу и человеку, спрашивал меня иногда мое мнение о людях и отношениях, которых он не знал и которые он хотел узнать, подчас рассказывал мне исторические эпизоды из своей жизни и деятельности, нередко высказывал мне свои взгляды на государя Николая II и т. д. Одним словом, я знал графа С. Ю. Витте в обстановке его интимной, семейной жизни, хорошо знал его жену, несомненно имевшую на него большое влияние, и поэтому у меня сохранились в памяти и записках некоторые отрывки из отношений с ним, его бесед, его взглядов на людей и события, которые, как кажется, не лишены некоторого исторического интереса и могут служить хотя бы слабыми штрихами в изображении его нравственного облика, который со временем нарисуют более компетентные современники его. <...>

I

В августе 1891 г. я как-то приехал из красносельского лагеря в город и совершенно случайно попал на званый обед к некоему Г. З. Этот Г. З. был холостяк средних лет, по профессии – присяжный поверенный, но никогда не имевший дел в суде, а занимавшийся какими-то «финансовыми делами», и был то, что в тогдашнем Петербурге называли «дельцом» и теперь, пожалуй, назвали бы «спекулянтom». Этот господин был большой гастроном и даже автор кулинарной книги. Ему для его «дел» нужны были дружеские отношения с крупными представителями чиновничества и бюрократии, и он от времени до времени давал у себя «тонкие» обеды, на которые приглашались восходящие светила из бюрократического мира из числа директоров департаментов и других лиц приблизительно того же «ранга», метивших в министры или, по крайней мере, в товарищи и обещавших, во всяком случае, выдвинуться. Бывали на этих обедах обычно только мужчины, но иногда приглашались и две дамы – сестра хозяина, бывшая замужем за одним влиятельным бюрократом, и одна очень интересная и элегантная великосветская женщина. Вот на такой обед с дамами попал и я, как уже сказано, совершенно случайно, в чуждый мне тогда мир. Я никого не знал и держался дам, которые вместе с мужем одной из них и посвящали меня в оценку общественного значения отдельных лиц из гостей Г. З., в числе которых находился и мало кому известный еще новый пришелец С. Ю. Витте.

Я узнал тогда, что «открыл» Витте бывший министр финансов императора Александра III талантливый И. А. Вышнеградский. Последний до того, чтобы стать министром, был председателем правления Юго-Западных жел<езных> дорог, а Витте – управляющий этими дорогами, почему Вышнеградский и имел случай хорошо узнать Витте. <...>

Я сидел за обедом далеко от С. Ю. и не слышал его разговоров; после обеда, как человек деловой, он вскоре уехал, но среди гостей Г. З. вечером только и говорили, что о Витте. Одни его критиковали и были склонны видеть в нем карьериста, другие отдавали дань его уму, знанию дела и готовы были предсказать ему большое будущее. Во всяком случае, уже по этим разговорам среди несомненно более выдающихся и сравнительно еще молодых бюрократов можно было заключить, что Витте человек недюжинный и сразу становится центральной фигурой там, где он появляется. <...>

По своей наружности С. Ю. никакого особенного впечатления не производил, а если и производил, то скорее отрицательное. Это был тогда человек лет под сорок, высокого роста, тогда еще худой, очень некрасивый, с неправильным и неприятным профилем вследствие как бы запавшего носа (потом на всех портретах этот нос подправляли) и умными, хитрыми, скорее добрыми, часто усталыми и тогда «рыбьими» глазами. Его фигура была какая-то неуклюжая, непропорциональная, грубая, «медвежья», как бы срубленная топором, напоминавшая собой старые фигуры человека физического труда и не интеллигента. Светское воспитание в нем совершенно отсутствовало. Одевался он небрежно, неумело, по-провинциальному. В глаза бросались его громадные ноги, обутые в сапоги, как у американского угольщика; длинные руки, как у приматов, с длинными, некрасивыми червеобразными пальцами, всегда желтыми от табачного дыма, с коротко остриженными, как бы обгрызенными ногтями. В общем, это была фигура типичного плебея, хотя он и происходил из интеллигентной дворянской семьи. Он производил впечатление интеллигентного рабочего или управляющего большим заводом или фабрикой, вышедшего из среды рабочих, но никак не петербургского бюрократа. Говорил он с несколько южным акцентом, резко, коротко, но образно, и тогда в нем чувствовался сразу человек большого ума, очень сильной воли, большой энергии, железной работоспособности, но властный, очень самоуверенный и, в сущности, деспот. Во всем его облике чувствовался тип американца, человека самобытного, самородка, *selfmademan*, человека, выбившегося своим трудом и своими талантами. Вероятно, он так быстро приобрел себе потом такую популярность в Америке, когда он там заключал Портсмутский договор, поэтому же и он сам говорил потом с таким увлечением о своих впечатлениях в Америке, все потому же он так и «шокировал» петербургские «сферы» и элегантных придворных. Языки С. Ю. знал плохо, по крайней мере по-французски он говорил очень плохо, но этим не стеснялся, особенно когда стал большим сановником, – ему было важно, чтобы его понимали, до формы же ему было все равно. Недавно же рассказывали, что за каким-то дипломатическим обедом он вызвал у многих невольную улыбку, когда в горячем споре на французском языке он многократно и громко говорил о Японии, называл ее «le Japonie»⁹⁹. По-немецки он, кажется, совсем не говорил, хотя и носил немецкую фамилию, а английский, сколько я знаю, даже не понимал.

Как умный человек, С. Ю. признавал дефекты в своем воспитании и сначала старался их корректировать, но это удавалось ему плохо, и потом, став твердо на ноги, он махнул на это рукой.

Очень наблюдательная дама, у которой мы в эту зиму оба обедали, говоря мне о своих впечатлениях касательно С. Ю., передала мне одно наблюдение, которое они сделали и которое было очень характерно для С. Ю. в то время. Непривычный к такой кухне и хорошим поварам, С. Ю., видимо, не знал, как и чем полагается есть некоторые блюда. Так как он сидел за обедом на почетном месте, то ему подавали первому. Он брал кушанье и выжидал, и если не знал, как его брать, то отказывался, но соглашался есть, если хозяйка сама накладывала ему кушанье на тарелку. Он ждал, когда другие начнут есть, тогда он начинал есть сам так, как ели другие. Для такого человека, как С. Ю., эта мелочь была действительно характерна. Позже его учила «манерам» жена, но он поддавался нехотя и так до смерти есть за столом по-европейски не научился.

В ту же зиму С. Ю. быстро пошел в гору по иерархической лестнице, уже в начале 1892 г. он был назначен министром путей сообщения и весной того же года стал исправлять должность в Министерстве финансов вследствие болезни Вышнеградского. Немудрено, что вскоре он сделался наиболее интересным человеком в высшем административном мире Петербурга и заставил очень много говорить о себе. В то время я бывал иногда в доме генерала Н. И. Петрова, начальника штаба Отдельного корпуса жандармов, и там встречал немало влиятельных

⁹⁹ Правильно – *le Japon*. – *Примеч. ред.*

чиновников, и между ними чаще всего И. Л. Горемыкина, тоже метившего уже в сановники. Там в течение всего 1891/92 г. только и говорили, что о Витте, настолько, что это становилось даже скучным, и когда я принимал приглашение к Петровым, то говорил шутя хозяйке: «Буду, но с условием, чтоб не говорили о Витте». Последнего я часто защищал, за что Н. И. Петров и И. Л. Горемыкин жестоко на меня нападали, доходя даже до резкостей. Разговоры эти о Витте сводились к очень резкой критике деятельности С. Ю., особенно когда он сделался министром. Говорили, что это *ragueni*, очень невоспитанный, грубый человек, не умеющий держать себя в среде спокойных и уравновешенных государственных людей, что в Государствен<ном> совете, в Комитете министров, в комиссиях он очень резок и даже дерзок, часто показывал свое невежество в государственных делах, свою незрелость в должности министра и т. п. Рассказывали, что после одного горячего спора в Госуд<арственном> совете, в котором Витте был так дерзок по отношению к военному министру, что всегда спокойный П. С. Ванновский настолько обиделся, что хотел даже вызвать Витте на дуэль. Удивлялись, что такого грубилу, необузданного карьериста государь мог призвать на пост министра. Одним словом, говорили о Витте с озлоблением и, что называется, «вешали на нем собак».

В сущности, причины этого недовольства новым министром заключались в другом: его не любили, потому что его боялись. С. Ю. был свежий человек, не привыкший к мертвящему бюрократизму, желавший «творить», делать умное дело, а не писать записки и о них бесконечно совещаться. Благодаря своему уму, своим способностям, большой энергии и удивительной работоспособности, принимаясь за дело, он «брал быка за рога», не любил «миндальничать», стремился быстро достичь намеченной цели, не заботясь о формах и бюрократических традициях. Он рубил топором без пощады, и у нас к этому высшее чиновничество было непривычно – эти приемы «дельца» раздражали чиновников, сердили, озлобляли и даже оскорбляли их. При этом спорить с Витте было нелегко, ибо он всегда хорошо знал во всех деталях вопрос, который он проводил, и в споре требовал того же от своих противников. Витте «работал» сам, а большинство его коллег любили «управлять», но не любили и не умели «работать», т. е. не работали, а служили. В конце концов, Витте завидовали и попросту его побаивались, потому что он был не такой, как другие, предчувствовали, что он постепенно заберет власть в свои руки, и, чтобы противодействовать ему, были сами слишком ленивы и «рычали» из-за угла.

Заняв пост министра путей сообщения, перед переездом в министерскую квартиру С. Ю. женился, и тоже не совсем обычно для сановника, что опять дало почву для разговоров о нем, хотя эта женитьба показывала опять ум, оригинальность и самостоятельность. С. Ю. был вдовец в самом лучшем возрасте мужчины, вероятно – натура страстная или, вернее, сладострастная. Видимо, жить без женщины он не мог, как это часто бывает с людьми, живущими нервной жизнью, и, надо думать, любил женщин опытных, понимающих жизнь. Нелегальная связь была ему неудобна как по его положению, так и потому, что он был слишком занятый человек, чтобы терять время на романтические похождения. Он предпочел иметь женщину дома и семейный очаг. Разведенная со своим мужем Матильда Ивановна, по первому мужу Лисаневич, вероятно, удовлетворяла его требованиям (я умышленно так говорю, ибо не думаю, чтобы С. Ю. был способен спрягать глагол «любить»), и он женился, не стесняясь тому, что по своему происхождению, своему родству и своему прошлому М. И. была не вполне подходяща для министра в то время, особенно для министра, делавшего гигантскими шагами головокружительную карьеру, так как она не была тем, что немцы называют «*hoffchig*».

Рассказывали, что С. Ю., опасаясь мнения двора и государя, так как М. И. была еврейка, а государь Александр III сильно недолголюбил эту нацию, особенно когда ее представители приближались к верхам управления государством, и желая быть корректным, спросил государя разрешения жениться. Император Александр III, знавший, в чем дело, будто бы ответил: «Мне нужны министры, я имею дело с министрами, но не с их женами, поэтому женитьба ваше дело

и меня не касается». Этот quasi-благосклонный ответ, однако, вместе с тем отказал супруге министра всякие пути ко двору, по крайней мере в этом царствовании.

Должен тут же сказать, что Матильду Ивановну я знал близко в течение 23 лет, что она была женой Витте, что каково бы ни было ее прошлое, которое никого не касается, она была примерной женой, верным другом своего мужа, делившей с ним горе и радость, всецело жившей его жизнью, бывшей всегда достойной того положения, которое ей дал С. Ю., и никогда в глазах других не злоупотреблявшей своим положением, но к ней я вернусь еще ниже.

Осенью, в конце августа 1892 г., государь [ездил] на маневры в Польшу и потом в Спалу. Я впервые должен был сопровождать государя, заменяя лейб-хирурга Гирша, и мне было приказано представиться на вокзале перед отходом поезда. На Петергофском вокзале в царских павильонах собрались для проводов весь двор и высшая администрация. Государя ждали, но он против обычая несколько запоздал – говорили, что перед самым отъездом у него происходило важное совещание с некоторыми министрами. Но вот приехал государь с семьей, и за ним появились министр внут<ренних> дел И. Н. Дурново, С. Ю. Витте и никому не известный в Петербурге гофмейстер А. К. Кривошеин, и по зале разнеслась последняя новость: С. Ю. Витте только что назначен министром финансов, а Кривошеин – на его место, министром путей сообщения. Эта новость удивила всех.

Получив еще бол<ьшее> поле деятельности, С. Ю. пошел с этого момента еще более быстрыми шагами к власти. Сколько я знал императора Александра III и Витте, они подходили друг к другу. Государь знал цену Витте, пользовался им, но навряд ли был склонен слишком приближать его к себе и держал его, если можно так выразиться, «в ежовых рукавицах», а такой тяжелый тормоз, как рука Александра III, благотворно влиял на такую необузданную натуру, как Витте. С. Ю., как я не раз мог заключить из его слов, боготворил государя и глубоко его почитал, а С. Ю. почитал только того, кого он боялся. С другой стороны, император Александр III действительно глубоко любил Россию и для ее благополучия считал неизбежной сильную власть. Если правда, что С. Ю. «был, прежде всего, горячий патриот», как думал М. М. Ковалевский, и был по своему характеру человек очень властный, то это была почва, на которой государь и Витте понимали друг друга. Если правда, что С. Ю. «был человеком норова» и представлял собой «странное сочетание государственного деятеля и мечтателя», как думал анонимный его биограф, то ему нужна была иногда твердая, спокойная рука Александра III, налагавшая свое «veto» в моменты «порывов» и «мечтаний» Витте, и поэтому под руководством этого монарха С. Ю. представлял собой очень удачный тип государственного деятеля, редкого по своей продуктивности работника, не выходившего из положенных ему границ.

II

Когда С. Ю. уже женатым переехал в квартиру министра финансов на Мойке, мне приходилось довольно часто бывать в его семье. Сначала домашний врач Матильды Ивановны д<окто>р Б. М. Шапиров привлек меня к лечению ее дочки, тогда еще девушки лет пятнадцати, Веры Сергеевны (она была усыновлена Витте), вышедшей потом за Нарышкина. Потом я участвовал в лечении М. И., оперировал ее и, наконец, приглашался консультантом к самому С. Ю., что уже доказывало известное доверие ко мне с его стороны, так как он не жаловал русских врачей и предпочитал лечиться у заграничных знаменитостей, к которым относился с каким-то подобострастием, не упуская случая приглашать к себе даже без всякой нужды тех из них, которые случайно приезжали в Петербург. В то время я часто бывал в доме Витте, сблизился с ним и с его женой и имел случай наблюдать жизнь, привычки и деятельность С. Ю. Квартира министра финансов была громадная, старого типа казенных квартир для сановников – комнаты были очень большие и высокие, как сараи, а в сущности, очень неуютные и потому носившие именно «казенный» характер.

Половина самого министра состояла из большой приемной залы, кабинета и рядом с ним уборной комнаты. Меблировка кабинета была более чем скромная и простая. Большой канцелярский стол служил письменным столом министра, вокруг стулья для домашних совещаний, на столе ничего, кроме чернильницы и перьев, карандашей и лампы; бумаги – только по текущим делам этого дня. К вечеру все поданные дела должны были быть исполнены, до этого С. Ю. не ложился, и секретарь должен был вечером совершенно очистить стол, поэтому у С. Ю. дела никогда не залеживались, и он за день исполнял колоссальную работу. Как-то раз С. Ю. объяснил мне свою систему работать, указал, что, по его мнению, большой администратор только при такой системе может быть продуктивен. Я воспользовался этим уроком, и, занимая позже крупные административные должности, я заводил в своем кабинете особый стол для служебных дел, не смешивая их с личными делами на письменном столе, и по системе С. Ю. всегда очищал служебный стол к вечеру, часто с благодарностью вспоминая советы С. Ю. Кроме этого рабочего стола в кабинете С. Ю. имелись по стенкам шкапики для секретных дел, записок, материалов и т. п., а у одной из стен на открытых, очень простых полках располагалась небольшая библиотека, как у студента. Несколько портретов на стенах – вот и вся обстановка рабочей комнаты министра финансов Российского государства, ворочавшего миллионами, если не миллиардами. В общем, вся эта донельзя простая обстановка придавала комнате не характер частного кабинета обеспеченного государственного человека, а характер служебного кабинета в канцелярии и была очень характерна для хозяина этого помещения – ясно было при входе в него, что здесь прежде всего дело. Форма, комфорт, даже намек на роскошь для С. Ю. не существовали. Матильда Ивановна часто жаловалась мне на неуютность кабинета, в котором С. Ю. проводил всю жизнь, но добавляла, что все ее попытки устроить С. Ю. более уютно и удобств всегда встречали с его стороны протесты, и он по этому поводу даже сердился.

Такой же скромной и даже убогой была уборная С. Ю. – quasi-туалетный стол без важных приборов, но с массой баночек и бутылочек с медикаментами, очень примитивный умывальник рыночной работы, шкаф для белья и платья и ванна. В бельевом шкафу было так мало белья и такое поношенное, что когда С. Ю. одевался более нарядно, то мало проворный и неопытный камердинер искал крахмальную рубашку «получше». Вмешательство жены здесь тоже не допускалось, и сам С. Ю., не будучи скуп, был удивительно нетребователен и как будто любил такую жизнь «по-студенчески». Мне казалось даже, что услуги камердинера его тяготили – он их терпел, но в них не нуждался. Одевался С. Ю. плохо, небрежно и неумело, что подчас раздражало Матильду Ивановну. Она часто выражала мне свое удивление, почему я хорошо одет, и спрашивала, кто мой портной, видимо, желая его рекомендовать мужу. Наконец мне эти вопросы наскучили, и я как-то ответил сухо, что одного портного мало и надо уметь носить платье. Она поняла и больше меня не спрашивала. Остальные комнаты на половине М. И. были, видимо, меблированы обойщиком по его вкусу и носили «казенный» характер, кроме спальни и столовой. В громадной спальне с большой, не прикрытой стульями двуспальной кроватью имелось много диванов, кушеток, ковров, звериных шкур и т. п., что придавало комнате какой-то своеобразный характер – не спальни, а какого-то «салона». В этой комнате М. И. преимущественно и жила и принимала в ней своих более близких друзей. Одним словом, было, что после кабинета спальня играла наибольшую роль в жизни супругов.

Богаче была столовая из черного дуба, но в ней было слишком много фарфора, выставленного на буфетах слишком нового серебра, как будто только что присланного из магазина, поэтому здесь обстановка несколько напоминала столовую разбогатевших фабрикантов и банкиров – много ценностей и мало вкуса и понимания в хороших вещах.

За столом служило несколько лакеев в livree, имелся и «дворецкий», который, видимо, распоряжался по своему разумению, но в общем прислуга была не особенно корректна и

«style»¹⁰⁰. Повар был хороший, но остававшийся без руководства – С. Ю., по-видимому, любил покушать, но в кулинарном искусстве понимал мало. Все, что не гармонировало с простотой обстановки комнат С. Ю. и носило несколько театральный, бутафорский характер. С. Ю., несомненно, во всем этом ничего не понимал, считал это забавой, ему не нужной, может быть, он допускал, что все это нужно при его положении, предоставлял все это жене, выдавал деньги, тяготился этим «тоном», но терпел и приходил на половину жены как в гости.

Жил С. Ю. исключительно работой и государственными делами – только для работы и службы.

Когда я знал С. Ю. министром финансов, он вставал рано и уже около девяти утра приходил в кабинет одетый, пил чай и просматривал газеты, а с десяти, если не раньше, начинал принимать доклады. Ровно в 12 час^{ов} он приходил в столовую, где тотчас подавался завтрак из двух блюд, опоздания не допускалось ни на минуту, о чем М. И. всегда предупреждала меня, когда я приглашался к завтраку, добавляя, что С. Ю. не выносит опозданий и в случае таковых раздражается. Вообще он был до щепетильности точен в распределении своего времени. Ел С. Ю. очень жадно, как рабочий, и быстро – «глотал» пищу. Сидел он за столом как-то боком, точно мимоходом, ел неопрятно, часто пускал в ход пальцы и не злоупотреблял салфеткой, почему его домашний пиджак был всегда в жирных пятнах. Пил он мало – какое-то легкое шипучее вино, которое ему подавали отдельно в полубутылках. Очень заботясь о своем здоровье, всегда придавал значение пище в смысле соответствия с требованиями гигиены. Всегда ел какой-то особенный хлеб и непременно после завтрака фрукты, которые он получал с Черноморского побережья, и любил указывать, что он поддерживает отечественное плодоводство. Завтрак продолжался 20–25 минут, после фруктов он немедленно закуривал папиросу в малоаппетитном прокуренном деревянном мундштуке, тотчас залпом выпивал кофе и в 12 1/2 уходил к себе, предоставляя гостей, если таковые были, жене. Если бывало какое-либо дело к С. Ю., то во время завтрака можно было коротко переговорить с ним и обыкновенно тут же получить ответ. Если у меня было дело к С. Ю., я говорил об этом М. И., и тогда она приглашала меня к завтраку, чтобы сберечь время С. Ю. и мое. Я так не раз подготавливал почву для получения кредитов на свои ученые работы, свои учреждения и на Красный Крест. С. Ю., дав свое согласие принципиально, требовал только самой краткой памятной записки, иногда для доклада государю, и дело проходило с невероятной быстротой.

Редко С. Ю. засиживался за завтраком, когда он ехал в какое-нибудь заседание, начинавшееся обыкновенно около двух часов, и тогда он любил побеседовать на злобы дня, но больше говорил сам или рассказывал. Иногда в чайное время, около 5 часов, между докладами и совещаниями, С. Ю. на минутку заходил к жене, а в 7 часов снова появлялся к обеду, после которого проводил около часа, до 8 1/2–9 час^{ов} в гостиной жены. Иногда играл одну партию в карты, если были партнеры, и снова уходил к себе, чтобы работать до поздней ночи. Развлечений С. Ю. не признавал, в театрах, кажется, почти никогда не бывал, искусством и литературой не интересовался, читал он только то, что ему было нужно в данную минуту, и то читал больше во время путешествий за границу, дома для этого у него не было времени. Науку он глубоко почитал, но теоретически – на деле благодаря своему властному характеру и самоуверенности был склонен спорить о научных вопросах, которых не понимал, и высказывать свое мнение. Однако, надо отдать ему справедливость, что он иногда все же признавал [необходимость] учиться тому, что он не знал. Так, он, как говорили, при назначении на пост министра финансов пригласил к себе известного тогда банкового деятеля Ротштейна и брал у него уроки по банковому делу. Далее, в противоположность большинству наших сановников, он вел знакомство с наиболее выдающимися профессорами и специалистами политической

¹⁰⁰ Искж. англ. style (стиль, манера, мода).

экономии и государственного права, совещался с ними, старался использовать их знания и не страшился их политического направления и степени их «политической благонадежности». Так, имел сношения с Чупровым, Посниковым, Ковалевским и многими другими. Боюсь, что это не мешало ему держаться своих точек зрения, кои не всегда соответствовали науке. Обращался он, сколько я помню, к профессорам и тогда, когда он взялся читать политическую экономию или, как он говорил, учение о государственном хозяйстве, наследнику престола великому князю Михаилу Александровичу, для которого он составил программу и даже написал что-то вроде руководства «курса». Так или иначе, но С. Ю. по крайней мере делал вид, что, как человек с университетским образованием, уважает представителей науки, интересуется их взглядами на некоторые задачи управления государством и не относился к ученым с полупрезрительной улыбкой, как это делали некоторые его коллеги, как, например, И. Л. Горемыкин.

Был ли С. Ю. серьезно образован? Думаю, что не ошибусь, если скажу нет. Иногда он делал впечатление человека много знающего, но это было, в сущности, не результатом знаний и его способности схватывать суть вопроса, его ума и таланта. Помню, например, как, будучи уже не у дел, он после поездки своей в Англию с увлечением рассказывал мне свои наблюдения над системой учения и воспитания в английских школах. Слушая его, можно было подумать, что он предался изучению этого вопроса и действительно по существу ознакомился с ним и пришел к известным выводам, но, в сущности, из дальнейшего разговора мне нетрудно было прийти к заключению, что знакомство с вопросом основывалось на нескольких разговорах в Англии, на просмотре нескольких книжек и, главное, на вышеуказанной способности ума С. Ю. – это было очередное увлечение заинтересовавшим его вопросом, и только. Иногда С. Ю., как говорили его недруги, выдавал свое невежество с головой и руками. Беседовать и спорить с С. Ю. было трудно и не всегда приятно, хотя большей частью интересно. Неприятно, потому что он сразу схватывал мысль собеседника, не давал ему договорить, а начинал возражать сам, подчас несколько «третируя» своего собеседника, а тем более противника. Если же он считал последнего не достойным возражений, то демонстративно и почти оскорбительно молчал или делал вид, что слушает, но, в сущности, не слушал, а, видимо, думал о другом. Нередко в суждениях своих он бывал резок и неприятен, чем озлоблял против себя многих, но не обижался, если противник ответил ему тем же, и напротив, относился к такому противнику с уважением и становился мягче. Я думаю, что в очень демократическом парламенте С. Ю. имел бы больше успеха, чем в старом Государственном совете.

<...> При всем своем уме и увлечениях большими политическими и государственными вопросами С. Ю. был лично тщеславен и честолюбив. Так, например, будучи типично штатским человеком, совершенно ничего не понимая в военном деле и не интересуясь им, он очень гордился тем, что состоит по должности министра финансов шефом пограничной стражи. В прежнее время министр финансов был, в сущности, шефом пограничной стражи только *de nomine*, командовал ею совершенно самостоятельно корпусной командир, но С. Ю. принимал свое «шефство» всерьез и входил довольно близко в дела управления корпусом. Надо отдать справедливость шефу, что поставлен был корпус очень хорошо, особенно в отношении снабжения, обмундирования и санитарной части по сравнению с армейскими корпусами, что, впрочем, отчасти зависело от возможности легко увеличивать материальные средства корпуса, лучше обеспечивать офицеров и т. п., так как ведь отпускаемые кредиты зависели от шефа, т. е. он распоряжался русскими финансами – то, что военному министру нелегко было провести в армии, то легко и просто проходило в военной части, состоявшей на попечении министра финансов.

Вместе с тем одной из характерных черт С. Ю., как мы еще увидим, была какая-то неустойчивость С. Ю. в некоторых его взглядах и мнениях. Он менял их очень легко и часто,

как в делах крупных, так и в мелочах – безусловно, он поддавался иногда не только моменту, но и влиянию других, напр<имер> жены.

Как-то раз я заехал к больной М. И. случайно в парадной военной форме, в высоких сапогах, эполетах, при оружии и т. п. и, вероятно, имел довольно марциальный ¹⁰¹ вид. Во время моего визита в спальню пришел С. Ю. и увидел меня у кровати больной в таких доспехах, выразил свое удивление, зачем врачей так милитаризуют: «Для чего вам эти сапоги, шпоры, пашки и т. д.? Врач и военный должен быть прежде всего врачом, а все это придает врачу вид офицера...» – говорил он. Я объяснил ему, что офицерская форма военному врачу необходима потому, что среди офицеров военный врач должен быть членом военной семьи, для нижних чинов офицерский мундир нужен для того, чтобы нижние чины подчинились ему, так как в военной среде форме придают большое значение, штатский в этой среде полноправным не считается. «Я думаю, – возразил С. Ю., – что врач должен завоевывать свое положение не формой, а внушением к себе доверия и уважения своей врачебной деятельностью». Я не стал спорить и замолчал. Вскоре после этого я встретил как-то медицинского инспектора пограничной стражи Шапирова в казачьей папаше и спросил его, почему он носит папаху. Б. М. Шапиров, всегда стремившийся походить на настоящего генерала, хотя это ему плохо удавалось, ответил мне: «Я стремлюсь к возможности приравнять своих врачей к офицерам и просил С. Ю. исходатайствовать нам право носить такой же головной убор, как у офицеров пограничной стражи, и С. Ю. испросил это изменение нашей формы у государя». Меня это очень удивило, так как ведь это совершенно противоречило вышеприведенному мнению Витте. Однако мое удивление еще более увеличилось, когда я увидел в спальне М. И. большой портрет С. Ю. в военной форме, в папаше, с пашкой, что очень мало к нему шло. Оказалось, что С. Ю. исходатайствовал себе право носить форму пограничной стражи, но с узкими погонами для гражданских чинов, как у врачей. Правда, в этой форме С. Ю. появлялся редко, только в случаях, когда он появлялся перед строем, но, видимо, он сам и М. И. очень гордились этим правом С. Ю. носить военную генеральскую форму, иначе они не поставили бы на видном месте портрет С. Ю. в этой форме. Я ни разу не видел С. Ю. военным и не могу себе представить его штатскую, неуклюжую фигуру в военной форме... Думаю, что он не был особенно величествен... чтобы не сказать больше. Я слышал, что при своих поездках по России он принимал почетные караулы, рапорты офицеров, здоровался с людьми и т. п. Одним словом, этот крупный государственный человек «играл в солдатики» и, вероятно, вызывал нередко улыбку у своих офицеров. Так как С. Ю. вел очень сидячий образ жизни, то врачи посоветовали ему ради моциона верховую езду. Мысль эта ему понравилась, и он взялся за это так же серьезно и деловито, как он брался за все. Он выписал себе крупного, хороших кровей hunter'a, который мог бы нести его вес, взял себе учителя верховой езды и выучился ездить как следует. Летом, живя на даче на Елагином острове, С. Ю. чуть ли не ежедневно делал большие прогулки верхом, но странно было то, что выезжал он в военной форме и в сопровождении офицера из нижних чинов пограничной стражи – видимо, он был доволен, что выезжал как настоящий военный генерал. <...>.

Здесь я хотел бы сказать несколько слов о подруге жизни С. Ю. – Матильде Ивановне, несомненно имевшей на него большое влияние. Недаром же новые золотые, выпущенные вместо полуимпериалов при Витте, называли «матильдами». М. И. по своей внешности не могла быть названа женщиной красивой, ни даже хорошенькой. На мой взгляд, можно было только сказать, что она не некрасива. Элегантности в ней тоже не было, не было и национально-еврейского типа, который бросался в глаза у ее сестер, и говорила она без акцента, но несколько на южный лад. <...> Было у М. И. «что-то» – «un je ne sais quoi»¹⁰², что очень нравилось мужчинам, но мужчинам известного типа и возраста. Я лично никогда не находил ее привлека-

¹⁰¹ Воинственный, бравый.

¹⁰² Нечто необъяснимое (франц.).

тельной как женщину, но многие не были моего мнения. Она несомненно была очень умна, большей частью тактична и выдержана и этим своим «savoir vivre»¹⁰³ тактом и чисто женским «чутьем» умела во многом сглаживать шероховатости мужа в его отношениях с людьми. Образования она была, я думаю, очень невысокого, но это не было заметно – природный ум и здравый смысл заменили его. Ее такт скрывал недочеты воспитания. Конечно, она собиралась быть светской женщиной и сумела этого достичь в известной мере настолько, что позже графский титул не шокировал в ней никого. Как я уже сказал, М. И. была верным другом мужа и близко принимала к сердцу все, что касалось его. Я не думаю, чтобы С. Ю. делился с нею своими мыслями касательно его государственных дел, но о перипетиях своей службы и о своих отношениях с людьми он не только говорил с нею, а даже с ней советовался. Не сомневаюсь, что он нередко поручал ей добыть ему некоторые сведения от знакомых и сблизить его с нужными ему людьми, и она умела делать это очень тонко, часто исправляя сделанные им промахи. Главной целью ее жизни было доставить мужу спокойную и приятную семейную жизнь и этим упрочить его привязанность. <...> Никогда я не видел даже намека на ссору между супругами или семейную сцену, хотя я думаю, что характер С. Ю. не всегда был приятен для совместной жизни. Вероятно, она умела угодить ему и как женщина, ибо С. Ю. ее обожал, был ей предан «как собака» и не мог без нее обходиться. Видимо, М. И. была одна из тех редких женщин, которые умеют объединять роли жены и любовницы. Одним словом, они жили, что называется, «душа в душу». М. И. сумела внушить мужу и любовь к ее дочери, и С. Ю. относился к своей приемной дочери как к родной. Так же хороши были и отношения Веры Сергеевны к мужу ее матери, что так редко бывает.

Я не сомневаюсь, что М. И., пользуясь привязанностью к ней мужа, во многих отношениях влияла, конечно, подчас сдерживая его порывы, смягчала его нрав и вообще проводила то, что хотела, но так ловко, с такой [нрзб.], что он этого не замечал. Если М. И. говорила, что С. Ю. сделает то или другое, дает свое согласие и т. п., то это так и бывало.

Если у М. И. и были отрицательные стороны, то это были черты ее национальности: она была человек очень личный, в ней имелась известная склонность к интригам, и она, может быть, бессознательно тяготела к представителям своей национальности. Если С. Ю. и был действительно иудеофилом больше, чем это было желательно для русского министра финансов и государственного человека, то это было, несомненно, выражение влияния жены, недаром же еврейство с большим почтением и великими надеждами взирало на «свою», взобравшуюся на такую высоту.

Если я позволил себе так подробно остановиться на характеристике М. И., то только потому, что муж и жена были настолько спаяны «воедино», что тот, кто ближе знал С. Ю., не мог себе даже представить его без нее.

Первые годы замужества за С. Ю. в холодной, казенной обстановке министерского дома были для М. И. нелегки. Все ведение дома, все хозяйство, все домашние заботы лежали исключительно на ней, причем ей бывало трудно справиться и в материальном отношении. С. Ю. был [нрзб.] не скуп, но – как это ни странно – не знал цену деньгам и даже приблизительно стоимость той обстановки, в которой он жил. Своих средств у С. Ю. вначале не было. 20 числа он приносил свое жалованье жене и не спрашивал, как она справляется с этими сравнительно незначительными средствами, совершенно не входя в хозяйственные вопросы.

М. И. часто жаловалась мне, что справляться ей очень трудно и она принуждена изворачиваться сама, как знала, проживая даже ее собственный капитал. Так, по крайней мере, она мне говорила. Лишь позже, после конверсий и заграничных займов, за которые С. Ю. получил известный процент, средства его улучшились, и М. И. стало легче. В городе много говорили, будто она играла на бирже и, конечно, с большим успехом, но я этого не думаю. Если она

¹⁰³ Житейская мудрость (франц.).

без ведома мужа что-либо и наживала, то это было, сколько я могу себе представить, вполне легально и незначительно. Не думаю, чтобы я ошибался в этом отношении, во всяком случае, я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь мог сказать на основании фактов, чтоб С. Ю. или М. И. занимались аферами или обогащением себя, пользуясь служебным положением С. Ю., – у него было слишком много врагов и недоброжелателей, и поэтому я не сомневаюсь, что всякое некорректное отношение его или М. И. к денежным делам, несомненно, очень скоро всплыло бы наружу. Если у М. И. после смерти мужа и образовалось довольно крупное состояние, то это было результатом полученных С. Ю. прежних денежных наград и проценты, причем эти капиталы были увеличены умелым помещением их. Так я смею думать и навряд ли ошибаюсь.

В эти первые годы замужества М. И. ей жилось тяжело и в нравственном отношении – скучно, тревожно и одиноко. В доме бывали только мужчины, коллеги и подчиненные мужа, женщины игнорировали М. И. В то время у четы Витте изредка бывали полуофициальные обеды, но они были скучны, довольно натянуты и без претензий, в чем я имел случай убедиться лично. Навряд ли эти приемы могли развлекать и удовлетворять М. И. Близких знакомых и друзей у М. И. кроме нескольких мужчин, не было. Были, правда, всегда ложи в театрах, но не было ни приятельниц для совместного посещения театров, ни интересных кавалеров. Она проводила целые дни и вечера одна или в сообществе своей дочери и нескольких «прихлебателей», которых она прикармливала. Петербургский «свет» относился к М. И. отрицательно, частью с завистью, частью со злорадством, и ее «травили» не только женщины, но подчас и некоторые мужчины. Она это знала, понимала, и ее самолюбию приходилось испытывать нередко болезненные уколы, от чего она немало страдала душой, как сама мне говорила в минуты откровенности, иногда даже со слезами в глазах.

Припоминаю, как в одном доме И. Л. Горемыкин, тогда еще товарищ министра юстиции, говорил при мне, что он никогда не допустит знакомства своей жены с М. И., добавляя, что бывать «у той женщины» зазорно не только дамам, но и уважающим себя мужчинам. На другой день я заехал в сумерках¹⁰⁴ к М. И. Человек доложил, что у них гости, и пошел обо мне доложить. Через несколько секунд я увидел через открытую дверь, как по полутемной зале из комнат М. И. прошмыгнул Горемыкин. Войдя к М. И., я спросил ее, часто ли у нее бывает Горемыкин. «Очень часто, – ответила она, – он повадился бывать у меня в это время в надежде встретить С. Ю., который ему нужен, но который избегает принимать Горемыкина; этот господин обивает у меня пороги, а в городе вешает на меня собак, боится встретить у меня кого-либо и убегает тайком, как только ко мне кто-нибудь придет в то время, как он у меня. Я отлично его понимаю, и мне это страшно в нем противно».

В другой раз М. И., показывая мне визитную карточку одной очень высокопоставленной дамы, добавила: «Сегодня я удостоилась большой чести, мне отдали визит графиня В<оронцо>ва<-Дашкова>, которой я сделала визит, потому что граф бывает у моего мужа по своим делам и на днях зашел ко мне с С. Ю.» Я этому не удивился, ибо знал, что граф продает очень выгодно одно свое имение в Крестьянский банк для поправления своих несколько расстроенных дел. Через несколько дней я встретил графиню В<оронцо>ву<-Дашкову> в Гатчине у императрицы-матери. За завтраком графиня громко рассказывала императрице, смеясь, как она на днях ловко избегла знакомства с m-me Витте. «На днях она была у меня, – говорила графиня, – но, к счастью, не застала меня и оставила карточку. Я не знала, как мне быть, и несколько дней придумывала способ выйти из этого положения, но ничего не могла придумать, ибо не отдать визит я не считала возможным и портить отношения между Витте и моим мужем я не хотела (еще бы! – подумал я). На днях я, катаясь по набережной, встретила идущую пешком m-me Витте, и мне пришла в голову богатая мысль. Я приказала кучеру сейчас же повернуть и ехать к Витте, которой наверное не было дома. Я отдала карточку и теперь надеюсь, что

¹⁰⁴ Т. е. в сумерках (обл.).

этот кошмар кончен». Все смеялись и находили, что графиня очень находчива, но я, кажется, один знал причину, почему графиня не могла не отдать визита М. И., ибо банк уплатил ее мужу, как говорили, 3 ¹/₂ миллиона за имение, которое стоило максимум 1 ¹/₂–2 миллиона¹⁰⁵.

Большой неприятностью для М. И. являлась невозможность представиться ко двору, и она, и С. Ю. под ее влиянием, делали все возможное, чтобы достичь этого. Как-то раз М. И. сказала мне, что, по ее мнению, ее приему при дворе главным образом препятствует императрица-мать, что благодаря этому ее положение очень неприятное, особенно жаль ей своей дочери, которая во всяком случае ни в чем [не] повинна, [но лишена] ее удовольствия бывать на придворных балах и поэтому – во многих частных домах. На днях М. И. посетил великий князь Алексей Александрович и обещал ей убедить императрицу Марию Федоровну принять М. И., после чего она, несомненно, будет принята и молодой императрицей. Через несколько дней я был у императрицы в Гатчине, и в разговоре императрица что-то упомянула о М. И., я воспользовался случаем и затянул этот разговор, от которого у меня осталось впечатление, что она, в сущности, была бы не прочь принять г-жу Витте, но... «Я вчера говорила с моим beau-frère'ом¹⁰⁶ Алексеем Александровичем (которого императрица очень любила за его сходство с государем Александром III) и спросила его мнение о m-me Витте, которую он знает. Он сказал мне, что бывает у нее, но <...> никогда не допустит, чтобы я ее приняла. [Есть особы, с которыми императрицы не должны встречаться], – сказала она мне. Вы видите, что это мнение моего beau-frère'a, знатока женщин, и что я здесь ни при чем».

Я замолчал и никогда больше о М. И. у императрицы не заикался, ибо понял, что дело непоправимо, о чем я, конечно, М. И. не сказал ни слова. После Портсмутского договора и пожалования Витте графского титула М. И. первой приняла императрица Александра Федоровна, а потом и государыня Мария Федоровна.

[После этого я как-то спросил императрицу-мать: «Vous avez vu m-me Witte, madame?» – «Qui»¹⁰⁷, – ответила государыня коротко и сухо. Хорошо зная императрицу, я понял, что она была недовольна моим вопросом.]¹⁰⁸ <...>

IV

Нередко мне приходилось беседовать с С. Ю. по поводу винной монополии, за которую на Витте сыпалось столько обвинений. С. Ю. вполне справедливо признавал, как и все, всю безнравственность обогащения казны за счет развращения народа перед войной, но он пока не находил другого способа сводить государственную роспись до тех пор, пока при большем развитии экономического состояния страны не найдутся другие источники. Однако несомненно, что С. Ю. был прав, когда говорил, что монополия была менее безнравственным приемом, чем система акциза и откупа с их развращающими народ кабаками, ведь бесспорно, что С. Ю. мы были обязаны уничтожением кабака и введением винных лавок, в которых не давали водки под залог вещей и нельзя было найти притона всем порокам, как это бывало в кабаках. По праздникам водка не продавалась, и, наконец, народу давали по крайней мере чистый спирт вместо той отравы, которой торговали кабаки. Правда, что тем не менее количество потребителей спирта росло и увеличивало доходы казны, но все же принимались меры, чтобы по возможности ослабить [нрзб.] зло и об них С. Ю. действительно искренне заботился и этим, скрепя сердце, как он не раз мне говорил, гордился. Вместе с тем С. Ю. заботился о принятии

¹⁰⁵ Интересно, что через несколько лет дочь графини В<оронцо>вой<-Дашковой>, графиня Ш<еремете>ва, была одной из самых близких приятельниц М. И. – *Примеч. авт.*

¹⁰⁶ Деверем (братом мужа).

¹⁰⁷ «Видели ли вы мадам Витте, ваше величество?» – «Да» (*франц.*).

¹⁰⁸ Текст в квадратных скобках вычеркнут автором.

мер, способствующих трезвости, как это ни поразительно, и выдавал большие суммы с этой целью комитету народной трезвости, сплотившемуся под руководством принца А. П. Ольденбургского. Таким образом, был построен и широко оборудован народный дом, открыты чайные, столовые, буфеты, театры для народа. Правда, все это было каплей в море по сравнению с морем водки, заливавшей Россию, но все же при С. Ю., как-никак, для этого делалось больше, чем раньше. С точки зрения чисто коммерческой все дело торговли спиртом было поставлено очень широко и солидно, в чем я мог убедиться во время войны, когда мы в провинциальных городах на фронте, подыскивая лучшие помещения для санитарных учреждений, чаще всего реквизировали винные склады Министерства финансов как лучшие здания в городах. <...>

Теперь я приведу два очень интересных разговора с С. Ю., которые у меня были с ним в 1900 и в 1905 гг. и которые представляют собой большую ценность, потому что они тогда же немедленно были записаны мной дословно.

V

4 августа 1900 г. я был вызван к министру финансов С. Ю. Витте по известному мне делу. Оказалось, что 1 августа С. Ю. был у императрицы Марии Федоровны и хотел сообщить мне приятную новость, что по просьбе государыни он выдает мне 19 000 руб. на светолечебный кабинет при моей клинике.

Поблагодарив его и дав ему интересовавшие сведения по деятельности Красного Креста на Дальнем Востоке, я воспользовался случаем и спросил С. Ю.:

– Не можете ли вы сказать мне конфиденциально, посылать ли нам наш краснокрестный персонал на Восток? Не время ли остановиться? Ведь дело, по-видимому, налаживается? Что вы думаете? От военного министра ведь этого не узнать.

– Ничего сказать вам не могу, – ответил С. Ю., – я лично думаю, что ваш персонал придет тогда, когда все будет кончено. Со взятием Пекина военным действиям конец. В общем, мое мнение таково, насколько я себе его представляю, так как дело ведь не в моих руках, – эту картинную войну ведет и желает вести Куропаткин. Чего он хочет – я не понимаю. Долго ли у него будет охота продолжать кампанию, я не знаю. Если говорят об умиротворении, то там скоро нечего будет делать; если же искренне желать воевать, то с Китаем можно воевать и 10 лет и разорить Россию. Это ужасный человек, этот Куропаткин. Может быть, он хороший корпусной командир, и то для войны с «дикими», с [нрзб.], с сартами, и не военный министр, не государственный человек. От него не знаешь, что ждать. Что там будет с Кореей и Японией – я не знаю, но с Китаем нам нечего делать. К сожалению, государь меня не спрашивает. Он вообще за все время ни разу не собрал совещания, и три министра говорили ему врозь, а Куропаткин, толкуя о «моменте», о славе и т. п., сбивает его с настоящего пути.

– А что вы думаете про назначение Вальдерзее? – спросил я.

– По-моему, это очень умный шаг, – говорил С. Ю. – Если будет плохо, то все будут обвинять немцев, а не нас. Ламздорф это отлично устроит; я вообще им очень доволен. Да ведь эту войну, как я уже вам сказал, выдумал и вызвал Куропаткин. Я умолял не начинать войны в Маньчжурии и справился бы с Ренненкампом и нашей пограничной стражей. Как только пустили войска, так и пошла катавасия. Югович предупреждал ведь, что прибытие войск вызовет брожение и разгром жел<езной> дороги, так оно и вышло. Но ведь Куропаткину это все равно. Они ведь в конце концов разорят бедную Россию.

– Сколько мне известно, вы ведь сначала были против захвата Порт-Артура и постройки Амурской дороги? – заметил я.

– Конечно, – продолжал С. Ю. – Я вполне разделял и разделяю мнение, что у нас на Востоке много дела, что там у нас, как и в Сибири, большие интересы, но ведь нельзя в 3 года

сделать то, на что требуется 25 и больше лет. Ведь Сибирь только в зародыше. Ведь прежде дорога должна была идти на Владивосток. Когда взяли Порт-Артур, то я, не сочувствуя этому захвату, настоял на перемене направления, на путь через Маньчжурию, ибо без этой дороги Порт-Артур не имел смысла. Лучше было взять порт в Корее, но я тогда не мог переубедить молодого государя, которому захотелось в один миг сделать невозможное, и это под влиянием графа Муравьева, которого, слава Богу, господь прибрал, хотя и поздно.

– Совершенно согласен с вами, – перебил я С. Ю., – можно ли думать о солидном порте, о военном влиянии, когда дорога не готова и нет даже телеграфа (тогда пользовались иностранными кабелями, кажется, датским).

– Ну, конечно, – продолжал горячо Витте, – я понимаю, что сначала необходимо построить Сибирскую дорогу, постепенно перевезти войска, немного устроить Сибирь, сибирские города, дать немного культуры Сибири, а потом уже думать о порте на Тихом океане. Но ведь для этого нужно 10–20 лет, а не два года. Вот и запутались и разоряем Россию. Но я ничего сделать не мог. Скажу вам, пожалуй, откровенно почему. Когда немцы взяли Киао-Чао, заговорили о порте для нас. Я был очень против этого, и меня очень поддерживал морской министр. Я был тогда очень прост и говорил то, что думал. Заехал я раз к советнику германского посольства – посла Радолина не было. До этого момента император Вильгельм относился ко мне очень хорошо и не раз выражал мне свои симпатии. Я позволил себе доказывать советнику посольства, что Германия делает ошибку, что захват Киао-Чао может иметь неисчислимые последствия, и очень серьезные, что лучше этого не делать. С того времени император Вильгельм совершенно изменился ко мне и стал относиться ко мне недружелюбно. Вскоре после этого разговора с советником посольства ко мне заехал Радолин. Мы беседовали с ним вот так, как с вами. Я говорил ему как частный человек и в разговоре на его вопросы по китайским делам, говоря о захвате портов, проронил фразу «tout cela finira très mal»¹⁰⁹. Радолин телеграфировал об этом разговоре со мной императору Вильгельму, а гр<аф> Муравьев, занимавшийся перлюстрацией, перехватил эту телеграмму и показал ее государю. С тех пор государь от меня отвернулся, не говорит со мной, я с того времени не могу вернуть себе доверие его.

«Что они делают! Да вот финляндский вопрос. Ведь что тоже все наделал Куропаткин. Я согласен, что в некотором отношении Финляндию можно было и следовало прибрать к рукам, но только постепенно и не так, как это делают Куропаткин и этот государственный человек – Бобриков. На днях еще он издал циркуляр, в котором он говорит, что Николай I послал в Финляндию жандармов для насаждения нравственности – а?! – что их там очень часто били и оценили, что потому Николай II, желая усилить это благотворное влияние на Финляндию удваивает число жандармов, а он – Бобриков – выражает надежду, что финляндцы примут их с такой же любовью. А?! И это пишет генерал-губернатор! Ведь это постыдно! В стране, где не было никаких «шумов», ни проявления нигилизма, ни социализма, где никогда не принимали участия в антимонархическом движении, теперь дама не может собрать в своей гостиной знакомых, не испросив разрешения у «нравственных жандармов». Я понимаю, что немцы наводят порядки или что они что-нибудь ломают, а то государство, которое имеет в столице Клейгельса с его полицией, заводит порядки в такой культурной стране, как Финляндия. Ведь это позор, варварство!

Я заметил, что на меня очень нападали в свите государя, напр<имер>, ген<ерал> Гессе, когда я говорил то же еще два года тому назад и возмущался речами Бобрикова и частыми статьями его клеветов. «Ведь скверно то, – говорил я, – что Бобриков не только говорит несусальности, а как бы с удовольствием купается в этом, дразнит и ожесточает».

С. Ю. продолжал:

¹⁰⁹ Все это плохо кончится (франц.).

– Совершенно верно. А тут еще взяли Плеве. Когда государь спрашивал мое мнение о кандидатах в министры внутренних дел, я, в свою очередь, спросил: «А кто же кандидаты вашего величества?» – «Плеве и Сипягин», – ответил государь. Я могу характеризовать их, но рекомендовать не смею, выбирайте вы. Самый Плеве человек очень умный, ловкий, он честный и отличный администратор, вообще человек вполне подходящий. Но когда был министром Толстой, он был его мнения; когда был Игнатьев, он был его мнения; когда был Дурново (Ив<ан> Ник<олаевич>), Плеве мнения не имел, потому что и у Дурново мнения не было. Сипягин – человек, правда, и не очень умный, может быть, и крайний, – «псовый охотник», как вы его называли (это я), но это человек дельный, со своими взглядами и не флюгер. Это менее опасно, чем умный, да без принципов. Взяли Сипягина и Плеве доверили Финляндию. Он поднял нос, понюхал, понял, что требуется, и тут же стал гнуть. Чем это кончится?!

– А говорили вы об этом с императрицей Марией Федоровной? – спросил я.

– Да. Она еще дольше идет, чем я, и думает обо всем этом еще гораздо хуже, чем я. На этом мы разошлись.

5 августа. За завтраком у императрицы Марии Федоровны, конечно, много говорили о Китае. «Qu'on prenne Pékin et que ce sauchemar finisse»¹¹⁰, – сказала императрица.

На мое замечание в<еликой> к<нягине> Ксении Александровне, что она думает о Вальдерзее, она сказала мне, вероятно, мнение своего мужа: «Одна надежда, что этот противный немец приедет, когда все будет кончено».

Кн<язю> Барятинскому я высказал свои опасения, что Германия что-то замышляет. Как бы она не сговорилась с Японией против нас. «То же сказал мне, – ответил князь, – и Енгалычев, наш военный агент в Берлине». Из этого следует, что в Гатчине и у в<еликого> к<нязя> Александра Михайловича смотрели на участие Германии в наших делах в Китае не так розово, как С. Ю.

VI

20 мая 1905 г. я случайно завтракал у Витте. Кроме меня был еще гость – Б. М. Шапиров. С. Ю. пришел к завтраку, как всегда, довольно грязный, в пиджаке с пятнами, не вполне застегнутый, но на этот раз он имел особенно неприглядный, озабоченный, даже больной вид. Сначала разговор не клеился. Я наконец заметил, что ждал от этого завтрака много, ибо питал надежду услышать от С. Ю., что он думает о поражении нашего флота, о будущих реформах и т. д.

Тогда С. Ю. разговорился – говорил довольно много под конец завтрака и потом заходил по комнате и продолжал рассказывать.

¹¹⁰ Пускай захватят Пекин, только бы этот кошмар закончился (франц.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.